

Старая Россия и старая Чечня:
невыученные уроки
(Изучающим Отечественную историю)

Составление, редакция, предисловие и примечания
доктора исторических наук В.В. Швецова

Научная редакция, предисловие доктора историче-
ских наук, профессора М.В. Новикова

Ярославль
2006

ББК 63. 3 (0) 52/53
УДК 94 (47)
С 77

Старая Россия и старая Чечня: невыученные уроки
(Изучающим Отечественную историю) / В.В. Швецов. Под
ред. М.В. Новикова. Ярославль, 2006. 308 с.

Составление, редакция, примечания:

доктор исторических наук В.В. Швецов

Предисловие:

доктор исторических наук В.В. Швецов

доктор исторических наук, профессор М.В. Новиков

Научная редакция:

доктор исторических наук, профессор М.В. Новиков

ББК 63. 3 (0) 52/53

ISBN 5-87-555-254-9

© Ярославский государственный
педагогический университет
имени К.Д. Ушинского, 2006

© В.В. Швецов – Примечания,
предисловие, 2006

© М.В. Новиков – Предисловие, 2006

Содержание

1. М.В. Новиков, В. В. Швецов. Предисловие.....	4
2. А.А Бестужев (Марлинский). Он был убит.....	9
3. А.П. Николаи Эпизод из истории Кавказской войны.....	17
4. А.П. Берже Выселение горцев с Кавказа.....	56
5. А.В. Пешехонов Культурная драма.....	156

Предисловие

В 1999-2004 годах Советом Европы был реализован проект «Черноморская инициатива по истории», в ходе которого историками 7 причерноморских государств (Болгария, Грузия, Молдова, Россия, Румыния, Турция и Украина) было подготовлено, а экспертами Совета Европы отредактировано и опубликовано иллюстрированное учебное пособие для школьников «Черное море. История взаимодействия».¹ С самого начала руководителями проекта Алисон Кардуэлл и Татьяной Милко перед интернациональным коллективом авторов была поставлена серьезная задача: содержание учебного пособия должно прежде всего включать в себя те исторические сюжеты, которые не разъединяют, а, наоборот, объединяют причерноморские народы и государства, имевшие же в прошлом место различные конфликты представлять таким образом, чтобы у побежденных не возникало желания реванша. Именно в таком ракурсе автором этих строк была написана и без существенных изменений принята редакторами российская часть данного учебного пособия. Представлена там и краткая история реализации государственных интересов России в бассейне Черного моря, в том числе и на Кавказе и выглядит она следующим образом.

«Со второй половины XVII века русско-турецкие отношения серьезно осложнились. Основной причиной стало присоединение к России Украины, которая входила в завоевательные планы Османской империи. В 1667 г. вторжением турецких и крымских войск на Украину началась первая в истории война между Россией и Турцией. Война завершилась подписанием в 1681 г. Бахчисарайского договора, согласно которому Турция признала переход Левобережной Украины и Киева к Русскому государству. Под

властью Турции оставалась южная часть Правобережной Украины.

В 1686 г. Россия подписала «вечный мир» с Польшей, что обязало ее стать участником антитурецкой коалиции. Выполняя свои обязательства, Россия организовала два похода на Крым (1687 и 1689 гг.), которые не привели к его завоеванию, но вынудили крымских ханов перейти от набегов к обороне собственных владений. Петр I, став русским царем, также предпринял два похода на юг (1695 и 1696 гг.) и штурмом взял турецкую крепость Азов.

В XVIII веке противоборство России и Турции вступило в новую фазу. Султаны стремились не только сохранить, но и расширить свои владения в Северном Причерноморье. В России же императором Петром I была сформулирована главная задача внешней политики – завоевание выходов к Балтийскому и Черным морям. Бескомпромиссность ситуации стала причиной четырех войн (1710-1711 гг., 1735-1739 гг., 1769-1774 гг., 1787-1791 гг.).

Итогом русско-турецких войн XVIII века стало присоединение к России северного берега Черного моря от Днестра до Кубани. Начинается интенсивное экономическое и культурное освоение новых территорий. На побережье возникает ряд новых городов – Екатеринослав, Николаев, Одесса, Севастополь, Херсон. Удельный вес черноморской торговли был еще невелик, ибо Турция не пропускала через проливы иностранные суда, но в дальнейшем хлебный экспорт через Черное море приобрел важное значение.

В XIX веке в сфере российских интересов оказывается не только Северное, но и Восточное побережье Черного моря. Еще в 1783 г. Карталино-Кахетинский царь Ираклий, теснимый Персией, перешел под покровительство России, а его преемник Георгий XII фактически завещал в 1801 г. Восточную Грузию русскому императору. После

присоединения к России Карталино-Кахетинского царства верховную власть России признали Имеретинское царство, Гурийское княжество и другие грузинские княжества, что привело к войне с Персией и отнятию у нее нескольких наместничеств: Шемахинского, Нухинского, Бакинского, Нахичеванского, Ереванского и др. Присоединение Закавказья к России вызвало к жизни необходимость покорения горных племен, населявших Кавказский хребет, которое завершилось лишь к 1864 году.»²

В последних фразах, собственно, и заключается причинно-следственная связь тех событий, которые отражены в материалах сборника о старой России и старой Чечне. Вряд ли могли предположить российские правители, ввязываясь в кавказские дела во имя защиты интересов христианского населения Закавказья, пролив там море русской крови, что потомки спасенных христиан Закавказья окажутся столь неблагодарными через 200 лет, что для упрочения российских позиций в регионе придется воевать не только с Турцией, но и вести изнурительную и долгую войну с многочисленными воинственными племенами, населявшими Кавказские горы и естественным образом отделявшими Россию от взятого под покровительство Закавказья.

В предлагаемом читателю сборнике представлены научно-публицистические и художественные материалы, написанные в разное время участниками или очевидцами покорения Кавказа – декабристом, писателем Александром Александровичем Бестужевым (Марлинским), сосланным на Кавказ и погибшим там; известным государственным деятелем Александром Павловичем Николаи; видным российским историком, автором многочисленных трудов по кавказской проблематике Адольфом Петровичем Берже; известным политическим деятелем народнической ориентации Алексеем Васильевичем Пешехоновым.

Среди прочих многочисленных проблем, связанных с Кавказом авторы обращаются и к проблеме неизбежности столкновения России с нею в силу чисто географических причин. Они определяют великую историческую цивилизационную миссию России в отношении кавказских племен, как миссию вовлечения их в мировой культурно-исторический процесс. «Культура и право, - подчеркивал А.В. Пешехонов в 1911 году, - необходимы, чтобы, по крайней мере, кровь перестала литься на Кавказе».

Весьма характерно, что в представленных в данном сборнике материалах приведены свидетельства подтверждающие, что эту роль России на Кавказе понимали и российские императоры, и местная военная администрация. Так, для борьбы с самым большим злом на Кавказе – «разбойничеством», как правило проектировались наряду с «мерами немедленного воздействия» (военные, полицейские операции и т.д.) и «методы длительного характера», такие как: «1) устройство дорог; 2) устройство школ; 3) устройство духовного училища для подготовки мулл; 4) борьба с обычаем калыма; 6) введение воинской повинности; 7) введение земских учреждений».

Своеобразный исторический путь России не позволил ей исчерпывающим образом разрешить национальный вопрос в стране, где насчитывалось свыше ста наций и народностей, а режим правления был сугубо авторитарный, позднее тоталитарный. При таком режиме можно сравнительно быстро решить формально национальные проблемы поверхностным образом, создав видимость исчезновения, например, «еврейского вопроса», национальной нетерпимости, ксенофобии и т.д. Целиком исключить эти проблемы из общественной жизни невозможно, очевидно, при любом строе, тем более при тех его формах, какие существовали в России и СССР.

И сегодня, когда, казалось бы, Россия уже другая, национально-этнические отношения в российском обществе напряжены открыто или скрытно, латентно. Причины здесь разные – общие трудности переходного периода, недостатки, а может быть и пороки проводимых изменений, и, если вдуматься, старые обиды, о которых вроде бы уже забылось навсегда. Но в 1991 году распался Советский Союз. Новые условия, казалось, предоставляли новые, небывалые возможности для самоопределения. Новые национальные властные структуры, утверждая себя, готовы были использовать все имеющиеся в их распоряжении средства, чтобы заложить основы или создать полностью новую идентичность. Для этого они готовы были применить и оружие истории, и оружие просто. Так, прибалтийские правители стали преклоняться перед своими соплеменниками, служившими в дивизиях СС; украинские националисты отряхнули пыль с обветшавших сочинений историка Грушевского, подняли на щит кровавого С. Бандеру, перенесли прах предателя Мазепы из Румынии в Батурин, место захоронения украинских гетманов; бывшие среднеазиатские республики свои истоки стали искать во временах Чингиз-хана и личности грозного завоевателя и т. д. и т. п.

Самой большой болью современной России является, без сомнения, Чечня. За те трагические годы с середины 1990-х о Чечне и ее отношениях с остальной Россией, с центральной властью, сказано очень много и очень разного. Обращаясь к историческому прошлому, можно заметить, что некоторые черты их взаимодействия удивительным образом повторяются, причем, черты худшие, ведущие к эскалации напряженности и росту противостояния. Так и хочется задаться вопросом: почему не удастся найти общий язык по всем направлениям экономической, политической и социально-духовной деятельности? Почему не

получается усвоить исторические уроки и понять, что только совместными усилиями можно достичь лучшей доли?

Какие же это уроки? В предлагаемом учебном пособии, полагаем, выделяются следующие аспекты, которые можно считать уроками, выводами из истории старой России и старой Чечни: во-первых, это необходимость научиться малому народу жить рядом с большим и наоборот; стремление решать все возникающие вопросы мирным путем, решительный отказ от силовых методов их разрешения; совместное овладение элементами современной политической (демократия, конституционализм и др.) и общей культуры (толерантность, взаимный интерес и др.); обоюдное стремление к лучшему благосостоянию, для чего необходимы общие усилия, общая постоянная и длительная работа всех народов Российской Федерации.

Примечания

1. The Black Sea: A History of Interactions. The Council of Europe 2004. Printed in Norway by PDC Tangen. 2004.

2. Ibid. P. 103-105, 107.

Март 2006 года

М.В. Новиков
В.В. Швецов

А. А. Бестужев (Марлинский)

А. А. Бестужев (Марлинский) родился в 1797г., был одним из четырех братьев Бестужевых, принявших участие в восстании декабристов в 1825г. Был сослан в Сибирь на каторжные работы, в 1829г. переведен рядовым в действующую армию на Кавказ, «... с тем, однако же,

что, в случае оказанного им отличия против неприятеля, не был он представлен к повышению». Несмотря на эту директиву из Санкт-Петербурга, Бестужев все-таки получил чин прапорщика. Кавказский наместник М. С. Воронцов ходатайствовал перед императором Николаем I о разрешении Бестужеву уйти в отставку и заняться литературной деятельностью.

Резолюция императора была лаконичной: « Не Бестужеву с пользой заниматься словесностью». А он в это время был автором многочисленных повестей, рассказов, очерков, им зачитывалась столичная публика. Особое значение в нашем контексте имеет кавказский цикл сочинений Бестужева (Марлинского): «Подвиг Овечкина и Щербины за Кавказом» (1825г.), «Письма из Дагестана» (1832г.), «Аммалат – бек» (1832г.), «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев» (1834), «Он был убит» (1835), «Мулла – Нур» (1836) и др. От всех этих произведений веет патриотизмом, героикой, романтикой. Но сам автор довольно быстро расстался с возвышенными чувствами, с которыми прибыл на Кавказ: суровая действительность войны без правил, крайнее напряжение человеческих сил во имя неведомых идеалов, несоизмеримость сил противостоящих сторон, несправедливые оценки собственных усилий начальством, - все это и многое другое способствовали выработке у него самостоятельного «способа зрения» на происходящие события, отличавшегося от официальной точки зрения. Он приходит к выводу, что не насилие и принуждение могут разрешить «кавказский вопрос», а блага цивилизации, образование. В «Письме к доктору Эрману» Бестужев писал: «Скоро настанет время, когда елей просвещения смоет кровь с крутин Кавказа и обратит сынов его, героев – разбойников, в миролюбивых оратаев».

Как бы предчувствуя, что время это придет не скоро, и уж, во всяком случае, ему не дожить до него, он в отчаянии восклицает: «не хочу ни крестов, ни чинов, - а только бы отпустили душу на покаяние ...». В 1837 г. прапорщик А. А. Бестужев (Марлинский) принял участие в десанте на мыс Адлер. Служивший в то время на Кавказе И. Р. фон-дер Ховен вспоминал позднее: « Команда для десанта была поручена известному по своей неустрашимой храбрости капитану Альбранту, который слишком углубясь в лес, был сам ранен горцами и потерял много людей. Тело Бестужева русские не нашли, но впоследствии сами горцы принесли в укрепление Навагинское, устроенное на мысе Адлер, богатое золотое кольцо, для продажи, которое признано знавшими покойного за принадлежавшее ему. Они же говорили, что тело нашли уже так разложившимся и палец раздутым, что снимать кольцо не старались, а отрубили палец вместе с кольцом»... Страшный конец, страшнее чем у героя его очерка. Нелепая, бессмысленная смерть талантливого человека, которому жить бы да жить.

ОН БЫЛ УБИТ

От праха взят, ты снова станешь прахом!
Но вечно ли? но весь ли я? Мой взор,
Неведомым одолеваем страхом,
Таинственный читает приговор.
Ужели дух и мысли чада света
Не убегут тлетворного завета?

А.С.Пушкин

Он был убит, бедный молодой человек! Убит наповал! Впереди всех бросился он на засаду — и назади всех остался; остался в тесном кружке храбрых, легших трупом

с ним рядом. Я знал его отвагу, я знал быстроту коня его и, удивленный, не видя его перед собою, проникнутый холодом страшного предчувствия, оглянулся назад: в дыму, окровавленном выстрелами, сверкнуло мне лицо друга; железная рука смерти на всем скаку осадил разгоряченного бегуна его; задернут, он стал на дыбы, и пораженный всадник падал с него, качаясь. Я едва успел оборотить своего коня, едва успел сброситься с седла, чтобы принять на руки несчастного. Тихо опускаю его на землю, гляжу: глаза закатились, не слышит, не дышит он... Рву сюртук, раздираю на груди рубашку: нет надежды! Свинец пробил сердце навывлет, самое сердце!! И еще около нас свистали вражеские пули, еще игра и гром стрельбы раздирали воздух, но уж того, кем было начато это *ура*, кто вызвал эти выстрелы, не стало. Быстрее пули умчался он, исчез кратче звука. Но и пролетный звук оживает хотя на миг в отголоске; неужели ж ты, прекрасная душа, не оставила по себе никакого следа? Ужели нет тебе на земле ни эха, ни тени?

Я с горькой тоской смотрел на убитого и думал: «Разве тень или отголосок души — это гордое, выразительное лицо, с которого кончина не успела еще стереть пылкого боевого румянца, сорвать улыбки бесстрашия? Но пусть пролежит на нем одна ночь, пусть только вампир — тление — насосет на нем багровые пятна, сомнет его своими ледяными перстами, и кто узнает тогда в обезображенном облике вчерашнего товарища? Через три дня это стройное тело, в котором только что гаснет теплота жизни, только что замирает биение силы, будет пиршеством червей и ужасом взоров».

Я освободил из оледеневшей руки мертвеца рукоять шашки; на клинке было написано имя того, кто за миг владел им.

И брус¹ неприметно источит этот булат, и ржавчина догрызет остальное. Нет пощады ни мечу, ни руке, вращавшей его, ни имени того, кем был он страшен когда-то!

И потом, что такое имя? Павший лист между осенними листьями, волна между волнами океана, флаг тонущего корабля, который на минуту веется над бездною: мелькнул — и нет его! Забвение пожирает память, как смерть — существование; но смерть есть только переход из одного бытия в другое, возрождение феникса из пепла, а забвение — безымянная могила, свинцовый гроб, ничего не отдающий стихиям, бездонная и вечно ненасытная пасть ничтожества. В газетах напечатают: «Такой-то, убитый в сражении против горцев, исключается из списков». Товарищи когда-нибудь вспомнят о нем между трубкою и стаканом. Потом и память умрет в них о погибшем, или сами они умрут и сгинут: вот и все!

Безотрадная истина!

Впрочем, не все имена тонут в забвении. Конечно, не все! Что ж из этого! Звезды имеют лучи вместо крыльев, чтоб перелетать бездны неба; слава на воздушном шаре переносит любимцев своих через море веков, но только любимцев, только баловней, а слава прихотлива, как женщина, и у ней, как у фортуны, завязаны глаза: друг мой не попался ей под руку; он не выслужил у нее ни железного венца Чингисхана, ни петли Ваньки Каина². Не успел он взять ее за себя как награду или похитить как добычу. Он был только добрый, благородный, умный человек, каких мало, и храбрый офицер, каких много. Он умер, он умрет весь.

Что же значит имя, сорванное смертью на самом востоке? Имя, ни разу не написанное кровью на знаменах или лучами на скрижалях законов? Имя, которое не таяло песнею на устах красавицы, которое не заставляло биться сердце юноши, не давало важных дум старику? Имя, кото-

рое не летало перуном³, не горело звездой путеводною, не было пригвождено к столбу изумляющего позора? Словом, имя, никогда не утомлявшее всесветной или народной молвы! Что, если не звук, не возбуждающий мысли, иероглиф без значения, погребальная урна, из которой самый прах разнесен ветром!

Итак, бедный друг мой, ты осужден судьбою на забвение, на всегдашнее забвение! На ничтожество, на вечное ничтожество! Тяжело говорить, *прости* мертвецу, но прощаться даже с памятью умершего, предавать его не только тлению земли, на которой он цвел, но забвению мира, которому он был краскою — о, это ужасно, это несправедливо, сказал бы я, если б не веровал в будущую жизнь.

Правда, ничто не вечно на свете, — не вечен и самый свет. Постареет он и выживет из памяти, забудет знаменитых мужей давних времен. Одряхлеет, оледенеет, наконец, сам, и умрет после потомков своих: стихий, существ, деяний, мыслей, и долго будет спать сам без действия, одет кладбищем природы, как саваном, куда голос бога живого не воззовет его из лона смерти и, очистив купелью вод или пламени, не благословит на новую жизнь.

Не все ли ж равно искать земной славы, что желать упрочить свой образ на зеркальной поверхности мыльного пузыря? Он лопнет, и прощай портрет наш; свет разрушится, и над его развалинами погибнут все мечты, все произведения людей. Все божеское и человеческое сольется в одну неделимую, хаотическую толщу, над которою только око провидения прочтет надпись: «Припас для будущих миров».

И ты уже достиг до этого рокового равенства, погибший друг мой, — до равенства, которое мечом Дамокла⁴ грозит пасть на все живое. Миг или миллион лет — одно для мертвецов. Время существует только для того, кто существует.

Ты скончался для мира, и в тот же миг мир кончился для тебя, исчез со всеми своими радостями и обольщениями,— зато со всеми бедствиями и муками. Грезы счастья и величие не тревожат покоя могилы. Там есть черви, но нет змей; там разрушение совершается без терзаний

Зачем же закинуто во все сердца желание продлить свое существование за черту смерти, повториться в гатях, в деяниях, в мраморе, в бронзе, в подражании, в памяти друзей, в молве народной? Зачем ученый истощает жизнь свою над книгами, воин умирает на щите, изувер самоубийствует в пустыне плоть свою? Для чего, если не для памяти, не для славы? Под тысячами различных предложений кроется это желание, но оно врождено человеку и всеобщее всем народам, а и самые заблуждения человеческие непременно основаны на какой-нибудь затерянной, или неразгаданной, или худо понятой истине. Жажда славы есть потребность любви за гробом. Слава есть любовь настоящего к минувшему, любовь тем чистейшая, что она бескорыстна и справедлива, тем более дивная, что она оживляет своим дыханием пылинки пепла в искры вдохновения и рассыпает их с лучезарных крыльев своих в души потомков, как семена всего прекрасного, доброго и высокого. Чувствуете ли вы, сколько отрадной поэзии в этом томлении, в этой страсти человека к отдаленной, но дорогой взаимности незнаемых им поколений, родственных ему только по душе? сколько святыни в неподкупном поклонении этих поколений памяти человека, от которого они уже не ждут ничего, кроме примера? И почему знать: может, эта живая, электрическая вязь, соединяющая мир прошлого с миром грядущего, снуется до самого неба и каждый раз, когда провидение допускает дальних потомков прибавить несколько колец достойных подвигов или высоких мыслей к этой цепи воспоминания прежних достойных подвигов и прежних светлых открытий, — может быть, говорю я,

эфирная часть умерших виновников, зачателей всего этого, где бы ни витала она, чувствует сладостное потрясение, венчающее и на земле райский миг творения.

Лестная мечта!..

Но неужели одному величию дано две жизни на этом свете? Ужели звон трубы только долетает до того света? А тайное горячее чувство любви, а никому не ведомое самоотвержение дружбы, а не подслушанные светом новью мысли погибнут, и навсегда, потому что они не были славны, не были громки? не повторятся ни одними устами? не отзовутся ни в чьем сердце? О нет, верно нет! Прекрасное, сильное, светлое — прекрасно, сильно, светло во всех размерах! Ты не исчезнешь без следа, без тени, без отголоска, благородный, несчастный друг! Горы Кавказа отражают грохот перунов и говор соловья. В море так же ясно видится вечное солнце, как и перелетная искра. В сердце человеческого есть струны для Байрона и для тебя, есть слезы для удивления и для участия....

Примечания

1. Брус — точильный камень, брусок.

2. Ванька Каин (Иван Осипов Каин) — родился в 1718г., вор и грабитель. В конце 1741г. в Москве предложил свои услуги сыскной полиции; ловил мелких мошенников и покрывал крупных. В 1755г. был приговорен к смертной казни, но по указу сената помилован, бит кнутом и сослан на каторгу.

3. Перуны — символы грозы, грома и молнии. По имени Перуна, древнеславянского бога грома и молнии.

4. Дамоклов меч — символ постоянно грозящей смертельной опасности. Дамокл — фаворит сиракузского тирана Дионисия Старшего (405-367 г. до н. э.), завидовал богатству и положению своего покровителя. Окруженный блеском и великолепием земной жизни, Дамокл, проснувшись

однажды, увидел над своей головой меч, подвешенный на конском волосе. Таким образом Дионисий дал понять своему любимцу, что счастье превратно и изменчиво, высокое положение и большая власть возбуждает зависть в других людях, желание обладать ими.

Александр Павлович Николаи

Второй материал сообщил в редакцию журнала «Русская старина» (1882, Т. XXXVI, кн. 11) барон А. П. Николаи. Александр Павлович Николаи (1821-1899) закончил Царскосельский лицей, служил при кавказском наместнике М. С. Воронцове, в 1848 г. был назначен директором походной канцелярии наместника. Затем занимал должности попечителя Киевского учебного округа, товарища министра и министра народного просвещения (март 1881 – март 1882). В течение 10 лет (с 1884 по 1894г.) занимал пост председателя департамента законов Государственного совета. Его брат, Леонтий Павлович, в описываемое время был командиром Кабардинского полка.

ИЗ ИСТОРИИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

В июле месяце 1854 года, когда большая часть наших военных сил, на Кавказе расположенных, была сосредоточена на турецкой границе и оставленные для охраны Закавказской территории от нашествий горцев части войск были значительно уменьшены, Шамиль, воспользовавшись этим обстоятельством, поручил сыну своему, Кази-Магома, совершить набег на Кахетию, последствием которого было разорение расположенной на правом берегу реки Алазани богатой деревни Цинондалы и пленение всего семейства главного владельца оной князя Давида Александровича

Чавчавадзе; семейство это, состоявшее из супруги князя княгини Анны Ильиничны, ее сестры, княгини Варвары Ильиничны Орбелиани, внушки последнего грузинского царя Георгия XIII, а также пятерых малолетних детей княгини Чавчавадзе и малолетнего сына княгини Орбелиани, было увлечено хищниками в горы и до марта 1855 года томилось в заключении в доме Шамиля, в местечке Ведено. Надежда на богатый выкуп и на возвращение из России старшего его сына Джемал-Эддина, взятого ребенком в плен при штурме Ахульго в 1839 г., имели последствием, что Шамиль обращался с пленницами и их детьми весьма гуманно, и дозволил установление довольно частых сношений для переговоров об условиях для их освобождения. Переговоры эти производились командовавшим в то время на Кумыкской плоскости командиром егерского кабардинского полка, бароном Леонтием Павловичем Николаи при посредстве доверенного его служителя Николая Амтелова, неоднократно отправлявшегося в Ведено. Покойный Император Николай I, принявший самое теплое, милостивое участие в судьбе пораженного столь тяжкими несчастьями семейства, независимо от денежной суммы, отпущенной на выкуп пленниц, дозволил сыну Шамиля Джемал-Эддину, по изъявлении им самим на то согласия, возвратиться к отцу своему в горы. По случаю несколько замедлившихся окончательных переговоров Джемал-Эддин, в ожидании обмена своего на пленниц, пробыл около трех недель, в Хасав-юрте, в доме барона Николаи, в каковое время установились весьма дружеские отношения между хозяином и гостем. В день окончательного освобождения пленных семейств, совершившегося на реке Мячике в присутствии, с одной стороны - Шамиля, окруженного значительным сборищем, а с другой - командира кабардинского полка во главе особо собранного для того отряда, барон Николаи, отпуская молодого Джемал-Эддина, дозволил некоторым

из более с ним подружившихся офицеров кабардинского полка, сопровождать его до ставки Шамиля и присутствовать при первом свидании отца с сыном. Такой знак внимания к его сыну и доверия, оказанного ему самому, произвели на дикого, но не чуждого возвышенных чувств горца, сильное впечатление; он оказал особенное внимание сопровождавшим его сына офицерам, поручив им благодарить их начальника за его к нему доверие и за ласки, оказанные его сыну.

Этот случайный эпизод послужил к установлению дотоле совершенно неизвестных сношений между Шамилем и нашими военными властями на Кумыкской плоскости; сношения эти в особенности поддерживались перепискою между Джемал-Эддином и бароном Николаи, продолжавшейся до отъезда последнего из Хасавюрта в 1857 г. Не смотря на всю любовь, выказанную ему родителем, бедный юноша не мог свыкнуться с суровою, неприветливою жизнью горца; его влекло к усвоенным с детства потребностям более образованной жизни; он старался поддерживать сношения с умственным миром через чтение книг, посылавшихся ему с дозволения Шамиля бароном Николаи, но он чахнул и преждевременно умер на своей природной родине, от тоски по родине, его усыновившей.

В то время, когда происходили и уже доходили к концу переговоры об освобождении цинандальских узниц, на Кавказ прибыл в феврале 1855 г. в звании наместника и главнокомандующего генерал-адъютант Николай Николаевич Муравьев¹; восточная война² была в полном разгаре; она поглощала большую часть наших военных сил, а вместе с тем, борьба с Шамилем и необходимость охранять обширную нашу военную линию, обнимавшую Чечню и Дагестан, на протяжении сотен верст, отвлекали немалую часть лучших сил кавказской армии, ослабляя численность войск, которые могли быть противопоставлены турецкой

армии в Малой Азии. Весьма естественно должно было возникнуть предположение: не окажется ли возможным покончить войну кавказскую или, по крайней мере, приостановить ее через установление переговоров с Шамилем, в видах побуждения его к покорности, на условиях, для его самолюбия выгодных. Для достижения подобной цели необходимо было действовать с большою осторожностью; а для чего желательно было создать, на первый раз скольконибудь дружественные сношения, которые могли бы в удобный момент послужить исходною точкою для более серьезных предложений. Первая нить для таких сношений была создана событиями на Кумыкской плоскости и генерал Муравьев вознамерился этим воспользоваться. Таковы свои намерения он поручил начальнику главного штаба своего, генерал-адъютанту князю Александру Ивановичу Барятинскому в конфиденциальном частном письме сообщить для исполнения барону Николаи. От 17-го марта 1855 г. князь Барятинский писал барону Леонтию Павловичу следующее письмо:

«Любезный барон, посылаю вам это письмо с нарочным и прошу вас ответить мне с ним же. Последнее ваше письмо меня очень заинтересовало, во-первых, подробностями, которые оно содержит об освобождении наших княгинь, и затем, описанием отношений, как бы дружественных, которые установились между вами и имамом. Сообщите мне доверительно, какую вы питаете возможность извлечь пользу из этих сношений? Не скрою от вас, что это письмо ваше я прочитал начальству, и что оно возбудило живой интерес. Когда будете опять ко мне писать, то пишите так, что бы я мог ваше письмо доложить. Прилагаю при сем письмо, которое главнокомандующий мне передал для отправления через посредство ваше к сыну Шамиля; не должно сделаться известным, откуда оно к вам дошло; пошлите его, если думаете, что оно может послужить вам

для поддержания добрых отношений к имаму. Вам предоставляется полная свобода действовать так, как признаете за лучшее для пользы дел наших и самого Джемал-Эддина. Ответьте мне возможно скорее; я не думаю, чтобы прилагаемое письмо могло чему-либо повредить; оно содержит некоторые лестные для отца выражения и доказательства доброго расположения, которым пользовался его сын. Обсудите и поступите, как признаете за лучшее».

Затем от 18-го апреля 1855 г. князь Барятинский вновь писал барону Николаи:

«Прошу вас, любезный барон, сообщить мне сведения о ваших действиях, касательно важного дела, о котором я вам писал в последнем своем письме, на которое вы мне доставили столь интересный ответ; пишите каждый раз, когда вы это найдете нужным; ваши письма я докладываю главнокомандующему, который читает их с большим любопытством, и посылает копии с них военному министру для представления на высочайшее воззрение. На письме вашем от 24-го главнокомандующий положил следующую собственноручную резолюцию: «не без основания я выражал сожаление о том, что не познакомился с бароном Николаи в проезд мой по левому флангу».

Барон Николаи писал князю Барятинскому из Хасав-юрта от 27-го апреля 1855 года:

«М. Г. кн. А. И. Не имею ничего нового вам сообщить по делу, порученному вами моему особенному вниманию и попечению. Не могу сказать, чтобы я успел сделать шаг вперед к цели, которую преследую, и полагаю, что известная личность³ и не подозревает еще, что я преследую определенную цель. Пока я ограничиваюсь поддержанием дружеских отношений с сыном, оказывая ему некоторые небольшие услуги, и слежу, затем, как таковые принимаются отцом. Полагаю, что это единственный путь, которому нужно следовать, и что такой обмен добрых от-

ношений сам собою поведет к чему-либо более существенному, если действительно таковое может быть достигнуто. По убеждению и по обдуманному расчету я руководствуюсь наибольшею простотой и откровенностью в отношении к отцу как для того, чтобы он приучился к полному ко мне доверию, так и для того, чтобы установить хотя бы не прямые с ним самим отношения. Таков смысл выраженной в последнем моем письме просьбы о данных мне полномочиях; я хотел выразить, что считаю себя уполномоченным вами уклоняться, когда сочту это нужным, от существующего формального запрещения входить в какие-либо сношения с нашими врагами. Мне представились некоторые случаи оказать Шамилю небольшую любезность: один раз я дозволил его лейб-купцу купить в Хасав-юрте на 1500 руб. товара (само собою, разумеется, что товар этот был подвергнуть осмотру воинского начальника); два раза я разрешил двум старым мюридам свидание с женами их, взятыми в плен в Ахульго, и с того времени вступившими во второй брак у нас, и т. п. Полагаю, что таким способом может установиться нечто в роде сердечного согласия (*entente cordiale*), сперва личного между им и мною, которое при благоприятных обстоятельствах может привести к чему-либо более прочному, когда придет время для созревания плода. В этих видах я обращаюсь к вам сегодня с просьбою об оказании мне вашего содействия по следующему делу: когда состоялось освобождение княгинь, то было постановлено одно условие, которым Шамиль очень дорожит, а именно, чтобы кроме его сына и некоторые другие водворенные в России пленные горцы получили разрешение возвратиться в горы, в обмен на находящихся в плену у горцев грузин. Шамиль согласился повременить исполнением этого условия, дабы, не задерживать самый вымен княгинь на его сына; но с того времени он мне несколько раз напоминал об этом нашем обещании и вы лег-

ко поймете насколько для меня важно, чтобы он не мог заподозрить меня в неверности данному обещанию. Дабы доказать ему полную мою добросовестность, я предложил ему прислать мне список тех лиц, освобождения которых он желает, дабы я мог представить таковой своему начальству, которое сделало бы из этого списка выбор лиц, могущих получить свободу. Список этот он мне на днях прислал, и я его при сем прилагаю; вместе с тем, он очень учтиво присовокупил, что не рассчитывает на освобождение всех поименованных в списке лиц, но надеется, что хотя части из них будет дарована свобода. Убедительно прошу вас, князь, дело это поддержать и сообщить мне, в ответ на настоящее мое письмо, чего можно ожидать, и когда приблизительно может последовать разрешение, дабы я мог успокоить Шамиля, а в особенности устранить всякое подозрение в криводушии с нашей стороны; дикари эти слишком расположены нас в оном обвинять. Шамиль особенно дорожит этим делом, дабы устранить от себя упреки, которые могли бы сделать ему окружающие его, что он в деле обмена позаботился только о своих личных интересах; и если он усмотрит, что мы уклоняемся от удовлетворения такой его просьбы, он обратит на нас все неудовольствие своих подвластных, обвиняя нас в двуличности. Еще раз повторяю свое убеждение, что единственная политика, которая может подготовить какой-нибудь благоприятный результат, есть политика откровенности и прямоты во всех наших сношениях с горцами. Если даже такой образ действия и не приведет к непосредственным результатам, то он послужит добрым семенем, которое рано или поздно принесет плоды и устранит то невыгодное мнение, которое неизвестно по какому поводу Шамиль и его сподвижники сочли нужным составить себе о нашей честности и которое они внушают всему народу как нечто в роде религиозного верования. Я имел случай убедиться в этом при довольно

частых сношениях, которые были вызваны переговорами об освобождении пленных княгинь.

По известиям, которые я имею из Ведено, Джемал-Эддин все еще страдает последствиями обряда обрезания, которому он был подвергнут. По-видимому, это болезненное состояние, а быть может и трудность, с которой он привыкает к грубому варварству, которым он окружен, имели последствием полное затворничество, в котором он проживает в доме отца своего; сей последний, как кажется, даже несколько озабочен этой тоской, которую проявляет его сын и которая иногда обнаруживается в резких выходах против лиц окружающих. Я написал Джемал-Эддину дружеское письмо, без всякого впрочем, политического характера, препровождая ему письмо, вами мне присланное; письмо это было предварительно распечатано Шамилем, чего я и ожидал; по-видимому, этот знак недоверия очень оскорбил и огорчил Джемал-Эддина. Отец сообщил моему посланцу, Магомету, насколько это дурное расположение духа его сына его огорчило, и как бы извинялся в распечатывании письма, уверяя, что оно не было вызвано никакою недоверчивостью, но было вынуждено неловкостью лица, которому письмо было вверено, подавшего оное при многочисленных свидетелях. Такая потребность в оправдании своего образа действия имеет в моих глазах хорошее значение, указывая на то, что Шамиль опасается одних только толков, не возражая, по существу, против сношений его сына с нами.

Все это суть пока только мелочи; привожу их лишь в удостоверение того, что я стараюсь не выпускать из рук слабую пока нить, которая завязалась до того времени, пока она обстоятельствами не будет разорвана.»

В половине мая месяца 1855 года князь Барятинский временно оставил Кавказ, куда возвратился лишь в августе следующего, 1856 года, уже в звании наместника кавказ-

ского и командующего кавказскою армиею. Вследствие этого ген. Муравьев избрал брата барона Леонтия Павловича Николаи, тогда попечителя кавказского учебного округа, барона Александра Павловича Николаи, посредником для конфиденциальной переписки по делу о сношениях с Шамилем. Извещая об этом брата своего, барон Александр Павлович в письме от 20-го мая, сообщал, что главнокомандующий, при свидании с ним в крепости Александрополь⁴, поручил ему предоставить Леонтию Павловичу право присылать записки с изложением хода дела, когда он это признает полезным, для представления их в подлиннике в собственные руки генерала Муравьева; что главнокомандующий весьма доволен направлением, данным этому делу, которое удостоилось одобрения его величества; что особых инструкций в подобном деле давать он почитает неудобным, полагаясь вполне на благоразумие и осторожность барона Леонтия Павловича; что первая забота должна состоять в том, чтобы горского соседа удерживать от враждебных действий до того времени, пока он решится сделать какие-либо предложения, что, по мнению генерала Муравьева, может случиться, если военные наши действия на турецкой границе и в Крыму примут благоприятный оборот.

Вследствие такого приказания барон Леонтий Павлович разновременно присылает, через посредство брата своего, требовавшиеся записки; более существенное содержание их было следующее:

Записка № 2 от 2 июня: «Повторяю то, что писал кн. Барятинскому: мои отношения к Шамилю имеют пока только характер личный; они возникли во время обмена пленных и основаны на добром мнении, которое он, по видимому, имеет обо мне. Этот обмен пленных и некоторые, взаимно оказанные небольшие услуги, поддерживают сношения, облегчающие мою задачу. Самое важное есть

выбор надежного поверенного. Кумыкский житель Магомет и брат его Абдурахман-Гаджи, которых я сначала употреблял для таких сношений, полезны как ключи, отпирающие дверь, ибо пользуются большим расположением в Ведено; но это самое расположение доказывает, что они более сочувствуют интересам Шамиля, нежели нашим, что лишает меня возможности быть с ними откровенным. Два уже раза я посылал в горы имеретина Николая Амтелова, состоящего у меня в услужении; он каждый раз успешно исполнял возложенное на него поручение; он человек вполне благонадежный и сумел в Ведено приобрести расположение Шамиля и лиц, его окружающих, а Джемал-Эддин принимает его с особенною ласкою. Намереваюсь исподволь постараться создать из него полезного посредника; на днях отправлю его вновь с некоторыми поручениями. Таким образом, незаметно подвигаясь вперед, как бы лотом вымеряя глубину, и не делая пока решительного шага, надеюсь сколько-нибудь успеть, если успех вообще возможен; но теперь еще ничего положительного обещать не могу. Нет сомнения, что личные интересы Шамиля должны бы побуждать его воспользоваться настоящими обстоятельствами для принесения покорности, на условиях, для него выгодных; думаю, что он обладает достаточною прозорливостью, чтобы это понять; но он, тем не менее, тот же дикий горец, как и все его последователи, и нужно много усилия, чтобы проникнуть через твердую оболочку невежества и фанатических предрассудков, которые затемняют его природный ум. Притом он испытанный актер: пока он не будет уверен в возможности вступить на путь примирения без опасности для влияния своего на горское население, он будет скрывать свои намерения, не говоря уже о том, что, как истый мусульманин, он не отказывается от надежды, что могущественная коалиция, с которой Россия ведет борьбу, восторжествует на славу исла-

ма. Поэтому он постарается протянуть дело, не делая никакого решительного шага (ибо знает, что таковой скрытым от его приверженцев остаться не может) и не откажется до удобного времени от неприятельских действий. В подтверждение этого все известия из гор сообщают единогласно, что Шамиль намеревается после байрама⁵ предпринять движение в больших размерах; трудно предположить, чтобы он остался в совершенном бездействии, хотя бы только для вида, ибо он недавно получил от Магомет-Амина и от какого-то турецкого паши убедительное приглашение произвести сильным нападением диверсию в пользу предпринимаемого будто бы наступательного против нас движения на правое наше крыло. Едва ли Шамилю, возможно, будет остаться в совершенном бездействии, но неизвестно насколько он полагает рискнуть.

По всему этому я полагаю, что, не упуская из рук завязавшейся слабой нити сношений, не следует показывать вида, что изменяется наш образ действий; ограничить же и наши неприязненные против горцев действия будет лишь тогда время, когда приобретется уверенность, что можно достигнуть прочного результата иным путем».

Записка № 4 от 10-го октября 1855 г.: «Хотя я не имею указать на осязательные факты, свидетельствующее об успехе в порученном мне деле, тем не менее, существуют некоторые благоприятные признаки, которые позволяют надеяться, что дело это подвигается вперед.

Одним из главнейших таких признаков я считаю облегчения, допускаемые в моих сношениях с Джемал-Эдином; к сношениям этим, очевидно, относятся с меньшим недоверием, и мой молодой друг имел возможность написать мне в последнее время несколько писем, которые очевидно не были подвергнуты цензуре. Не могу пока определить, чему следует приписать такую благоприятную перемену, благодатному ли влиянию самого Джемал-

Эддина на его отца или иной причине? во всяком случае, это есть успех. До сего времени я один вел переписку; ответы же получал большею частью словесные; достоверность же их я должен был измерять степенью доверия, которое мог иметь к моим посланцам Магомету и брату его Абдурахману. Сам Джемал-Эддин писал мне только изредка, и то только коротенькие письма, при коих прилагались списки разных предметов, о высылке которых он меня просил; и даже такие письма подвергались просмотру, наравне с получавшимися от меня. Непосредственного обмена мыслей между им и мною не существовало.

В настоящее время Джемал-Эддин избрал, и то совершенно открыто, другого посредника для сношений со мною, - Муссу-лейб-купца Шамиля. Пользуясь полномочиями, данными мне главнокомандующим, я дозволил этому лицу в приезд его в Хасав-юрт закупать под контролем воинского начальника некоторые товары; закупки эти служили приманкой или предлогом для приездов; я надеялся, что они со временем послужат в пользу; во всяком же случае, даваемое мною дозволение, есть внимание, оказываемое Шамилю, который лично заинтересован в коммерческих оборотах Муссы... Этот образ действий принес уже свои плоды. Мусса сделался моим приятелем; он умеет задевать чувствительные струны в сердце своего повелителя и сделался новым моим агентом, освобождая меня от исключительной зависимости от Магомета и его брата. Первые, довольно незначительные, торговые операции, принятые Муссою, вызвали, по-видимому, пожелания, могущие в последствии иметь серьезное значение, создавая постепенно то сближение между горцами и нами, которое необходимо должно предшествовать умиротворению. Если плотина, замыкающая горцев от нас, будет прорвана, то и Шамиль не будет в силе остановить потока.

Издавна известно, что с самого начала своего владычества в горах, Шамиль старался противодействовать всякому сближению между горцами и нами; средством для этого служило противодействие всякому смягчению их суровых нравов и возникновению у них потребностей более образованной жизни, удовлетворение коих необходимо поставило бы их в зависимость от нас. Для достижения этой цели он строжайше воспретил всякие с нами сношения. Со своей стороны мы ответили такую же системою запрети-тельною. Последствием этого было все большее возбужде-ние взаимной неприязненности и полное отчуждение. Пока упорство горцев имели в виду победить одною лишь мате-риальною силою, система эта могла почитаться необходи-мою. Шамиль хотел закалить горцев, лишая их предметов роскоши; мы же надеялись привести их к покорности, пре-секая им возможность к приобретению предметов первой потребности. Несколько попыток для смягчения суровости этой системы были делаемы, но они не увенчались успехом преимущественно, думаю я, по той причине, что они исхо-дили от нас, и тем самым возбуждали подозрительность Шамиля. Провидению, по-видимому, благоугодно было дозволить, чтобы пленение некоторых несчастных женщин послужило исходною точкою для нового перехода в наших сношениях с горцами. Не подлежит никакому сомнению, что переговоры о выкупе пленных княгинь, а в особен-ности произошедшее из оных возвращение Джемал-Эддина, пробили брешь в стене, отделявшей нас от горцев таинст-венностью и ненавистью. Хотя успехи на пути смягчения этих отношений медленны; хотя они, быть может, более чувствуются, нежели осязаются, тем не менее, они не под-лежат никакому сомнению; извлечь из них пользу указы-вало простое благоразумие. С этого времени система без-условной блокады гор теряет свое значение и следовало бы желать, чтобы она постепенно заменялась созданием более

близких сношений. Но и тут можно все дело испортить, выказывая с нашей стороны слишком много готовности в допущении такой перемены. К счастью ныне инициатива возникла с неприятельской стороны, а именно: соседнему нам наибу Ауховскому поручено было негласно узнать: дозволю ли я установление некоторой меновой торговли; ясно было, что этого они желали и ожидали от меня как милости, предоставляя вполне мне определить способ для таких сношений. Наиб присовокуплял, что Шамиль уже дал на это свое предварительное согласие, с тем лишь условием, чтобы местом для обмена товаров было избрано исключительно Хасав-юрт. Мне предоставляется выбор лица, которое содержало бы сообщение между Хасав-юртом и Андиею или другими промышленными местностями в горах, каковое лицо служило бы посредником для сношений между обеими сторонами. Я ответил, что не уполномочен дать подобное дозволение; но что я готов ходатайствовать перед своим начальством для необходимого разрешения. Вместе с тем, однако, дабы не отбить у просителей охоту к делу, которое я признавал первостепенной важности и, предвидя, что замедление в разрешении могло охладить к оному неприятеля, я принял на свою ответственность допущение некоторых небольших опытов подобных сношений в виде исключений и частных милостей. Первая эта попытка мне представляется весьма драгоценным признаком; но она, конечно, не могла удовлетворить меня вполне; ибо торговля, ограниченная в руках одной личности, не отвечает достаточно той цели, которую я преследую.

К счастью, с того времени неприятель принял на себя сделать новый шаг; на этот раз посредником явился Джемал-Эддин. В письме, недавно мне доставленном Муссою, он уже далее развивает предположение о торговых сношениях; вот точное выражение его письма:

«Мусса был задержан здесь дурной погодой и вышло к лучшему. Давно твержу я им о выгодах торговли и успел в этом уверить. Теперь остается вашему превосходительству позволить привозить в Хасав-юрт сбыт (товар). Наместник также не будет препятствовать: я знаю верно. Народ с нетерпением ожидает вашего разрешения».

Полагаю, что могу безошибочно считать этот предмет заслуживающим особенного внимания и могущим иметь неисчислимы последствия. Считаю долгом упомянуть и о словесном заявлении Джемал-Эддина, переданном мне Муссою; оно дает еще большую цену его письменному сообщению. Он поручил конфиденциально мне передать, что он надеется, что я разрешу эти торговые сношения; ибо видит в них средство мало помалу «задобрить старика» (т.е. его отца). Это первый раз, что подобное выражение употреблено Джемал-Эддином с тех пор, как он оставил нас; оно имеет глубокое значение, которое меня весьма обрадовало. Мусса мне это простодушно подтвердил, и он заслуживает доверия.

Весьма для меня важно, в возможно непродолжительном времени, узнать мнение главнокомандующего относительно того, как мне следует отнестись к такому предложению и какой я имею дать на оный ответ. Дозволяю себе особенно настаивать на том, что слишком большое замедление в разрешении этого вопроса могло бы охладить это выгодное расположение, и вместе с тем, ослабить добровольную готовность Джемал-Эддина служить нашим интересам.

Не может, конечно, входить в мои намерения предлагать введение теперь же новой измененной общей системы действия, основанной на свободе торговых сношений; вопрос этот слишком важный и требует всестороннего обсуждения, от которого естественно не могло бы быть устранено непосредственное мое начальство; но при полной

для меня невозможности дать делаемым мне предложениям официальный ход, который через преждевременное оглашение мог бы повредить успеху тех конфиденциальных сношений, которые установились между мною и Ведено, я желал бы только получить разрешение на дозволение опыта торговых сношений, основанных на меновом торге, подчиненном моему наблюдению и контролю. Само собою, разумеется, что из этого торга будут изъяты все предметы жизненного потребления, а также все подходящее под название военной контрабанды. Полномочие, мне данное, послужило бы мне средством удостовериться, в какой степени подобные сношения могут быть полезны и заслуживали бы развития в будущем. Ныне дело идет лишь о снисхождении, которое доказало бы Джемал-Эддину мое расположение; лишь в таком смысле я испрашиваю разрешение».

На записку эту последовало следующее письмо на имя барона А. П. Николаи от начальника военно-походной канцелярии главнокомандующего Константина Петровича фон Кауфмана:

«На письмо от 13-го октября, из Екатеринограда его высокопревосходительство Николай Николаевич, будучи очень занят, поручил мне отвечать вам. Записка брата вашего до того интересна, что г. главнокомандующий посылает ее всю, как она есть, к г. военному министру для доклада его величеству. Прежде чем дочитал ее, Николай Николаевич собирался уже сделать резолюцию того же содержания, как это изложено бароном Леонтием Павловичем в конце его записки, а именно: «уполномочить его допустить попытки торговых сношений с горцами на основании менового торга под наблюдением и контролем вашего брата, и с исключением из оного всех предметов, подходящих под наименование военной контрабанды». Слова эти в точности определяют те правила, которые по желанию г.

главнокомандующего должны быть братом вашим приняты в основание для действий в настоящем деле».

Записка №5 от 12-го декабря 1855 г.: «По получению письма от 23-го октября, которым полковник фон Кауфман, по приказанию г. главнокомандующего, сообщил мне, через посредство брата моего, полномочие на установление торговых сношений с горцами, согласно принятому мною по сему предмету ходатайству, я не замедлил воспользоваться тем благоприятным расположением, которое мне было выражено со стороны горцев.

К счастью, в то самое время, когда я получил упомянутое письмо, в Хасав-юрте пребывал Мусса, купец из Ведено, которому был дозволен мною свободный приезд. Сделавшись, таким образом, моим приятелем и оказавшись неоднократно благонадежным моим агентом, он, как уже было мною упоминаемо в прежних моих сообщениях, пользуется большим доверием Джемал-Эддина.

Я поручил ему письмо к Джемал-Эддину, в котором сообщал сему последнему, что мною получены желанные полномочия, и что нам остается только согласиться в способах к выполнению предположенного нами. Кроме того, я дал Муссе еще некоторые словесные наставления, насколько я считал возможным ему таковые доверить. Но дабы придать этому сообщению большую полноту, я послал вместе с Муссою находящегося при мне имеретина Николая Амтелова, человека ловкого, вполне преданного и неоднократно бывшего в Ведено, как мне случалось об этом упоминать. Он лично знаком с влиятельными лицами, окружающими Шамиля, пользуясь их благорасположением, Джемал-Эддин же знает его коротко с того времени, как он проживал в моем доме. Я снабдил Амтелова самыми конфиденциальными наставлениями, поручив ему в особенности наблюдать за впечатлением, которое будет произведено вестями, привозимыми Муссою. Независимо от

этого, я дал одному из знатнейших торговцев, проживающих на Кумыкской плоскости, еврею из аула Таш-Кигу, дозволение сопутствовать Муссе и Амтелову как первому посреднику для установления торговых сношений.

Несколько дней тому назад эти три лица возвратились из Ведено, и я могу сказать, что результат их поездки вполне удовлетворителен как первое начало.

Шамиль написал мне письмо на русском языке, очевидно, сочиненное его сыном, в котором он изъявляет согласие на установление торговых сношений; он ограничивает право торговли двумя или тремя личностями из наших торговцев-евреев, которым дозволяется свободно торговать в горах; это ограничение не имеет серьезного значения в виду того, что речь идет о первой попытке и что дозволение этим торговцам бывать в горах подразумевает разрешение такому же числу горцев бывать в Хасав-юрте.

В этом заключается официальное как бы сообщение; но чему я придаю гораздо более цены, это словесное донесение Амтелова об исполнении данного ему поручения; не могу не сказать, что человек этот выказал в настоящем случае редкие такт и ловкость, которые превзошли даже мои ожидания. Более всего я придавал значения тому впечатлению, которое установление новых отношений произведет на массу населения, или, так сказать, на общественное мнение в горах. Впечатление это самое удовлетворительное. Амтелов повсюду на пути начиная с Ауха, был, принимаем с предупредительностью и с видимым удовольствием; везде его угощали; наиб местный принял его с отличием; везде на пути своем он удостоверился, что мысль о сближении встречается сочувственно как людьми влиятельными, так и массою населения; не один голос благословлял меня, почитая в простодушии своем, меня главным источником этой перемены в отношениях. В Ведено Амтелов нашел наилучший прием со стороны главных тамош-

них лиц, начиная со старца Джемал-Эддина, воспитателя Шамиля; многие искали случая с ним беседовать и выказать ему свое сочувствие.

Какой замечательный контраст с тем приемом, который ему был сделан более года тому назад, когда он в первый раз явился в Ведено для отыскания пленных княгинь! Нельзя не придать этому большое значение; оно оправдывает наилучшие надежды. Молодой Джемал-Эддин в особенности приветливо принял моего посланца, открыто высказывая свою радость; в продолжительных доверенных с ним разговорах он откровенно высказывал свои чувства. Разные мелкие подробности оправдывают предположение, что и сам имам был доволен происходившим.

Джемал-Эддин высказывал всю свою благодарность главнокомандующему за столь милостивое разрешение его ходатайства; сперва он даже подавал надежду, что горцам безразлично будет разрешено в определенные дни приходить в Хасавюрт на базар. Но затем, по-видимому, Шамиль об этом раздумал, говоря, что последствием такого разрешения могло бы быть, что половина его подвластных нам покорится. Он ограничился разрешением, выше мною упомянутом.

Такое изменение вызвало на первых порах неудовольствие Джемал-Эддина; но он скоро успокоился, говоря с веселостью Амтелову: «это ничего не значит; я ручаюсь за то, что весьма скоро они сами будут просить меня, чтобы я исходатайствовал большую свободу сношений». К этому он доверительно прибавлял, что некоторые из влиятельнейших при его отце лиц (имена их он умолчал) просили его, чтобы он постарался о сближении с русскими; что он пока их выслушивает, воздерживаясь от ответа. Вообще у Джемал-Эддина надежды, по-видимому, существуют; но прибавлял он: «пока будет продолжаться война с Турциею, глаза горцев будут обращаться в ту сторону».

Из всего сказанного можно вывести то заключение, что сделан еще один шаг вперед к цели, которую мы желаем достигнуть; общее впечатление, произведенное последнею посылкою в Ведено, благорасположение, которое там высказывается, и доверие, которое оказывается мне; а еще более положительный результат, уже достигнутый для установления сношений, подкрепляют мои надежды. Не подлежит сомнению, что остается еще много пройти пути, и что нить, которая завязывается, еще слаба; но важно то, что есть прогресс.

С удовольствием узнал я, что влияние Джемал-Эддина возрастает; отец его любит и высказывает ему большое уважение; отношение его к двум его братьям дружественное. Когда Шамиль по пятницам отправляется в мечеть, то первым за ним следует Джемал-Эддин, затем брат его, Кази-Магома, а после него уже остальные. Разговор между отцом и сыном уже свободно производится на лезгинском языке, а жена Джемал-Эддина учит его чеченскому наречию. Надобно желать, чтобы влияние его все росло в среде его соплеменников; ибо главную надежду на умиротворение нужно возлагать на него; я же уверен, что его благородные чувства не изменятся.

Сегодня Мусса отправился обратно в Ведено с письмом от меня, в котором я изъявляю свое согласие на открытие торговых сношений на началах, предложенных Шамилем. Через две недели он должен вернуться, и до того три еврея-купца, которые предложили свои услуги, успеют приготовить товары, с которыми они предпримут первый свой коммерческий поход в горы. Только первый шаг труден».

В январе 1856 года барону Леонтию Павловичу была прислана копия со следующего письма военного министра к главнокомандующему кавказскою армиею:

«М. г. Николай Николаевич, Государь Император изволил читать с особенным вниманием доставленную вашим высокопревосходительством от 20 октября №39 записку генерал-майора барона Николаи. На предложенную им и одобренную вами меру относительно торговых сношений с горцами его величество совершенно согласен и вполне изволит надеяться, что этот опыт под непосредственным руководством и бдительным надзором самого барона Николаи будет произведен столь же осторожно и благоразумно, как и все другие доселе им предпринятые попытки сближения с Шамилем. С этою целью могут быть разрешены означенные торговые сношения, не как мера общая, изменяющая нашу систему действий на Кавказе, но как исключение, допускаемое в виде личного снисхождения к Шамиллю за его образ действий, в последнее время, и в уважение к ходатайству сына его, Джемал-Эддина. Смотри по тому, какой результат произведут эти первоначальные торговые сношения, можно будет впоследствии дать им большее развитие, сообразно общим нашим видам, которые, конечно, должны клониться к успокоению народов, упорствующих доньше в своей фанатической к нам вражде».

По сообщении военному министру записки от 12 декабря последовало от него от 23 января 1856 г. следующее письмо к генералу Муравьеву, сообщенное в копии барону Николаи:

«Государь император, рассмотрев с особенным удовольствием письмо вашего высокопревосходительства от 11 января № 5, а равно и приложенную к оному записку свиты его величества генерал-майора барона Николаи об открытии торговых сношений с горцами и одобрив принятые им меры к упрочению сих отношений впредь, соизволил выразить надежду, что дело это будет иметь, со време-

нем желаемый успех и поведет к результатам, вполне удовлетворительным».

Записка № 6 от 7 февраля 1856: «В последней моей записке от 12 декабря я упоминал, что через две недели ожидалось возвращение из Ведено купца Муссы, который имел сопровождать наших купцов-евреев в первом их коммерческом походе в горы и служить им вожаком.

Однако время проходило и Мусса не появлялся; в это самое время мне пришлось отправиться в отряд, который под моим начальством имел произвести рубку леса в большой Чечне, и занятия эти задержали меня до конца января. По возвращении в Хасав-юрт, я к немалому неудовольствию, узнал, что во время моего отсутствия никто не являлся. Мне это показалось подозрительным; я ждал еще некоторое время, но безуспешно. Невольно у меня возникло опасение: не нарушило ли какое-нибудь неожиданное обстоятельство те добрые отношения, которые начинали устанавливаться? При непрочности еще тех нитей, которые с таким трудом я успел связать, подобные опасения были тем более естественны, что подозрительность составляет отличительную черту горцев, и недоверие к нам тем легче возбуждается, что и между покорными нам туземцами есть много личностей, расположенных ко всякого рода интригам. Я допускал предположение, что моя экспедиция в большую Чечню и тот вред, который, по необходимости, я должен был принести неприятелю, возбудили неудовольствие в Ведено и имели последствием воспрещение Муссе возвратиться к нам. Затем и самое отсутствие мое из Хасав-юрта или другая неизвестная мне случайность, как-то поездка Джемал-Эддина к брату своему, в Карату, о которой мне сделалось известным, могло приостановить наши сношения. Так или иначе, я нетерпеливо желал разъяснения моих недоумений для устранения новых затруднений, если действительно они возникли.

Для достижения этой цели я опять обратился к своему поверенному Николаю Амтелову, который даже предложил мне для этого свои услуги по собственному побуждению, тем более похвальному, что и самая безопасность поездки могла подлежать сомнению; я придал ему в качестве переводчика, урядника Кизлярского полка, Кислова, молодого человека, вполне благонадежного и добропорядочного. Выбор мой остановился на нем предпочтительно перед туземцем, потому что я опытом убедился, что сии последние не вполне заслуживают доверия, и что горцы недоверчиво относятся к нашим мирным единородцам своим, предпочитая иметь дело с русскими. Я предупредил наиба Ауховского об отъезде моих посланцев, дабы он выслал им необходимый конвой.

Вчера вечером к большому моему успокоению посланцы мои благополучно возвратились после недельного отсутствия и к немалой моей радости, я узнал от них, что мои опасения не оправдывались. Прием, сделанный Николаю Амтелову как в Ведено, так и везде на пути его следования, был более сердечен и дружелюбен, чем когда-либо; его встречали везде с непритворною радостью; можно сказать, что благоприятные признаки скорее усилились; присутствие же переводчика русского способствовало к более откровенному выражению мыслей.

Причину приостановления сношений оказывается тяжкая болезнь Муссы; Амтелов застал его впрочем, уже в периоде выздоровления, которое подает ему надежду скорого прибытия в Хасавюрт для вознаграждения потерянного времени. Нельзя, впрочем, не приписать и некоторую долю вины в происшедшем замедлении дурной погоде, которая в последнее время преобладала, вследствие которой дороги в горах до того испортились, что сделались почти непроходимыми; на Андийском перевале, кроме того, сообщение приостановлено выпавшими снежными завалами,

которые задержали Джемал-Эддина у брата его в Карате. Это обстоятельство имело последствием, что Амтелов не видел в сей раз нашего друга, возвращение которого впрочем, ожидали в скором времени; и так как у меня, в настоящее время, имеются разные вещи для отправления к Джемал-Эддину, то я воспользуюсь этим предлогом, чтобы вскоре опять отправить моего верного посланца.

Мусса выказал непритворную радость при виде Амтелова; ее разделили и влиятельные друзья, которых он приобрел между ближайшими к Шамилю лицами, как-то: армянин Шах-Аббас, казначей Хаджиев и другие; все они посетили его, выказывая ему большое доверие (есть, однако одна личность из окружающих Шамиля, которая нам очень неприязненна; это писец Амир-Хан).

Упоминаю я о столь наглядных доказательствах расположения к моему посланцу потому в особенности, что они довольно ясно указывают на образ мыслей местного властелина. В этом отношении самое отсутствие на сей раз Джемал-Эддина было полезно, доказав, что не одному его присутствию нужно было приписать дружественное расположение, которое выказывалось.

В продолжение двух дней, проведенных Амтеловым в Ведено, он имел случай вести довольно частые и обстоятельные беседы со своими приятелями; от них он, между прочим, узнал, что по возвращении Муссы из последней его поездки в Хасавюрт, наибы Андийский и других, соседственных, округов прибыли в Ведено и ходатайствовали перед Шамилем о дозволении открыть с нами торговые сношения; что имам отнесся благосклонно к этой просьбе, говоря, что разрешение такое уже дано обоюдно (им и русскими властями) и что он, со своей стороны, не откажется от своего слова. Болезнь Муссы замедлила открытие этих сношений, началу коих он должен служить необходимым посредником до того времени, пока они правильно устано-

вятся и взаимная недоверчивость лиц торгующих будет устранена: наши евреи на первых порах не решатся отправиться в горы иначе как в сопровождении Муссы. Небольшие подобные затруднения неизбежны на первых порах; но я убежден, что по единожды проложенному пути сношения постепенно упростятся, тем более что потребность в торговых сношениях проявляется преимущественно со стороны горцев. Я убежден, что в весьма непродолжительном времени горцы оценят милостивое разрешение, данное Государем Императором, и чувство это постепенно смягчит их суровую природу, изглаживая следы многолетней ненависти.

Подобный успех, очевидно, может быть только постепенный; в настоящее время доверие и расположение их имеет, так сказать, только характер личный, относясь ко мне и к моим поверенным; но мало помалу круг этот расширится. Существует в их среде как бы бессознательное чаяние лучшей будущности; Амтелов передавал мне, что не раз на пути своем в разговорах с влиятельными людьми такие надежды высказывались, хотя и сдержанно, выражаясь в восклицаниях такого рода: «Бог даст скоро все будет хорошо», или в вопросе: «долго ли я еще останусь при настоящей должности?» и т. п.

Шах-Аббас сообщил, что в разговоре с ним по поводу приезда Амтелова Шамиль выразился обо мне с сочувствием и уважением. Я не решился бы упоминать о подобных подробностях, если бы не видел в них благоприятного для порученного мне дела признака; не скрываю, что доверие, мне выказываемое, я ценю; но в особенности потому, что оно облегчает разрешение возложенной на меня задачи. Первый шаг самый трудный; с Божьей помощью остальное достигается легче.»

В половине февраля 1856 года вступил в командование левым флангом кавказской линии генерал-лейтенант

Евдокимов⁶. Давно уже стесняясь необходимостью вести столь важное ему порученное дело помимо ведома непосредственного своего начальника, барон Леонтий Павлович Николаи, излагая это в частном письме к брату своему, испросил этим путем разрешение главнокомандующего поставить вновь назначенного начальника своего в известность о происходящих между им и Шамилем сношениях и вперед представляемые им разновременно записки препровождать через посредство генерала Евдокимова; брату же своему он продолжал сообщать частные сведения в еженедельных письмах, которыми оба брата постоянно обменивались. Некоторые выдержки из таких писем могут дать понятие о дальнейшем ходе этого дела. Так, в письме от 9 марта 1856 г. сообщалось:

«Опять прошло некоторое время с тех пор, как я имел последнее известие из Ведено; Мусса, которого я давно ожидаю, еще не прибыл; приписываю это дурной и изменчивой погоде, а также непроездным дорогам; притом бедняк только что оправлялся от тяжелой болезни. Как бы то ни было, я считаю необходимым придерживаться своего основного начала: терпения и постоянства; нужно выждать, не унывать, когда являются более или менее продолжительные приостановки в сношениях, а главное отнюдь не давать вида, будто мы нетерпеливо желаем сближения. Быть может не нам суждено собрать плоды от брошенных нами семян; но не для себя мы и трудимся, а служим делу общему. Впрочем, от времени до времени прибывают лица, хотя и менее значимые, дабы воспользоваться дозволением торговать; тем лучше! - Я поощряю это негласно, но продолжаю давать разрешения моим вид особой милости, мною оказываемой. Приятель мой Джамал-Эддин еще не возвратился из Караты, где гостит у брата: вероятно и его дурные дороги задерживают. Пока, не получу известия о его прибытии в Ведено, я не намереваюсь отправить туда

опять Амтелова. Не могу не повторить еще раз, насколько я сожалею о замедлении, которое происходит в возвращении из России пленных горцев, о которых ходатайствовал Шамиль; оно тем более прискорбно, что при всегдашнем расположении горцев к недоверчивости и при крайней трудности их убедить в неизбежности такого замедления, медленность эта ложно истолковывается».

Между тем, восточная война близилась к окончанию, и, наконец, окончилась Парижским трактатом; военные силы, которые были сосредоточены на турецко-азиатской границе, увеличенные немалым числом войск, присланных в подкрепление Кавказской армии из внутренних губерний, сделались свободными и весьма естественно возникала мысль об употреблении таких значительных наличных сил для нанесения решительного удара Шамилю. Останавливаться перед слабыми начатками и пока еще весьма непрочными надеждами на мирную развязку кавказской войны было бы крайне неосторожно, а потому и весьма понятно, что с заключением мира с Турциею военные действия против горцев приняли более обширные размеры и внимание правительства преимущественно сосредоточилось на них. Мысль эту и барон Леонтий Павлович высказывал в письме из Хасав-юрта от 30 марта 1856 года: «Теперь, когда заключен мир, главная задача заключается в том, чтобы обеими руками взяться за кавказский вопрос, дабы с ним покончить, пока есть время и возможность; подобный удобный для того случай может не повториться; численность войск и средств в настоящее время почти удвоена; надобно этим воспользоваться, чтобы нанести такие удары, от которых бы горцы не оправились. Когда вспомнишь об этой в течение 56 лет открытой ране, стоившей России столько крови и денег, то, казалось бы, что следовало бы не останавливаться хотя бы и перед новой жертвой, единожды принесенной, для того чтобы раз и навсегда

освободить здешний край от этого постоянного хронического недуга. Стоит только захотеть; нужно приняться, дело будет сделано. Можно возразить: а что же переговоры, начатые с Шамилем? На это отвечаю: не следует пренебрегать и этим средством: если неприятель захочет послушаться голоса разума, тем лучше; но выгода уже та, что можно теперь говорить с ним голосом более решительным; если он согласится протянуть руку, то следует ее принять, и принять откровенно, без двуличной политики; но следует требовать таких гарантий, которые обеспечили бы нам верность данного слова, а там, в горах пусть себе Шамиль будет владельцем; тем лучше для нас. Я всегда высказывал убеждение, что до окончания той большой борьбы, которую вела Россия, а в особенности до окончания войны с султаном, невозможно ожидать чего-либо решительного от Шамиля; он не может сделать такого положительного шага, который был бы в противоречии с всею его предшествующею деятельностью; он не был бы в силах остановить фанатического потока; ибо религиозный фанатизм есть основание природы мусульманина; искра эта может по временам тлеть под пеплом; но она никогда не погасает, пока не погаснет последняя искра жизненности. Это есть глубокое мое убеждение, которое уже ничто потрясти не может. Мы в настоящее время достигли критического момента; как только мир будет формально провозглашен, а в особенности, когда убеждение в его действительности проникнет в умы мусульман, ибо они долго будут упорствовать в отрицании его, - надобно будет следовать за впечатлением, которое этим будет произведено; оно не разом обозначится, но скоро. В настоящую минуту, по-видимому, барометр моих сношений с Ведено опустился; (удивляться такому явлению не следует, ибо в таком деле медленной, можно сказать, инфильтрации надобно готовиться на колебания) - я это замечаю из следующего: в последнем моем

письме я упоминал о том, что мне придется послать Николая Амтелова в Ведено с вещами, о которых просил меня Джемал-Эддин в письме от 10-го марта. Обыкновенно мне в подобных случаях достаточно было дать знать наибу Ауховскому (тайному моему другу), чтобы он выслал несколько человек и выючных лошадей для Амтелова, и такое требование немедленно и беспрепятственно исполнялось. На этот раз ответ замедлился, и затем наиб известил меня, что он обязан испросить разрешение из Ведено и ожидать оногo. Так как он сам всегда расположен мне служить, то надобно предполагать, что произошла какая-нибудь перемена в Ведено. Предположение это подтверждается доставленным мне недавно моими лазутчиками сведением, что в Ведено, была произведена пушечная пальба по поводу полученного Шамилем письма от Омер-паши⁷ из Кутаиса, которым сей последний назначал ему свидание через два месяца. Народ этой сказке поверил, по крайней мере, для вида, ибо я сомневаюсь, чтобы многие действительно в нее уверовали. Любопытно было бы знать, поверил ли этому сам Шамиль; сомневаюсь в этом и допускаю даже, что это письмо, быть может, старое, в котором он изменил число⁸. Последовала, общая радость, пушечные выстрелы, и приказание всем достойно готовиться к ожидаемой встрече, запастись лошадьми, оружием и т.п. (то же самое было уже проделываемо в 1854 г. перед нашествием в Кахетию). Любопытно проследить эту временную вспышку. Нужно впрочем, сказать, что подобная комедия разыгрывается ежегодно, весною, в то время, когда наши соседи, чеченцы, более всех утомленные войною, истощив свои запасы хлеба и сена, и не засеяв еще свои поля, выказывают наибольшее расположение к переселению в наши пределы. В это время года Шамилю труднее всего их удерживать, и поэтому он каждый раз изобретает какую-нибудь эффектную штуку, дабы повлиять на воображение этого легко-

мысленного и легковверного народа; он держит его в таком напряженном состоянии до того времени, пока чеченцы вынуждены распахать и засеять свои поля; затем наступает время покоса, а потом и жатвы, и население этим способом опять приковывается к своим жилищам до следующего года, или, по крайней мере, до сбора своего урожая. Эта хитрость удастся ему ежегодно, и весьма естественно, что имя султана употребляется с успехом для этой цели. Весьма вероятно, что и в настоящий раз то же самое повторяется; такой момент, очевидно, самый неблагоприятный для успеха того дела, которое я преследую.

Довольно любопытен, однако тот факт, что торговцы не перестают приезжать в Хасав-юрт и закупать товары, которые увозят в горы. Настоящий момент есть, очевидно, момент какой-то неурядицы; не следует этим смущаться и надобно дать ему пройти, ожидая впечатления, которое будет произведено положительным известием о заключении мира, и когда эти люди вполне убедятся, что чтимый ими Хункар⁹ им изменил, и что они были им обмануты. Для Шамиля это будет минута горького разочарования; но она может оказаться благодетельною для дела; если он тогда не одумается, нужно будет осенью приступить к решительным мерам. Ожидаю сегодня или завтра ответа из Ведено относительно поездки Амтелова; весьма желал бы, чтобы она могла осуществиться, дабы приобрести ключ к настоящей сумятице. Если же в приезде его будет отказано, я буду ожидать пока они опомнятся, и сами будут просить, чтобы я предал забвению их минутную вспышку. Следует помнить, что с этим народом нужно обходиться как с детьми, и не терять преждевременно терпения в сношениях с ними».

В письме от 12-го апреля 1856 г. барон Леонтий Павлович извещал, что поездка Амтелова в Ведено, состоялась и что она его убедила в неосновательности его

подозрения, будто расположение умов у Шамиля и окружающих его изменилось; он писал: «все подвигается понемногу».

Летом 1856 года барон Леонтий Павлович был вызван в Тифлис главнокомандующим для словесного объяснения и затем провел несколько недель в Петровском, принимая морские ванны. Обстоятельство это по необходимости повлияло на правильность сношений с Шамилем. В августе того года князь А. И. Барятинский был назначен командующим кавказскою армиею и исправляющим должность наместника на место генерала Муравьева. С приездом нового главного начальника было приступлено к осуществлению составленного им плана военных действий. Пользуясь значительным сосредоточением войск на Кавказе, вследствие исходатайствованного кн. Барятинским разрешения на оставление в его распоряжение частей войск, прибывших из внутренних губерний во время войны, решено было нанести решительный удар владычеству Шамиля в горах. Военные действия эти начались зимою с 1856 на 1857 год и окончились блистательным походом 1859 года и покорением восточного Кавказа. Очевидно, что в такое время начатые мирные переговоры отступили на задний план. Притом, осенью 1857 года барон Леонтий Павлович оставил Хасав-юрт, сдав командование кабардинским полком полковнику князю Д. И. Святополк - Мирскому и уехал в годовой отпуск.

В дополнение изложенным здесь, не лишенным исторического интереса, сведениям о сношениях наших с горцами и Шамилем и для более наглядного доказательства, насколько распространявшиеся в горах сведения о ходе восточной войны были ложные, действуя на легковверные умы горцев, и насколько трудно проникало к ним сознание об окончании войны с Турцией, считается не излишним привести некоторые выдержки из разновременно получен-

ных бароном Л. П. Николаи от сына Шамиля Джемал-Эддина писем. Выдержки эти, вместе с тем, послужат к характеристике этого несчастного, но достойного всякого сочувствия уважения юноши, так рано окончившего свое земное поприще.

От 7 сентября 1855г. «Еще случай написать вам несколько слов; но едва ли не последний. Если бы вы знали, Леонтий Павлович, до чего глуп этот народ: между ними распространился слух, что меня нарочно прислали сюда, чтобы их подчинить русским. По известиям здешним, союзники разделились на три армии; английская на днях должна взять Варшаву; французская взяла Крым, идет в Москву; турецкая же двумя колоннами, одна взяла Александрополь, а другая идет по горам на присоединение с нами, что произойдет во Владикавказе, а оттуда совокупно двинется к Тифлису в тыл русской армии и таким образом всю ее заставят положить оружие. Более новостей нет.

Прощайте, прощайте, Леонтий Павлович, весь ваш Джемал-Эддин».

В ночь с 5 на 6 октября 1855 г.: «В пятницу 30 сентября, я запечатал письмо к турецкому султану. Очень хотелось приписать к нему несколько слов, что при следующем случае непременно и сделаю, чтобы он перестал морочить горцев. В мае Абдул-Меджид прислал брату Казимагома знамя с изображением (звезды над луной) и вокруг сияние; луна со звездой и сияние белая, а остальная часть знамени светло-зеленая. Так как оно оказалось менее здешних значков, то обшили с трех сторон широкой красной полосой. Медаль овальной формы около 2 вершков¹⁰ длины и 1,5 ширины, серебряная вызолоченная, на середине луна со звездой алмазной, также и ободочек с бантом. Сверх сего еще чин паши.

Отцу же обещано по взятии Тифлиса, короля Закавказского.

В недавно полученных из Азиатской Турции письмах ничего особенного нет; оттуда обещают прислать людей сведущих в горной части.

Книги, полученные мною: всемирная история Беккера в 7 частях; их, как мне кажется, должно быть больше; всеобщая история Лоренца - две части и первое отделение третьей (ее вовсе не выписывал, не ошибкой ли ко мне прислана?); география без атласа. К грамматике Греча следует книжка с решением вопросов. Французско-русского словаря нет. Шахмат тоже нет. К математике Перевощикова следует прямолинейная тригонометрия и конические сечения. Мне бы хотелось еще иметь: политическую и военную жизнь Наполеона, сочинение Жомини с планами; математическую географию, химию, геодезию, минералогию, физику, «Восемь месяцев в плену у горцев» кн. Чавчавадзе и друг. В заключение: поварное искусство; микроскоп, в 100 раз увеличивающий; две табакерки с музыкой; венецианского бархату малинового, синего, зеленого по 4 аршина; последние планы Севастополя с расположением войск.

Ради Бога, Леонтий Павлович, простите и не взыщите, что так бессовестно пользуюсь вашей добротой.

У Муссы потрудитесь взять сколько будет стоить все с пересылкою.

Завтра еду к тестю; возвратившись оттуда на другой день поеду к шутнику Хасану и буду ночевать неподалеку от вас у Азу Ауховского. Если бы не отец, право, сам черт не удержал бы меня здесь. Душою предан вам Дж.-Эд.»

От 4 мая 1856 г.: «Как ни желают прекратить сношения мои с вами и вообще с русскими, но сама судьба препятствует тому.

Сегодня утром пришел ко мне отец и сказал, что надо послать Муссу в Хасавюрт, а так как ваше превосходительство дали знать Хату, чтобы он ни по какой надобно-

сти людей в укрепление не посылал, а ежели пошлет — будут там задержаны, то необходимо, чтобы я просил вас о дозволении Муссе закупить некоторые нужные вещи. Могу надеяться, Леонтий Павлович, что не откажете в этом. Покупка же, как мне кажется, собственно для меня; ибо по окончании поста нашего, на другой день будет свадьба моя; если чего нельзя найти в укреплении, будьте так добры, пошлите его куда-нибудь в другое место.

Вчера приехало несколько человек от Магомет-Амина с письмами Омер-паши; пишет, что в этом месяце он двинется на Тифлис, о мирных же переговорах нет ни слова. Приехавшие же черкесы говорят, что действительно идут переговоры, но мир не заключат, если русские не согласятся оставить Закавказье и Кавказ. Судя по газетам мир уже должен быть заключен; желал бы знать условие оного. Вероятно с каждым письмом моим вы ожидаете что-нибудь любопытного в описании жизни моей, но она так обыкновенна, что считаю совершенно излишним писать что-нибудь о ней. В поездках же также нет ничего замечательного. Кроме лести, самохвальства и сплетни я ничего еще не видал...».

От 12 августа 1856 г.: «Всегда горю нетерпением написать к вам хотя несколько слов; к несчастию полудикое племя диких наших гор есть преграда, трудно одолеваемая.

Вследствие письма вашего, в котором объяснили предстоящую бурю несчастным горцам, прочел отцу, чем и уверил, что мир заключен между воюющими державами и что все внимание русских обратится на горцев. Но приходящие постоянно вздорные известия, что Омер-паша в Кутаисе, Александрополь также взят и вообще лжи за лжами ввели снова в сомнение».

От 12-го сентября 1856 г.: «Желаю с вами посоветоваться. Дело вот в чем: отец никаким образом не склоняет-

ся к миру; он говорит, что «несколько раз его обманули русские и теперь сделают то же. Но если султан Абдул-Меджид заключил мир и предложит нам сделать то же, тогда я не вправе буду отказаться от этого...». Я думаю воспользоваться последним; здесь находится один гератовец, Хайрулла, который предлагает свои услуги в случае одобрения плана действий с вашей стороны. Он будет проситься у отца в Мекку, в чем ему не откажут. С ним я напишу султану о настоящем положении Дагестана и пользу, какую он может принести этой горсти несчастных, даруя им мир. Можно действовать по этому плану или нет?

Здесь распространен слух, что Турция, Англия и Австрия объявили войну России и Франции; можно ли этому верить?»

В заключение и в подтверждение того недоверия, с которым Шамиль относился к действиям русских властей, подозревая их в намерении не быть верными данному обещанию, приводится два письма Шамиля к барону Л. П. Николаи и письмо последнего к имаму.

Перевод с арабского:

«От князя мусульман Шамиля к начальнику русских генералу барону.

Мы слышали, что вы собрали бедные семейства, которые вышли из Джара для пропитания своих семейств; это неприлично с вашей стороны. И также мы слышали, что вы посылаете наших абреков, которые находятся у вас в руках, в Сибирь.

По этому делу вы не обманываете меня, а обманываете сами себя, и с этим вы пошлете ваших пленных в гроб; у вас есть Сибирь, а у нас гроб.

Последнее слово мое: если вы передадите всех пленных абреков, начиная от Башира, в таком случае вы получите своих пленных, и я буду ожидать от вас ответа, имеете ли вы намерение отдать наших и взять своих, и

прошу вас выбирать из двух одно: возьмете ли ваших пленных или же оставите здесь, на что жду от вас скорого ответа.

Рамазана 8-го дня 1271 года. [10-го мая 1855 года]».

На это письмо барон Л. П. Николаи отвечал от 15-го мая:

«Хасав-юрт. Высокостепенному имаму Шамилю.

Я только что возвратился из поездки и мне ваш посланный вручил ваше письмо. Признаюсь, что оно меня очень удивило и могло бы даже оскорбить. Я очень знаю, что стыдно и очень стыдно обманывать; поэтому я до сих пор никогда не обманывал и надеюсь, что и впредь этого не будет. У нас это считается грешным, а для благородного человека унижительным. Не моя вина, если вы верите коварным языкам таких людей, которые по ненависти или невежеству готовы всегда нас оклеветать; они близки вам, я же далек; поэтому они остаются правыми. Когда дело шло о размене сына вашего, Джемал-Эддина, они также пользовались тем, что по причинам, не зависевшим от моей воли, переговоры длились, чтобы на каждом шагу внушать вам, что русские вас обманывают; однако на деле оказалось, что они лгали. Они только что успели стереть с лица стыд, и вот они опять начинают свою старую песнь; но я их презираю. Жалею только, что вы меня еще так мало знаете или так скоро изменяете ваше мнение.

Вы, имам, полновластны в ваших владениях и я знаю, что вам только нужно сказать одно слово, чтобы пленников освободить или послать в гроб. Но я подобной власти не имею; у меня есть начальники, и против закона я не могу поступить. Поэтому я не могу так скоро действовать, как вы. Я у вас просил списка пленных ваших, которых вы желаете освобождения, и по получении его сейчас послал его в Грозную и в Тифлис, и не обещал даже вам

ответа к сроку: сын ваш скажет вам как далеко до тех мест, и он может вам объяснить порядки наши.

Башир же сам абрек и скрытно приходил подучивать наших мирных кумыков к измене; я его давно стерег и наконец он попался; я его наказал так, как и вы, вероятно, наказали бы у вас подобный проступок.

То, что я обещал, то я сдержу, - но я никогда не обещал, что не буду впредь наказывать тех, которые будут оказываться виновными против нашего правительства.

На счет же джарцев я удивляюсь вашему обвинению; не мною они взяты, не мною арестованы; я даже не знаю, по какой причине они взяты или они выбежали; держу я их только по просьбе князя Орбелиани¹¹, который пишет мне, чтобы я задержал их до получения от вас ответа на счет их размена.

Вот сущая правда; не могу заставить вас мне верить; но совесть моя чиста, и как бы ни были последствия, о которых вы упоминаете, греха не будет лежать на моей душе».

От 8-го июля того же, 1855, года, барон Л. П. Николаи писал Шамилю следующее письмо:

«Высокопочтенному, высокостепенному имаму Шамилю.

С удивлением узнал я, что посланный мой, Николай, посажен был вами под арест. Я бы не поверил этому, если бы не слышал от столь верного мне человека. Я только могу одно сказать, что я не так бы поступил с вашим посланным; в прочем вы это хорошо знаете.

Я сколько раз вас просил, чтобы вы меня предупредили, если вам неприятно, что мой посланный к вам ездит; то, что я делаю, я делаю открыто; я ожидал, что и вы со мною так будете поступать. Если мой человек был в чем-либо виновен, то вы могли меня о том уведомить; я сам бы его наказал; но так это обстоятельство остается для меня

непонятным; ибо не могу думать, чтобы имам хотел изменить своему слову. Я ожидал, что ко мне придет Хассан и объяснит мне это дело; но до сих пор я его не видал.

Чтобы доказать, что я со своей стороны умею держать свое слово, то могу вам сообщить, что я получил от нашего главнокомандующего уведомление, что он сам написал Государю Императору и просил о высылке сюда тех пленных горцев, которые помещены в присланном вами списке. Поэтому можно полагать, что дело это сделано; надобно только дать время им прибыть, а вы знаете, что туда далеко».

Ответ Шамиля от (без обозначения числа) июля. Он написан по-русски и к нему приложена в конце печать имама; списывается дословно:

«Ваше превосходительство.

На письмо ваше от 8-го июля ответствую, что если удостоверились вы, что человек ваш, Николай, посажен мною под арест, то это действительно, потому что был заслужен этому он собственно своею грубостью; что же касается до требуемых мною арестантов, о которых вы получили (как говорите) от главнокомандующего уведомление, то я с крайним сожалением вас уведомляю, г. генерал, что я никак не могу дать этому веры, ибо видя неоднократных таковых предметов, которые опровергали своих слов. Поэтому повторяю сим просьбу свою и прошу о возврате арестантов, назначенных в списке, сделать распоряжение. Имам всех горских народов Шамиль».

Когда требовалось задобрить для того, чтобы была уважена просьба, то тон письма изменялся; так в числе оставшихся бумаг, находится письмо, также по-русски писанное, в Дарго, с приложением печати Шамиля следующего содержания:

«Честнейший барон.

Осведомился я, что взятые из Ахульго - из пленных некоторые находятся в Кизляре и в укреплении Капчугай, именно жительки сел. Балахи жена Магома Гази-Чакар с двумя дочерьми, того же селения дочь Магома Алия, Зурга, находятся в Кизляре, и двое женщин, именно: мать с дочерью из сел. Бетлитлы находятся в укреплении Капчугай. Почему прошу ваше превосходительство о доставлении их в Хасав-юрт сделать свое распоряжение для обмена их за грузин, здесь находящихся.

Остаюсь имам всех горских народов. Шамиль».

Примечания

1. Муравьев (Карский) Николай Николаевич (1794-1866) – генерал от инфантерии (1853). Участник Отечественной войны 1812, заграничных походов 1813-1814, русско-иранской войны 1826-1828 и русско-турецкой войны 1828-1829 годов. В 1854-1856 г. – наместник на Кавказе и главнокомандующий отдельным кавказским корпусом. Командовал осадой и взятием Карса в 1855г. С 1856г. в отставке.

2. Восточная война – Крымская война 1853-1856гг. Началась как русско-турецкая война за господство на Ближнем Востоке. Позднее на стороне Турции выступили Англия и Франция, что предрешило исход войны. Россия потерпела в войне поражение, по Парижскому мирному договору (1856г.) она возвратила Турции Карс; Черное море объявлялось нейтральным, ни Турция, ни Россия не должны были иметь там военный флот. Отменен Лондонским протоколом в 1870г.

3. Шамиль – прим. А.П.Николаи.

4. Александрополь – после 1924 года г.Ленинакан в Армении.

5. Байрам – два трехдневных переходящих праздника у мусульман.

6. Евдокимов Николай Иванович (1804-1870) – граф,

генерал-адъютант, родился и вырос на Кавказе, сын простого солдата, учился, по его собственным словам, «на медный грош», но занимался самообразованием. Выдвинулся благодаря природному уму и знанию местных условий. Ближайший сподвижник А. И. Барятинского, кавказского наместника, в период покорения Кавказа (1857-1859), затем командующий левым флангом при завоевании Западного Кавказа. В 1860г. ему был пожалован титул графа.

7. Омер-паша (1806-1871) – турецкий генерал, настоящее имя Михаил Латош, австриец, принявший мусульманство.

8. Известно, что Омер-паша произвел осенью 1855 года высадку в Сухум-Кале и дошел до реки Пхенис-схале в 50 верстах от Кутаиса, откуда должен был отступить к Редут-Кале – прим. А. П. Н.

9. Султан турецкий – прим. А. П. Н.

10. Вершок = 4,45 см.

11. Князь Григорий Дмитриевич Орбелиани, член Государственного совета, в то время командовал в Дагестане – прим. А. П. Н.

Адольф Петрович Берже

Адольф Петрович Берже (1828-1886), автор исторического очерка о выселении горцев с Кавказа в 60-х годах XIX века, обучался в частном пансионе, реформаторской школе, гатчинском сиротском институте, Петербургском университете, который закончил со степенью кандидата по восточному факультету. Молодой ученый хотел поехать на восток, за пределы Российской империи, но решение императора Николая I было непреклонно: «Берже не для чего ехать за границу на восток, так как Россия

имеет свой восток, это Кавказ, пусть он туда и отправляется на службу».

Сам А.П.Берже никогда не жалел о таком повороте своей судьбы. Известный историк, редактор журнала «Русская старина», М.И. Семевский так оценивал его научную деятельность: «Тридцать пять лет Адольф Петрович находился на Кавказе, многого он был свидетелем в этот длинный период времени, и за всеми этими событиями он следил со вниманием историка и ученого. Всецело преданный науке, он изучал Кавказ во всех его минувших судьбах и в его современном состоянии. Археология, география, топография, статистика и, в особенности, история Кавказа – были изучены Адольфом Петровичем в совершенстве... Все те, кто желал ознакомиться с Кавказом, так сказать, научным образом, не могли миновать Берже и встречали в нем самого просвещенного и всегда самого доброго руководителя при изучении этой страны». Побывавший на Кавказе великий русский драматург А.Н.Островский вспоминал о А.П.Берже: «Этот человек замечательно остроумный и весьма образованный; это незаменимый собеседник и первое лицо на Кавказе по своему обширному знакомству с этим краем».

Перу А.П.Берже принадлежит большое количество монографий, статей, очерков. Назовем лишь некоторые, чтобы хоть приблизительно обозначить круг интересов учёного: «Присоединение Грузии к России 1799-1831 гг.» (1880); «Посольство Алексея Петровича Ермолова в Персию в 1817 г.» (1877); «Смерть А.С. Грибоедова. 1829 г.» (1874); «Император Николай на Кавказе в 1837 г.» (1884); «Кавказское острословие» (1874); «Александр Александрович Бестужев (Марлинский) в Пятигорске в 1835 г.» (1888); «Чечня и чеченцы» (1859) и др. В течение 22 лет А.П. Берже возглавлял кавказскую Археографическую Комиссию (со дня образования последней и до своей смерти).

Комиссия опубликовала под его редакцией 11 томов «Актов Кавказской Археографической Комиссии» (последний том вышел после смерти редактора) – документов исключительного интереса и важности, касающихся всех сторон жизни Кавказа. Это самая крупная заслуга А.П.Берже перед российской наукой. О нем, лютеранине, писал в некрологе М.И. Семевский: «Мир праху твоему, достойный гражданин земли русской! Ты послужил своему отечеству с честью, оставив по себе не только память, как о достойном человеке, но и завещав России свой монументальный многолетний труд, который ляжет основанием всей истории одной из роскошнейших и интереснейших стран, входящих в состав нашего отечества».

В надгробной речи один из ближайших сотрудников А.П.Берже сказал: «Как человек вообще – он был идеально честен, как человек науки и дела – он был неутомимый труженик. Про него можно смело сказать, что он был друг человечества, а поэтому и не имел врагов...

Высокое официальное положение, которое занимал почивший, достигнуто им не искательством, но действительными заслугами; равнодушный к внешним знакам отличия, он не добивался их и не кичился ими. Он не искал славы, но, тем не менее, нашел её, - и нашел вполне заслуженно.

Не оставил почивший золота и богатств своим наследникам, но зато оставил честное имя и добрую благодарную память среди друзей и ценителей. Бедняком он прибыл на Кавказ, бедняком и оставил земную юдоль...

Почившего одинаково любили во всех слоях общества, во всех национальностях. Туземцы ценили в нем прямоту характера, честность убеждений. Его ученые труды правильно, беспристрастно разъяснили и осветили не одну страницу из прошлого разноплеменных народов, населяющих Кавказ. Он имел друзей и ценителей и среди мусуль-

ман, об интересах которых неумолимо заботился по своим официальным обязанностям».

В последний путь А.П.Берже провожали лютеране, православные, мусульмане...

Настоящая работа А. П. Берже перепечатывается, с небольшими изменениями, из журнала «Русская старина». 1882. Т. XXXI II, кн. 1, 2; Т. XXXVI, кн. 10.

ВЫСЕЛЕНИЕ ГОРЦЕВ С КАВКАЗА

И смолкнул ярый крик войны:
Все Русскому мечу подвластно
Кавказа горные сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла вас ваша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!
А.С. Пушкин.

Географические, этнографические и статистические данные о выселении

Выселение горцев, заселявших Кавказ, представляет одно из замечательных исторических событий нашего времени, хотя до сих пор оно не разъяснено и не описано так подробно, как бы следовало. Полумиллионное население из многих племен, разного корня, со своеобразными этнографическими особенностями, с самобытным строем внутренней и общественной жизни, покинуло родные горы, в которых пережило длинный ряд веков и расселилось по разным провинциям Европейской и Азиатской Турции, где частью погибло от трудностей переселения и других условий жизни, частью смешалось с разнородными племенами на местах нового водворения и с течением времени неиз-

бежно должно утратить свои исторические предания и характеристические особенности. Филология, этнография, география и история утратили в этом богатые средства разъяснить много важных вопросов в минувшей жизни человечества, а потому на нас, современников переселения, лежит обязанность указать на его важность и занести в летопись исторических событий причины и ход этого печального выселения кавказских народов.

Не придавая представляемой на суд критики статье своей значения всестороннего исследования настоящего вопроса, я ограничусь только главными чертами события. Для более ясного уразумения фактов, считаю необходимым предпослать здесь краткий очерк страны и перечень населявших и населяющих ее народностей.

Главный Кавказский хребт от Керченского пролива до Каспийского моря доступен только на одних своих оконечностях для прохода с севера на юг; в остальных частях он представляет почти сплошную массу гор, резко отделяющую северный Кавказ от Закавказья, не только в географическом, но и в этнографическом отношении. Северные склоны этого хребта, спускаясь сначала крутыми, а потом более отлогими уступами в равнину, служащую продолжением приволжских и придонских степей, образуют, с прилегающим к ним пространством, следующие части: западную или бассейн реки Кубани, восточную или бассейн реки Терека, и промежуточную маловодную степь по рекам Куме и Калаусу. Северо-восточный же склон главного хребта составляет высокое нагорное пространство (Дагестан), вмещающее в себя бассейны рек Сулак и Самур.

Южный склон Кавказского хребта, спускаясь по направлению к Черному морю, образует узкую прибрежную полосу, упирающуюся в реку Ингур. Далее, на восток, находится замкнутая долина Риона, а за Месхийским хребтом лежит бассейн реки Куры, сначала нагорный, потом рав-

нинный и степной, переходящий в Каспийскую низменность. К югу от реки Куры расстилается нагорное плато (Ахалкалакское и Александропольское), составляющее продолжение Турецкой Армении (ныне вошедшей в состав русской территории под именем Карской области). Восточнее этого плато находится возвышенная местность при озере Гокча и реке Араксе, входящая в связь с Азербайджаном. Наконец Ленкоранский уезд есть продолжение персидского Талыша.

Вся эта громадная территория Кавказа (не считая областей Карской и Батумской), представляющая площадь в 7,975 кв.миль или 385,887 кв. верст, ныне заселена 5,387,000 душ разнообразного населения, в числе коего считается:

Русских	1,300,000
Грузин	1,159,000
Армян	656,000
Мусульман	1,992,000
Евреев и др.	280,000
Всего	5,387,000

Население это при столь значительной площади Кавказа дает на один километр 12,4 души. Понятно поэтому, какой ущерб экономическому развитию края должно было принести выселение горцев, достигшее в продолжении 1858 по 1865 год, по официальным сведениям, 493,194 души или $\frac{1}{11}$ части всего населения Кавказа. Племена, выселившиеся в упомянутый период времени в Турцию, занимали северный склон западного Кавказа и прибрежную горную полосу между главным хребтом и Черным морем от Анапы до Гагра и котловину реки Бзыб. Мы перечислим их и укажем места, где они обитали:

1. Прибрежье Черного моря, к северу от границ Абхазии, занято было Джигетами (Саадзен, Садзуа), делившимися на а) Псху, обитавших в котловине реки Бзыб и по

реке Мзымте до мыса Адлер; б) Ачхипсоу — по верховьям рек Псху и Мзымты; в) Аибга—на пространстве между реками Бзыб и Псху и выше верховьев Хошупсе; 2) Цандрипш—между реками Бзыб и Хошупсе, и д) общества Кечьба, Аредба, Цвиджа и Бала, жившие между реками Хоста и Мзымта.

2. Убыхи—самое воинственное и предприимчивое племя на восточном берегу Черного моря. Они жили между реками Хоста и Шахе и по примыкающим к ним ущельям. Убыхи разделялись на: а) собственно Убыхов — между верховьями рек Хоста и Шахе; б) Саше—по побережью, между рекою Хоста и долиною реки Сочи включительно, и в) Вардане—по побережью от долины реки Сочи до Шахе, с ее притоками включительно.

3. Шапсуги. Они разделились на Больших и Малых. Земля больших Шапсугов находилась на нижней Кубани, по северному скату главного хребта между рекою Адагум, составлявшею западную границу между Шапсугами и Натухайцами и рекою Псекупс, отделявшею Шапсугов от Абадзехов. Малые Шапсуги жили на южном склоне главного хребта, между рекою Шахе, землею Убыхов, рекою Джубга и землею Натухайцев.

4. Натухайцы (Натхокуадж)—занимали западную оконечность понижающегося к Черному морю Кавказского хребта и южный склон последнего от Анапы до реки Джубга.

5. Абадзехи. Они жили на пространстве между реками Белой и Псекупсом и главным хребтом, отделявшими их с юга от Убыхов, с запада— от Шапсугов и востока—от Абазинцев.

6. Абазинцы населяли самую возвышенную полосу по северной покатости главного хребта на пространстве между верховьями Кумы, Подкумка, на левом берегу Ку-

бани и у истоков рек Лабы, Ходз и Губс. Они разделялись на кумских и кубанских абазинцев.

7. Башильбаевцы—в верховьях рек Урупа и Зеленчука.

8. Тамовцы—на верховьях Большой Лабы.

9. Кизылбековцы—за горою Ахмед, у верховьев реки Андрюк.

10. Шегиреевцы—по верховьям Малой Лабы.

11. Баговцы—у реки Ходз, на лесистой подошве горы Ашишбаг.

12. Егерукаевцы и Темиргоевцы—на левом берегу Лабы, близ впадения ее в Кубань.

13. Бесленеевцы—по правому берегу Большой Лабы и по Большому и Малому Тегеням, впадающим в Уруп.

14. Мохошевцы—на левом берегу Лабы, выше. Гатюкаевцев, которые жили при самом ее устье.

15. Бжедухи. Они занимали земли по левую сторону Кубани, по низовьям рек Пшиша и Псекупса, до границ Шапсугов.

16. Закубанские Ногайцы заселяли левый берег Кубани от станицы Баталпашинской до устья реки Лабы и по правую сторону Кубани в Тахтамышевских аулах и под горою Бештау, близ Пятигорска.

К сожалению, мы не имеем данных, определить хотя с достаточною приблизительностью численность каждого из племен, так как при совершенном отсутствии между ними государственности, сами представители их и старшины никогда не знали точной цифры своих единоплеменников. Даже число дымов, при полной свободе каждого жить и уходить куда ему угодно, не могло быть определено. Если бы выселение производилось систематически под надзором нашего правительства, то была бы возможность определить численность каждого из племен, ушедших в Турцию, но дело в том, что выселение началось ранее появления

наших войск на южном склоне Кавказа, у берега Черного моря. Горцы грузились на турецкие кочермы¹, выходившие из пунктов, принадлежавших еще непокорным племенам, которым решительно не было никакого интереса считать, кто и зачем отправляется в Турцию. С другой стороны, при усилившемся выселении, когда наше правительство было вынуждено принять непосредственное участие в этом событии, для устранения бедственного положения горцев, столпившихся массами на берегу Черного моря, в ожидании прихода судов и без всяких средств к существованию, счет переселенцам производился не с научною, а с гуманною целью уменьшить размер бедствий переселенцев. Оттого в официальных документах более всего обращалось внимания на счетоводство, на количество выданных пособий, причем, этнографические особенности оставались в стороне. Сколько тысяч горцев было отправлено на частных, казенных и турецких судах определить можно; но кто именно отправлялся: Бжедухи, Абадзехи или Шапсуги оказывалось известным только в редких случаях. Вот почему мы, исчисляя отдельные племена, не выставили в прилагаемой ниже ведомости ни числа дымов, ни числа душ в каждом из них, так как такие цифры были бы совершенно неточны. Мы могли составить эту ведомость по официальным документам, из которых видно, что число всех переселенцев в Турцию через порты восточного берега Черного моря с 1858 по 1865 год составляет 469,703 души. Из них, приблизительно, главных племен выселилось:

Натухайцев	45,023
Абадзехов.	27,337
Шапсугов	165,626
Убухов	74,567
Джигетов	11,873

Бжедухов7,983

Но все эти цифры необходимо увеличить на 27,671 душу (Шапсугов, Бжедухов и Натухайцев), которые по окончательному расчету полковника Фадеева значатся отправленными из Новороссийска и Псезуапе. Всего, стало быть, с восточного берега в 1864-1865 гг. отправлено, под наблюдением агентов нашего правительства, 384,529 душ. Прибавив к этой цифре выселившихся с 1858 по 1864 год, по сведениям, доставленным графом Евдокимовым,

1. Абазинского племени: Кизылбековцев, Тамовцев, Баговцев, Башильбаевцев, Шагиреевцев	4,350 семейств	30,000
2. Бесленеевцев	600 семейств	4,000
3. Темиргоевцев, Егерукаевцев, Мохошевцев	до 2,000 семейств	15,000
4. Натухайцев, не желавших выселиться на плоскость в 1863 году		4,057
5. Бжедухов	200 семейств	2,517
6. Прикубанских Ногайцев		30,650
		86,224,
а всего получится		470,753 души.

Сведения эти, хотя официальные, но, как видно, неточны. Кроме того, есть полное основание думать, что даже в то время, когда главнокомандующим армиею были назначены специальные агенты для наблюдения за выселением горцев, то и они неверно показывали число душ. В докладе особой комиссии, назначенной при Окружном штабе для разбора сведений по переселению горцев, 11-го февраля 1865 года, между прочим, сказано: «Большинство квитанций и пособий переселенцам весьма сомнительного свойства. Особенного внимания в этом отношении заслуживают квитанции, представленные капитаном князем

Чавчавадзе и штабс-капитаном Добжанским». Впрочем, не смотря на вероятность некоторого преувеличения цифры пособий, число выселившихся душ в действительности не только не менее, но должно быть значительно более показанного, так как все переселенцы, отправившиеся на свой счет на турецких кочермах из портов, нам неподвластных, большею частью остались неизвестны для официальных лиц, а это составляет весьма солидную поправку некоторого преувеличения числа выданных пособий, что с другой стороны вовсе и не требовало преувеличения числа переселенцев.

Ведомость числа горцев разных племен Кавказа, выселившихся в Турцию с 1858 по 1864 год.

Название племен.

В 1863 и 1864 годы.	Число душ
Абадзехов: из Тамани	27,337
Натухайцев: из Анапы	16,452
Новороссийска.	28,571
Шапсугов: из Новороссийска.	42,151
Туапсе.	63,449
Ту, Нечепсухо, Джубы и Пшада	60,000
Убыхов: из Мокупсе и Сочи	42,539
Сочи и Хоста.	10,678
Ушли прежде из Мокупсе и Сочи.	21,350
Джигитов: из Адлера и Сочи	2,618
Псху.	5,040
Цандрипша.	4,215
Ачхипсоу:из Цандрипша.	4,000

Псху из Гудаута (согласно рапорту командующе- го) войсками в Абхазии, от 20-го августа 1864 го- да)	3,642
Итого.	332,068

С 1858 по 1866 год.

Абазинское племя (Кизылбековцы, Тамовцы, Баговцы, Башильбаевцы, Шагиреевцы) 4,350 семейств.	30,000
Бесленеевцев 600 семейств	4,000
Темиргоевцев, Егерукаевцев и Мохошевцев до 3,000 семейств	5,000
Натухайцев.	4,057
Бжедухов	2,517
Прикубанских Ногайцев	30,650
Итого	86,224

А всего выселилось в Турцию
через порты Черного моря. . . 18,292

После составления отчета начальника Кубанской об-
ласти в ноябре и декабре 1864 года и в марте 1865 года вы-
селилось через Новороссийск:

Абадзехов.	15,811
Шапсугов.	3,543
Бжедухов	5,436
Итого	24,790

Кроме того, после составления отчета об отправлении
горцев полковником Фадеевым, выехало Шапсугов, Бже-
духов и Натухайцев из Новороссийска и Псезуапе 52,411
душ, как это значится в ведомости, приложенной к докладу
комиссии по делу о переселении горцев в Турцию (18-го
февраля 1865 года); но так как при этом упоминаются 4,600

душ переселенцев, вошедших в число упомянутых выше 24,790 душ, то, по всей Вероятности, все эти переселенцы числятся по последней цифр, а потому следует добавить только 52,411—24,790 или только. 27,621

Что даст общий итог переселенцев через порты Черного моря 470,703

А прибавив сюда выселившихся из Большой и Малой Чечни 22,1943

Всего 493,194

II

Кавказская война и ее неизбежность. Столкновения с Турцией. Европейская дипломатия. Вмешательство ее в Кавказскую войну.

Кавказская война началась не в силу каких-нибудь политических задач или дипломатических соображений, но была естественным результатом государственного роста России. Оттого, с одной стороны, война эта тянулась так долго, а с другой, большинство не видело в ней никакой цели, никакой пользы и горько жаловалось на бесплодное истребление государственных средств, на продление ненужного кровопролития.

Уничтожение царств Казанского и Астраханского в царствование Иоанна Грозного поставило Россию лицом к лицу с полудикими народами, обитавшими у берегов Каспийского, Азовского и Черного морей. К этому именно времени относится появление наших пограничных кордонных линий из укреплений и поселений, как неизбежная мера для прикрытия внутренней страны от грабежей и набегов разноплеменных соседей. Необходимость содержать эти линии заставляла пограничных воевод постоянно требовать у правительства высылки подкреплений войсками и поселенцами, к которым охотно примыкала вся бродячая вольница, водворяясь на привольных местах, вне строгого

контроля центральной власти. Такое усиление кордонов давало возможность пограничным воеводам не ограничиваться пассивным отражением набегов, но переходить к наступательным действиям для наказания хищников, причем у них отбивались разные важные угоды. Прямым следствием этих действий было, что граница никогда не оставалась на месте, но постоянно подвигалась к низовьям Дона и предгорьям Кавказского хребта. Таким образом, уже в 1567 году построена крепость на левом берегу Терека, близ устья Сунжи, которая хотя и была оставлена по просьбе султана Селима¹, но возобновлена в 1578 году. В том же, 1567 году, построен при устье Терека Терский городок и учреждено Терское воеводство, для управления кавказскими народами, которые начали искать покровительства России еще со времени Иоанна Грозного. В таком покровительстве соседним племенам никогда не отказывалось, в предположении достичь этим путем спокойствия на границах. Но такая надежда, очевидно, никогда не сбывалась: инородцы посылали посольства, получали подарки, выдавали аманатов², принимали присягу, - но постоянно производили набеги и вызывали наступательные действия наших войск, для наказания виновных и занятия новых пограничных пунктов.

Между тем, в то самое время, как Россия подвигалась к северному склону Кавказского хребта, по южную его сторону, спорили за господство персияне³ и турки. Последние в 1578 году снова начали занимать восточный берег Черного моря, оставшийся без хозяина после истребления генуэзских колоний⁴. В этом же году ими построены крепости в Потии и Сухуме и начало заметно распространяться их влияние на кавказские племена. Таким образом, принятие племен под покровительство России ставило ее во враждебные отношения к Турции.

Но еще большим поводом к столкновениям этих государств послужили христианские владения за Кавказом: Грузия, Карталиния, Кахетия, Имеретия, Гурия и Мингрелия. Еще в 1586 году Кахетинский царь Александр II испрашивал покровительства у царя Феодора Иоанновича, и с тех пор из Закавказья посольство отправлялось за посольством с тою же просьбою против турецких и персидских утеснений, пока, наконец, в 1801 году, манифестом императора Александра I Грузия не была присоединена к России и военные действия против кавказских племен неизбежно начались с обеих сторон Кавказского хребта.

Несмотря на это, характер Кавказской войны остался тот же, что и был в 1567 году. Начальники Кавказской линии и им подчиненные отражали набеги и наказывали хищников экспедициями. Хищники изъявляли покорность, выдавали аманатов и снова делали набеги. К этому прибавились в Закавказье военные действия против персиян и турок, у которых мы постоянно отнимали ханства и владения, признававшие их господство или состоявшие под их покровительством. Так продолжалось до Крымской войны, после которой наши войска, посланные на границу Турции, оставлены были, по ходатайству князя Барятинского⁵, на Кавказе, и таким образом появились здесь значительные боевые силы, дававшие возможность покончить Кавказскую войну совершенным покорением всех горцев, вследствие того принципа, что «пятидесятилетний опыт убедил нас, что никакой мир невозможен с народом, который не имеет правительства, и в котором не существует даже понятия о предосудительности воровства и грабежа»⁶.

Только один раз в течении 300 лет наши завоевательные действия на Кавказе были осмыслены глубокою государственною мыслью. Гениальный преобразователь России, в своих дальновидных заботах о ее будущности, постиг разом значение Каспийского моря и прилегающих к

нему земель. Могучий ум его охватил всю цельность политико-экономических интересов России в Средней Азии и Индии и он сначала отправил экспедицию Бухгольца и князя Черкасского⁷ (1714—1715), чтобы, утвердившись в Хиве, послать купчину в Индию, приказав ему описывать путь и, по возможности, отыскать кратчайшее и удобнеее сообщение Индии с Каспийским морем. Потом, при неудаче этих предприятий, сам двинулся с войсками по кавказскому берегу Каспия, завладел городом Баку и самыми богатыми прикаспийскими провинциями Персии, через которые действительно пролегает удобнеее путь из России в Тегеран, Шахруд, Герат и Кандагар. Но такая широкая задача не была понята его преемниками и в 1735 году императрица Анна Иоанновна возвратила Персии завоеванные Петром I провинции. В наше время прорыв Амударьи до Сарикамышского озера показал верность предположений Петра о повороте этой реки в Каспийское море. Хива нами занята, в Средней Азии мы дошли до верховьев Аму — и потому гениальная мысль великого венценосца наполовину осуществилась путем историческим, т. е., помимо всех соображений дипломатов, как необходимое естественное условие государственного роста России. Стало быть и завоеванию Кавказа европейская дипломатия может теперь приписать глубокую политическую цель. Завещание Петра Великого исполнено, хотя оно не существовало и не существует, и никто не заботился о его исполнении.

Турецкое господство над кавказскими племенами и владениями было только номинальное, хотя турки построили крепости на восточном берегу Черного моря (Анапу, Сухум, Поты) и занимали по временам непосредственно своими войсками закавказские провинции. Назначая пашей и созидавая крепости, турки вовсе не касались реорганизации народной жизни: они только стояли лагерем и эксплуати-

ровали, как умели, занятые земли. От этого в христианских провинциях, где не было религиозной связи между завоевателями и населением, завоевание, кроме разорения страны, ничего в ней не изменяло. Приняв покровительство и потом вступив в состав русского государства, эти провинции потеряли всякое воспоминание о турках и сношениях с ними. Только при начале подданства, лишившиеся престола цари и владельцы бегали к туркам, находили у них приют, помощь и производили при их посредстве набег и волнения в прежних своих владениях, но нашим войскам не трудно было с ними справиться. Совсем иные были отношения турок к нехристианскому населению, между которым ислам, распространяясь постепенно, сделался господствующею религиею. В качестве главы правоверных, турецкий султан сделался верховным покровителем и властителем всех мусульманских племен. Пленопродавство, неизменный спутник грабежей и набегов, вошло в нравы и обычаи горских народов и распространилось даже на собственных детей. Девушки и девочки замечательных красотою кавказских племен очень легко доходили до Константинополя, наполняли там гаремы султана и знатных пашей, делались любимыми женами и, приобретя значение, выписывали к себе и сносились с своими родными на Кавказе. Мальчики, продаваемые туркам, также нередко достигали важных должностей у султана и кичились тем пред своими родичами, вызывая их в Константинополь поклониться своему величию. Таким образом, кроме общей религии, благодаря которой тысячи кавказских правоверных пилигримов посещали Мекку и жила в Константинополе по гаремным связям и карьерам их родственников, среди горцев веками выработалось глубокое убеждение в исключительной силе и могуществе султана, в лице которого сосредоточивалось понятие о верховном главе религии, об истинном, естественном покровителе и источнике всех благ.

На таком убеждении не трудно было основать сильное политическое влияние Турции между мусульманскими племенами, тем более, что военные действия и успехи русских невольно заставляли горцев искать внешней опоры и покровительства. Впрочем, турецкое правительство не придавало сначала большого значения господству над кавказскими племенами и почти не противодействовало распространению русской власти. Трудно решить: происходило ли то от небрежности и непонимания, или было результатом уверенности в несокрушимости сопротивления горцев русским и в непоколебимой преданности их султану, как главе правоверных. Во всяком случае, вся политика турецкого правительства относительно кавказских горцев заключалась не в непосредственной помощи, а в усилении нравственной связи с ними, при посредстве высылаемых из Турции проповедников ислама, которые везде, где было возможно, устраивали при мечетях школы, укрепляли ислам и проповедовали о могуществе султана и необходимости сопротивления русским. Только во второй половине прошлого столетия, когда победы Румянцева и Суворова потрясли турецкое могущество и Россия завладела Новороссией и Крымом⁸, — Турция обратила внимание на распространение наших завоеваний на Кавказе, тем более, что по Кучук-Кайнарджийскому миру 1774 года Порты Оттоманская⁹ обязалась оставить Гурию и Имеретию. В 1781 году была построена крепость Анапа и Турция предприняла непосредственные военные действия против нас, но с 1700 года, когда на Кубани был разбит Батал-паша, серьезных операций со стороны этой державы на северном Кавказе не было, хотя всякая война наша с нею непременно сопровождалась большими военными столкновениями на Закавказской границе.

Во второй же половине прошлого столетия, благодаря проектам князя Потемкина, появился на сцену так на-

зываемый «восточный вопрос», и с этого времени начинаются заботы европейской дипломатии о кавказских горцах. Сначала, в виду отдаленности, недоступности и неизвестности этого края, они только указывали Турции на важность поддержки и господства над горцами, для противодействия России, в полной уверенности, что затея покорить свободные племена, населяющие недоступные горы, послужит к ослаблению России. Но постоянные наши успехи, как на северном Кавказе, так и в Закавказье, заставили, наконец, соперничающее английское правительство принять непосредственное дипломатическое участие в охране независимости кавказских племен. Случай к этому представился при заключении Адрианопольского мира 2-го сентября 1829 года¹⁰, по которому Турция уступила России, вместе с крепостями Анапою, Сухумом и Поты, все свои права на кавказский берег Черного моря. Англия не признала за Турцией права сделать такую уступку и, стало быть, отказалась признать право России на восточный берег Черного моря. В виде исключения, Англия на этот раз была права *de jure* (юридически – В.Ш.). Турецкий султан считал себя властелином на кавказском берегу, где у него были крепости с турецкими гарнизонами, но он в действительности только и владел территорией, занятой этими крепостями, - следовательно, только и мог уступить эту землю России. Племена же, обитавшие на восточном берегу, были политически совершенно независимы и только в силу религиозных понятий признавали главенство султана, как верховного представителя религии. Но если папа не сохранил за собою права раздавать католические государства даже во время самого высокого могущества папского престола, то, конечно, за падишахом еще менее было возможно признать подобное право относительно совершенно независимых мусульманских народностей.

Непризнание Англией нашего права оставлено было императором Николаем без всякого внимания и с 1829 года мы начали прочно занимать восточный берег укреплениями, причем, для скорейшего покорения горцев, воспрещен был приход к нему всех иностранных судов, которые, очевидно, могли бы подвозить горцам боевые припасы и усилить их сопротивление. Для наблюдения же за исполнением этой меры было учреждено крейсерство военных судов вдоль всего восточного берега. Британское правительство не могло объявить за то России войны, но, желая фактически показать, что оно не признает нашего права воспрещать иностранную торговлю с независимыми Черкесскими племенами, снарядило в 1836 году, под купеческим флагом, шхуну «Vixen», на которой отправился к горцам эмиссар английского правительства Белл. Судно это пришло в Геленджик, но здесь было взято нашими крейсерами как приз, отведено в Севастополь и продано там с аукционного торга. Белл, по счастью для себя, был в это время на берегу и потому избег прогулки в Сибирь, которая положена у нас по закону для контрабандистов. Он оставался между горцами около трех лет, стараясь соединить разделенные взаимными распрями прибрежные племена и организовать единоедушное восстание и ожесточенную войну против России, но это ему не удалось и он благополучно возвратился в Англию.

Английское правительство отказалось от всякого участия в снаряжении «Vixen» и признало захват шхуны нашими крейсерами правильным, так как почти не протестовало против продажи его с аукционного торга, но с этих пор уже не посылало своих судов, довольствуясь доставкой горцам оружия и боевых припасов через Константинополь и порты Анатолийского берега, на турецких кочерах¹¹, принимавших весь риск путешествия к восточному берегу на собственный страх.

Франция еще позднее вмешалась в дела кавказских горцев, именно во время Наполеона III¹². Создав принцип национальностей для основы государства, Наполеон предполагал употребить его для ослабления России восстановлением Польши¹³ на западе, поддержанием независимости горцев и усилением влияния и владений Турции на юге. В воображении его Крым и Закавказье, или по крайней мере часть его (Кутаисская губерния), прилегающая к Черному морю и границам Турции, должно было отнять у России и возвратить прежнему хозяину - султану. Поэтому, перед Крымской войною начались интриги Франции для восстановления против России горцев при посредстве Турции. Но такой фантастический проект, основанный на ложном представлении о действительном положении народов и земель, которыми думал распоряжаться французский император, конечно, исполнен быть не мог. Перед Крымской войной, или, вернее, перед появлением союзного флота в Черном море, сняты были нами все укрепления береговой линии, а после десанта в Крым, союзные дипломаты явились на восточном берегу и предложили горцам избавить их навсегда от русских, если они примут покровительство Англии. Горцы, однако, не попали в ловушку. Они объявили на такое предложение, что против русских они, собственно, ничего не имеют, но воюют с ними потому, что они занимают их земли, и что если французы и англичане делают то же, то они будут с ними драться также ожесточенно, как дрались с русскими. Поэтому идея принять горцев под покровительство всей Европы или Англии и Франции и не допустить России завладеть Кавказом, так и осталась в проекте.

Тогда задумана была экспедиция Омера-паши в Сухум, с целью занять Абхазию и всю Кутаисскую губернию. В Сухуме у нас было, если не ошибаюсь, всего два батальона больных лихорадкою солдат, которые, благодаря ста-

ранням бывшего владельца князя Михаила Шарвашидзе, отступили без сопротивления абхазцев к Мингрелии и заняли позицию на Ингуре. Омер-паша преследовал их с 28 батальонами турок и вздумал форсировать переправу через Ингур. Целый день 4 орудия и два батальона держались и не допустили переправы. Вся прислуга при орудиях и лошади были перебиты; из батальонов остались только две роты, и те ночью отступили. Омер-паша занял Зугдиди, двинулся к Кутаису, но бездорожье и лихорадки, при сильных дождях, сделали невозможным его дальнейшее движение, и если бы бывший начальник войск в Мингрелии князь Мухранский имел у себя состоявшую по спискам милицию, то, конечно, ни одно турецкое орудие и ни один человек из отряда Омера-паши не возвратился бы в Сухум. Таким образом, попытка Англии и Франции вмешаться в Кавказскую войну произвела действие, совершенно обратное тому, которого предполагалось достигнуть. Она не только не ослабила, но усилила обаяние русского могущества. «Сам великий султан, с помощью англичан, французов и итальянцев, рассуждали горцы, пришли уничтожить Россию и, наобещавши всякого блага, ушли с позором домой, предоставив русским делать, что они хотят на Кавказе». Убеждение это весьма много ослабило веру горцев в свою несокрушимость и облегчило вторичное покорение восточного берега после Крымской войны. Все знают, что в это время прибрежные горцы сражались далеко не с таким ожесточением, как во время существования черноморской береговой линии.

После Крымской войны Англия учредила консульства в портовых городах восточного берега и с помощью этой меры и воздействия на Турцию путем интриг возбудила против России горцев. Наполеон же, несмотря на неуспех вмешательства в дела кавказских племен, не оставлял своей мечты произвести единовременное восстание в

Польше и на Кавказе, и не удержался от непосредственного действия снаряжением под рукою смешной экспедиции Лапинского¹⁴ (Тезик-бея) в 1863 году и сношениями с горцами через французского консула в Трапезунде, посылавшего на северо-восточный берег эмиссаров. Из них последний, Подайский, жил в Трапезунде даже во время переселения горцев и употреблял всевозможные интриги для удержания их на месте, чтобы иметь всегдашний повод создавать затруднения России. Замечательно, что в это время практическая Англия примирилась с фактом выселения, показывала полное пренебрежение к участи горцев и искала других, более действительных средств к противодействию России. Английский посланник в Константинополе, сэр Булвер, сам сообщил нашему поверенному Новикову, что вожди горцев старались заинтересовать его участью своих соплеменников, но он отказался принять их просьбу...

Во всяком случае, нельзя не признать, что вмешательство турецкой и европейской дипломатии в дела горцев не принесло и не могло принести им ничего, кроме зла, так как оно происходило не в интересах их или с какою-нибудь гуманною и нравственною целью, а явилось как средство загребать жар чужими руками. Горцы и в глазах турок, и в глазах Европы представляли только средство для противодействия России, и в пользовании этим средством ни Европа, ни Турция не обнаружили никакой жалости. Воображение доверчивых честных горцев постоянно возбуждалось блистательными и игривыми обещаниями помощи и участия при посредстве разных эмиссаров, и когда выселение горцев уже началось, европейская дипломатия уверяла переселенцев, что Россия не имеет права их переселять, что весною (1863 года) придут европейские комиссары для размежевания их с русскими¹⁵ и т. п. Даже во время самого разгара переселения эмиссары турецкого

правительства подстрекали горцев к выселению, как можно судить по прокламации к черкесам турецкого комиссара Мухаммеда Насарета 1-го июня 1863 года:

«Берите ваши семейства,- говорится в прокламации,- и все необходимые вещи, потому что наше правительство заботится о постройке для вас домов и весь народ наш принимает в этом деятельное участие. Если тяжёлые дела задержат вас до весны, то по окончании их поспешите переселиться с таким же рвением, как предшественники ваши».

III

Причины переселения горцев. Успехи русского оружия. Перемена системы войн. Казачьи колонизации. Необходимость безусловной покорности горцев. Обольщение их собственными представлениями о могуществе Турции и участия Европы.

Окончание крымской войны, как сказано выше, доставило возможность усилить военные действия, задержав на Кавказе все войска, которые были двинуты во время войны на закавказскую границу с Турцией. Назначение князя Барятинского главнокомандующим кавказским корпусом и выбор им в начальники штаба генерала Д. А. Милютина¹⁶, сумевшего централизовать все самостоятельные действия отдельных начальников и направить их на исполнение одного общего плана покорения Кавказа, содействовало окончанию завоевания края. Но едва ли все это привело бы к решительным результатам, если бы не был совершенно изменен прежний образ ведения войны и принята система водворения прочных казачьих поселений в завоеванных местах, приведенная в исполнение (с 1860 года) графом Евдокимовым¹⁷. Вот как объясняет неизбежность этой системы начальник штаба генерал Карцов в письме к управляющему русскою миссией в Константинополе:

«До 1860 года цель наших действий на Кавказе состояла в том, чтобы экспедициями, предпринимавшимися в места, занятые горцами, наносить им возможно частые поражения и, убедив их в превосходстве наших сил, заставить изъявить покорность. Результатом этих экспедиций было то, что ближайшие к нам общества, жившие на равнинах, то покорялись, то снова восставали и постоянно нас грабили, сваливая вину на соседей, живших выше их, в горах. В минувшую (Крымскую) войну все общества, бывшие покорными, одновременно восстали, и пришлось снова покорять их.

Стало очевидно, что при дальнейших действиях по прежней системе, на каких бы условиях ни покорялись нам горцы, покорность эта продолжалась бы только до тех пор, пока они сами желали бы соблюдать ее, а первый выстрел на Черном море и даже какое-нибудь вымышленное письмо султана или прибытие самозванца-паши, снова могло бы возбудить войну. Если даже мы заняли бы горы укреплениями и провели бы к ним дороги, то все-таки приходилось бы постоянно держать в горах огромное число войск и не быть спокойным ни одной минуты.

Вследствие этого, осенью 1860 года решено было прекратить бесполезные экспедиции и приступить к систематическому заселению гор казачьими станицами; горцев же выселять на плоскость, подчиняя их нашему управлению»¹⁸.

Предложенный графом Евдокимовым план бесповоротного окончания кавказской войны уничтожением неприятеля замечателен глубиной политической мысли и практической верностью. Нельзя не признать, разбирая историю Кавказской войны, что военные экспедиции причиняли большие расходы людьми и деньгами и что прочное водворение русской власти на Кавказе могло распространяться только благодаря колонизации. Самые блистатель-

ные подвиги наших генералов и изумительный героизм и самоотвержение войск не оставило ничего, кроме славных страниц в истории. Ужас, внушаемый экспедициями непокорным племенам, проходил очень скоро: они отдыхали от понесенных потерь, восстанавливали трудом все истребленное огнем и мечем, и вновь готовы были вступить в бой с нашими войсками, пополненными новыми рекрутами из России. Но там, где за военным набегом следовало прочное водворение, там русское владычество оставалось навсегда. Не было примера, чтобы поселение, основанное на земле непокорных горцев, было оставлено нами: как ни трудно было жить в нем, но эти трудности преодолевались назначением гарнизонов в опасные места и движением войск вперед, для покорения новых мест, обеспечивавших занятый пункт.

Эта система практиковалась с первого появления русских на Тереке в 1567 году, но она практиковалась в силу необходимости, не как цель, а как неизбежное последствие необходимости обеспечить границу. Только в новейшее время, с 1769 года, начата искусственная колонизация с целью водворения русского владычества поселением, по повелению императрицы Екатерины II, 517 семей волжских и 100 семей донских казаков на реке Тереке, которым и повелено именоваться Моздокским полком. В 1792 году переселено также по повелению той же императрицы 3000 семей донских казаков в Черноморие и водворено здесь войско Черноморское. Этих примеров совершенно достаточно, чтобы показать, что система колонизации для прочного покорения Кавказа не только была давно известна, но и практиковалась в больших размерах во время Кавказской войны. Тем не менее, заслуга графа Евдокимова нисколько не уменьшается. Колонизация, представляя сложную и трудную государственную меру, по своему гражданскому характеру требует много усилий со стороны админи-

страции и имеет очень мало шансов для наград, которые так легко достаются во время военных действий. Оттого колонизация как система покорения Кавказа, предоставляя все будущему и не представляя блистательных отличий в настоящем, никогда не отличалась сочувствием боевых кавказских генералов. Все они, пользуясь разъединенностью различных частей Кавказа, постоянно предполагали экспедиции, преследовали хищников за набеги и составили славную эпопею кавказской войны, но редко кто из них думал о гражданском устройстве занятого края и о его будущем. Солдатские слободки при гарнизонах укреплений возникали сами собой вследствие необходимости, но на них меньше всего обращалось внимания. Да и до сих пор, нельзя не сознаться, еще, не сделано ничего, чтобы поднять умственный и нравственный уровень населения этих зачатков русских городов и ускорить развитие его материального благосостояния. Князь Барятинский и граф Евдокимов - оба составили себе карьеру на Кавказе и знали все недостатки и весь вред разъединенности и бесцельности военных действий отдельных начальников по их собственному почину. Оба они одинаково ясно понимали, что после Крымской войны наступило самое благоприятное время для окончания кавказской войны и потому совершенно естественно, что предложенная графом Евдокимовым система действий заслужила одобрение князя Барятинского. 24-го июня 1861 года состоялся Высочайший рескрипт об увеличении льгот и пособий казакам кубанского казачьего войска, переселяющимся на передовые линии, а 10-го мая 1862 года уже было Высочайше утверждено положение о заселении предгорий западной части кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России.

Исполнение этого плана начато еще ранее. В конце 1857 года переселена графом Евдокимовым часть населения Большой и Малой Чечни на новых указанных ей мес-

тах и в том же году заложена станица Родниковская на Большой Лабе. В мае 1858 года заложено 6 новых станиц Урупской казачьей бригады на реках Урупе, Тегене и Большом Зеленчуке и затем закладка их продолжалась постепенно, по мере движения наших войск вперед.

Взятие в плен Шамиля 25-го августа 1859 года позволило ослабить военные действия на восточном Кавказе и сосредоточить все внимание на окончательное покорение западного Кавказа, который получил особенное значение после Крымской войны, указавшей, что северо-восточный берег Черного моря может быть избран для десанта неприятелем и потому прочное его занятие необходимо в интересах обеспечения всего Кавказа. Уничтожение нашего черноморского флота и стеснительные условия Парижского трактата не позволили нам, как это было прежде, базироваться на Черное море и неизбежно заставили признать правильность плана, задуманного графом Евдокимовым: базироваться при покорении западного Кавказа на кубанское казачье войско и линиями новых поселений стеснять постоянно горские племена до полной невозможности жить в горах. Поэтому, мы только заняли со стороны Черного моря: на юге Сухум и Гагры, необходимые для владения Абхазией, а на севере Анапу и Новороссийск, и затем усиленным крейсерством и частыми десантами беспокоили непокорные прибрежные племена; главные же военные действия происходили на северном склоне Кавказского хребта, где наши войска систематически подвигались вперед, опираясь на существующие поселения и устраивая новые линии. При самом начале исполнения этого плана, горцы поняли, что их ожидает и вследствие этого в 1861 году три главных племени: Шапсуги, Абадзехи и Убыхи¹⁹ составили союз, отправили депутацию к государю императору и предлагали покорность с разными условиями. Но от них потребовали безусловной покорности и прямо объяви-

ли, что они должны выселиться из гор. Горцы взялись за оружие и весь 1862 год напрягали все усилия, но не могли остановить движение наших колонн от Анапы к востоку и от Лабы к западу и вытесненное отсюда население в числе 50 000 душ, изъявив безусловную покорность, поселилось на Кубани и при устьях рек, в нее впадающих.

Таким образом, военные успехи наши привели горцев к неизбежной покорности. Они, конечно, покорились бы этой тяжелой участи, несмотря на привычку к полнейшей свободе и своеволию, если бы их не сбивали с толку европейская и турецкая дипломатия. Им столько веков внушали, что могущественный султан, верховный представитель ислама, никогда не оставит их своею помощью, а европейские державы, в своих интересах не могут допустить, чтобы Россия овладела Кавказом, что такое убеждение не в силах была поколебать сама очевидность фактов. Горцы видели невозможность противостоять русским, но свято верили в близость внешней помощи. Граф Евдокимов глубоко верно оценил такое настроение их и те бесполезные кровавые жертвы, к которым вело оно, и придумал очень правильный исход из этого трудного для обеих сторон положения, именно: выселение в Турцию.

«Такая мера, - писал он к начальнику штаба Кавказской армии, - при настоящем положении туземцев, принесет нам великую пользу и даст возможность, как горцам выйти из настоящего их напряженного положения, так и нам более свободно развивать русскую колонизацию в предгорьях западной части Кавказского хребта»²⁰.

Мысль графа Евдокимова получила первое приложение при покорении восточного Кавказа. Фельдмаршал князь Барятинский разделял его основательность и еще весною 1860 года предполагалось направить в Турцию через Закавказский край 3000 семей с левого фланга.

Дабы ускорить вопрос о переселении горцев и устранить затруднения со стороны Турции, в 1860 году был послан в Константинополь генерал-майор Михаил Тариевич Лорис-Меликов²¹. Ему было поручено разъяснить нашему поверенному князю А. Б. Лобанову-Ростовскому те затруднения, в которые мы могли быть поставлены, если бы Порта отказалась принять переселенцев.

Генерал М. Т. Лорис-Меликов превосходно исполнил это поручение и вместе с князем Лобановым-Ростовским выхлопотал у Порты дозволение прибыть 3000 семействам, которые Турция обязалась поселить вдали от наших пределов. После того, переселение продолжалось в 1860, 1861 и 1862 годах, не возбуждая дипломатической переписки.

Впрочем, отправление этих семейств через Закавказье было отменено и вслед затем главнокомандующий всем воспретил переселение с восточного Кавказа, дозволив его только с западной его части.

Что касается Порты, то она никогда не изъявляла прямого согласия на переселение, хотя принимала горцев, уходивших с Кавказа под предлогом поклонения гробу Мухаммеда. В 1859 году она обнародовала правила по предмету колонизации кавказских выходцев и просила наше правительство, чтобы переселения эти совершались не разом, а малыми партиями²².

Тем не менее, турецкое правительство и его эмиссары не переставали волновать горцев обещаниями всех благ в случае переселения, так как в начале, предполагая, что это переселение будет совершаться постепенно и не потребует особых усилий и средств, правительство смотрело весьма благоприятно на прилив горцев в Турцию, как на меру, доставлявшую ей прекрасные боевые силы и средства увеличить преобладание мусульманского населения в

среде христианских племен Балканского полуострова и в Малой Азии²³.

С другой стороны, и главное кавказское начальство не желало лишиться энергического и многочисленного населения. Кроме того, явилось опасение, что турецкое правительство поселит горцев вдоль закавказской границы и создаст тем большие затруднения в будущем²⁴.

«Переселение непокорных горцев в Турцию, - писал граф Евдокимов, - без сомнения, составляет важную государственную меру, способную окончить войну в кратчайший срок, без большого напряжения с нашей стороны; но, во всяком случае, я всегда смотрел на эту меру, как на вспомогательное средство покорения западного Кавказа, которая дает возможность не доводить горцев до отчаяния, и открывает свободный выход тем из них, которые предпочитают скорее смерть и разорение, чем покорность русскому правительству. По-моему мнению, сколько бы ни вышло от нас туземцев и где бы ни поселило их турецкое правительство, хотя бы на южной границе в соседстве закавказских провинций, они не могут нам принести существенного вреда. Неприязненные их действия против нас могут иметь место только при войне с Турцией, но и тут горцы, поставленные в иные условия жизни, и, оскудевши в материальных средствах, не составят для нас грозной силы, которая вынудила бы прибегать к каким-нибудь усиленным мерам»²⁵.

Вследствие этого письма и, имея в виду, что всякое противодействие намерению горцев переселиться, при том крайнем положении, в которое они поставлены действиями наших войск, было бы в отношении к ним только излишнею жестокостью, князь Орбеляни разрешил переселение, причем, приняв в соображение, что оно может достигнуть значительных размеров, сообщил об этом нашему послу в

Константинополь, для устранения затруднений, которые Порта могла бы противопоставить переселению²⁶.

Это было действительно необходимо, так как до сих пор, если Порта и возбуждала жалобы на выселение горцев с Кавказа в Турцию, то в виду того, что переселялись отдельные семейства и общества, уходившие под предлогом путешествия в Мекку, все такие жалобы устранялись под предлогом веротерпимости, в силу которой мы не могли воспретить мусульманам исполнять их религиозный долг. Но когда выселение предполагалось целыми племенами и размеры его было трудно предвидеть, то и политическая предусмотрительность и человеколюбие одинаково обязывали нас предупредить Порту об ожидаемом наплыве переселенцев.

«Командующий войсками в кубанской области граф Евдокимов, - писал генерал Карцов к нашему поверенному в Константинополе Новикову,- доносит, что на северном склоне Кавказского хребта нет более неприятелей. Шапсу-ги частью переселены на Кубань; остальные, до последнего человека, выселились на юго-западный склон. Абадзехи, стесненные с двух сторон, изъявили совершенную покорность. Теперь войскам нашим предстоит очищать береговую полосу.

Задача кавказской армии близится к концу. Стесненные в узкой прибрежной полосе, горцы, при дальнейшем наступлении войск, будут поставлены в отчаянное положение. Немногие из них могут согласиться покинуть живописную природу родины, чтобы переселиться на прикубанскую степь. А потому, в видах человеколюбия и в видах облегчения задачи, предстоящей нашей армии, необходимо открыть им другой выход: переселение в Турцию. Мы опасаемся затруднений со стороны турецкого правительства против такой высылки народа целыми массами, тем более, что горцы хотят ехать только в два пункта: Константино-

поль и Трапезунд; других мест они не знают, и знать не хотят»²⁷.

Вопрос о выселении горцев подвергся в Константинополе обсуждению совета министров и решение его сообщено через нашего поверенного в делах при Порте Оттоманской Новикова:

«Турецкое правительство не отказывалось принять в свои пределы кавказских горцев, желающих переселиться массами. Но при этом оно считало необходимым: 1) чтобы Константинополь и Трапезунд не были единственными пунктами сосредоточения и водворения переселенцев. Турецкое правительство предоставляло себе право избрать места для их водворения, и 2) чтобы Порте был дан срок до мая 1864 года».

Не могу скрыть, писал далее Новиков, что весь план выселения горцев в Турцию приводит здешнее правительство в большое смущение²⁸.

Смущение это охватило не только Турцию, но и европейскую дипломатию, особенно французскую, созидавшую планы противодействия России при возбуждении горцев. Действительно, заседание совета турецких министров было в том же году, как совершена при содействии Наполеона III пресловутая экспедиция Лапинского, которая достигла результатов, совершенно обратных предполагаемым.

«Известие о сделанной в земле Убыхов высадке и доставленных туда запасов оружия, - писал генерал Карцов к Новикову, - быстро разнеслось между горцами и в первую минуту оживило их надежды, при внешней помощи, на успех сопротивления. Но потом они скоро поняли действительное значение доставленной помощи и потому признали за лучшее просить пощады»²⁹.

«Турки знают об успехах нашего оружия, - писал Новиков к генералу Карцову, - иностранные представители

молчат, но английская колония относится с завистью и недоброжелательством к нашим успехам»³⁰.

В депеше от 4/16 мая 1864 года к вице-канцлеру Новиков подробно описывает свой разговор с французским посланником маркизом де Мутье при посещении турецкого министра иностранных дел Али-паши и делает такое заключение:

«Видимо, что покорение Кавказа произвело сильное и неприятное впечатление на французское правительство. Франция огорчается не уничтожением последней преграды между нами и Турцией, а тем, что мы получили возможность противодействовать ее завоевательным стремлениям на Востоке. Она сожалеет о благоприятных шансах диверсии на Кавказе для восстановления независимости Польши при содействии Турции, увлеченной против России. Все эти иллюзии теперь, очевидно, уничтожены».

Впрочем, как турецкой, так и европейской дипломатии только и оставалось смущаться и огорчаться успехам нашего оружия. Если они не могли воспрепятствовать самому процессу завоевания, то естественно вековые усилия России должны же были привести к неизбежному концу и завоеванию Кавказа сделаться совершившимся фактом. Сожалеть должно только о самих горцах, которые обманывали себя так долго ложными надеждами на чужую помощь и не подчинились исторической необходимости поступиться своеволием для мирного восприятия гражданственности. Всегда и везде мелкие полудикие народности поглощались более сильными народами и, если утрачивали при этом национальные особенности и обычаи, то за то получали право на умственное и нравственное развитие и приобретали более высокую степень материального благосостояния. Так было бы и с горскими племенами Кавказа без участия в их судьбе Турции и европейской дипломатии, которые только и могли усилить их настоящие потери и

страдания и приготовить в будущем совершенное исчезновение их, как отдельных племен и народностей.

IV

Выселение горцев. План окончательного покорения Западного Кавказа. Представление свободного переселения в Турцию и слабое по этому противодействие горцев. Положение горцев при переселении. Переезд на кочермах в Трапезунд. Положение их в Трапезунде. Вмешательство турецкого правительства и иностранных дипломатов. Карантин. Направление горцев на Самсун и Константинополь. Необходимость пособия со стороны нашего правительства. Регулирование выселения. Высылка турецких и русских военных судов. Кюстенджи и Варна. Перевозка горцев на пароходах русского общества пароходства и торговли. Усилия нашего правительства облегчить положение горцев. Расходы по выселению их. Заключение.

1862—1865

Официально выселение черкесских племен, как военная и политическая мера, началось в 1862 году, когда 10-го мая состоялось высочайшее утверждение постановления Кавказского комитета о переселении горцев; в действительности же оно последовало вслед за усилившимися военными действиями на северном Кавказе, после Крымской войны. Потеряв еще тогда уверенность в своих силах и предвидя неизбежность подчинения русской власти, наиболее зажиточные и предусмотрительные из горцев начали вывозить свои семейства в Турцию, продавая на месте с выгодой свое имущество. Такое неспешное и слабое переселение давало туркам возможность радушно принимать и щедро помогать переселенцам при новом водворении, но с течением времени выселение приняло размеры, поставившие в затруднение и наше, и турецкое правительства, которые не в силах были оградить горцев от страданий и

бедствий, вызванных непониманием действительности и их фанатическими надеждами.

Впоследствии, к политическим и нравственным стимулам выселения, о которых упомянуто выше, присоединились причины экономические. Они выразились в том, что более почетные и влиятельные из горцев, после освобождения крестьян в России, боясь, с принятием нашего подданства, лишиться своих подвластных, стали уходить в Турцию, увлекая за собою невежественную массу, доверявшую их уму, знанию и опытности. Эти именно лица и должны считаться инициаторами выселения. Влияние их на народ было неотразимо. Руководствуясь личным интересом, они употребляли все усилия, чтобы запугать желавших перейти к нам произволом русских властей, солдатчиною и необходимостью отказаться в будущем от мусульманской религии, сносились с турецким правительством, ездили в Константинополь, представлялись султану, его сановникам, иностранным послам, принимали у себя всяких эмиссаров, придавая им несвойственное значение и пр. При таких обстоятельствах все предложения нашего правительства горцам о свободном выселении их на плоскость, где им бесплатно отводились в собственность участки, мало достигали цели. К тому же, самый размер надела, по 6 десятин на душу, казался слишком ничтожным горцам, привыкшим свободно размещать свои хозяйства на земле, никому не принадлежавшей. Вот почему выселение к нам горцев, не смотря на все желание нашего правительства, состоялось в размерах весьма ограниченных и не превышало 100 тыс. душ, т. е. $\frac{1}{6}$ часть всего горского населения.

Между тем быстрота, решительность и успех военных действий графа Евдокимова и его сподвижников на северном Кавказе после пленения Шамиля, в связи с водворением новых казачьих станиц, учреждением новых

линий (в 1857 году заложено Майкопское укрепление, Нижнее-Адагумское и Родниковская станица на реке Лабе; в 1858 году заложены 6 новых станиц по Уруп, Тегеню и Зеленчуку и т.д.) и истреблением непокорных аулов - неизбежно должны были навести панику на горцев и поставить их в безвыходное положение. В **феврале 1859 года** изъявили покорность Кизылбековцы, Башильбаевцы, Тамовцы и часть Бесленеевцев; в июне того же года - Бжедухи; в августе - Темиргоевцы, Махошевцы, Егерукаевцы, Бесленеевцы, Шагиреевцы и закубанские кабардинцы; в ноябре - Абадзехи; в январе 1860 года - Натухайцы и Псховцы. Тогда же заложены новые станицы на верхнем Урупе, Малом Тегене и Шебсе. В мае 1861 года перенесены казачьи поселения на левый берег Лабы и началось переселение Бесленеевцев и других мелких обществ, здесь расположенных. В 1862 году заняты казачьим поселением большая часть Натухайского округа и предгорья главного Кавказского хребта между реками Большой и Малой Лабой и Белой. Горцы собирались массами, составляли союзы, производили ожесточенные нападения на наши войска и поселения; но с каждым разом все более и более убеждались в невозможности удержать наше наступательное движение. Положение их становилось невыносимым и граф Евдокимов, вполне оценив это, нашел блистательный из него выход предоставлением свободы выселения в Турцию лицам, не желавшим принять русского подданства.

«Военные затруднения в покорении Западного Кавказа, можно утвердительно сказать, - писал граф Евдокимов генералу Карцову,- уже миновались; колонизация должна совершиться в наступающем году мирным путем, но остается не малое еще дело умиротворить совершенно край и положить твердые начатки к развитию благосостояния покойной жизни туземцев и сделать их навсегда безвредными для России. Если бы горцы имели ясное поня-

тие о гражданской жизни и желали бы искренно одних мирных занятий, разумеется, дело устроилось бы без особых хлопот. Они могли бы выйти к нам в то время, когда возможны были полевые работы, и нашли бы в назначенном для них поземельном довольствии свободный простор, потому что земли не занятой еще много в районе Кубанской области. Но дикость нравов, совершенное недоверие к нам и желание необузданной свободы долго будут служить препятствием к скорому водворению между ними гражданственности и преданности к нашему правительству. Волнуемые различными слухами извне, они то готовы переселиться к нам, то просят уволить их в Турцию, надеясь либо протянуть время, либо найти там для себя обетованную землю»³¹.

Вследствие этого, граф Евдокимов находил, что спокойствие в среде такого населения немыслимо, и чтобы раз и навсегда покончить с Западным Кавказом, считал неизбежным обессилить горское население до того, чтобы интриги извне не имели здесь почвы. Особенно важным он признавал выселение горцев со стороны морского берега, видя в этой мере необходимую для нас государственную задачу, разрешение которой можно достигнуть поощрением к выселению небольшою «премию» до 10 тысяч семей горцев, хотя, судя по слухам, он думал, что выселение может приобрести значительно большие размеры.

Разделяя вполне мнение графа Евдокимова, главнокомандующий армией писал к военному министру о необходимости назначить 100 тысяч рублей в пособие переселенцам.

«Мера эта,- говорит главнокомандующий,- избавит нас от таких личностей, которые отличаются фанатизмом и вредным для нас влиянием на соплеменников и ускорит окончание войны, а, следовательно, уменьшит издержки, с нею сопряженные»³².

Таким образом, наше правительство, очевидно, никогда не думало изгонять горцев, как писалось тогда в европейских газетах, но желало лишь окончания тяжелой вековой войны на Кавказе и прочного покорения беспокойных обществ, предоставляя им все средства к мирному и удобному водворению на плодородных, черноземных землях долины реки Кубани и впадающих в нее рек. Если же такой мирный переход горцев к гражданственности не совершился, то винить в том, по всей справедливости, следует не нас, а турецкое правительство и европейскую дипломатию, которые в этом случае вовсе не думали о благодеянии горцев, но пользовались ими как средством противодействия развитию России, забывая, что это средство представляло не мертвую массу, а целые племена, в высшей степени способного и энергического населения, которое истреблено безвозвратно тогда, когда во имя гуманности и цивилизации, оно должно было жить и, оставив свои дикие нравы и порядки, воспринять цивилизацию, хотя бы это и совершилось насильственным водворением их на плоскости, не допуская продолжения безнаказанных грабежей и междоусобий.

Наступление наших войск, предпринятое с целью окончательного покорения Западного Кавказа, сопровождалось, как было уже сказано, требованием безусловной покорности, которая выражалась согласием горцев выселиться из гор на плоскость в указанные правительством места и подчиниться во всем русской администрации. Не желавшим исполнить это требование, предоставлялась свобода выселения в Турцию, на собственный счет и страх. Более состоятельные люди приступили к выселению тотчас же, отправляясь из незанятых нами приморских пунктов на турецких кочермах. Число таких переселенцев нельзя определить даже приблизительно: оно никому не было известно и останется неизвестным точно так же, как

и места, куда они прибыли в Турцию и где водворились. Горцы, не имевшие состояния, увлекаясь примером богатых людей, бросали свое малоценное имущество и выходили к морскому берегу в ожидании прихода турецких судов и возможности перебраться на них в Турцию. Скопление этих несчастных постоянно увеличивалось, а вместе с тем, усиливались их страдания и лишения. То, что делалось в незанятых нами пунктах берега, можно только предполагать, но горцы, выселявшиеся через Тамань, Анапу и Новороссийск, бедствовали на глазах русской администрации и не могли быть оставлены без помощи. Граф Евдокимов возбудил было вопрос о перевозке горцев в Турцию на казенный счет, на пароходах Русского Общества Пароходства и Торговли, но оно потребовало такой высокой фрахт, что услугами его воспользоваться было невозможно³³ и потому в 1862 году наняты были в Керчи частные суда, с помощью которых тогда же перевезено 130 душ Бжедухов из Тамани, по 6-ти рублей, и 100 душ Натухайцев из Новороссийска, по 2 рубля 50 копеек. А как цены эти оказались слишком высокими, то были приглашены новые хозяева, согласившиеся перевозить горцев: на пароходе по 4 рубля 50 копеек, а на парусных судах по 4 рубля. В то же время наш консул в Трапезунде Мошнин, в тех же видах употреблял все усилия, чтобы направить из Анатолии³⁴ к Кавказскому берегу возможно большее число турецких судов. Между тем, ожидание войны в 1863 году и приведение Кавказской армии на военное положение несколько приостановили выселение и горцы начали перебираться на указанные им места при Кубани, получая пособие от правительства, но не оставляя, однако, своего настроя выселиться в Турцию, которое только усиливалось внешним возбуждением и наступлением наших войск. Зима 1862 — 1863 года была особенно холодная и горцы лишены были всякой возможности сопротивляться.

«Военные действия, производимые нашими войсками с разных сторон в неприятельском крае,- писал граф Евдокимов к генералу Карцову — поставили значительную часть горского населения в положение безвыходное, которое еще более усилилось суровою зимою и сильными морозами. Теснимые нашими войсками, туземцы выходили к нам с единственным желанием найти у нас какой-нибудь приют от 20° мороза и прокормиться у своих одноверцев до весны, чтобы потом устроиться на указанных местах»³⁵.

Граф Евдокимов разрешил горцам размещаться на зимовку в мирных, уже существующих, аулах. Такое распоряжение имело результатом, что все они стали свободно, без особых стеснительных административных мер, перебираться из гор, как целыми аулами, так и по одиночке. Но все это не прекратило выселения, которое по просьбе турецкого министра иностранных дел, было только приостановлено до весны.

При этом сами горцы, выходя к нам с покорностью, ставили условием, чтобы им дозволяемо было воспользоваться отъездом в Турцию на казенный счет, что и вносилось в выдаваемые им свидетельства.

Подобного рода покорность, очевидно, не могла остановить наших военных действий, но требовала их решительного продолжения, для окончательного покорения Западного Кавказа. К марту месяцу 1864 года весь северный склон Кавказского хребта и побережье до Псезуапе были очищены от горцев, которые частью выселились на Кубань, частью разместились по мирным аулам и вышли на морской берег в ожидании прихода кочерм для переезда в Турцию. Оставались только в верховьях реки Мзымты и Бзыби племена Убухов, Джигетов, Псху и пр. Против них решено было направить одновременно войска с разных сторон. Отряд генерала Геймана 16-го марта занял форт

Лазарев, а по изъявлении Шапсугами покорности—форт Головинский, после чего должен был двинуться вверх по реке Шахе до снеговых гор Оштен, устроив в то же время линию временных кордонов, для прикрытия новых казачьих поселений до реки Туапсе; затем, поднявшись по Шахе, спуститься к верховьям реки Сочи и соединиться там с отрядом генерала Граббе, разрабатывавшим дорогу до Пшишу и Туапсе, который, в свою очередь, оставив на перевале четыре батальона, имел перейти к верховьям реки Белой, в начале мая перевалить через главный хребет у горы Оштен, перейти к верховьям Малой Лабы и, соединившись с войсками, разрабатывавшими здесь дорогу, двинуться в долину верхней Бзыби, выгнать общество Псху и прокладывать дорогу к Сухуму. Во время этих действий 6 батальонов, расположенных в Кутаисском генерал-губернаторстве должны были двинуться из укр. Гагры в землю Джигетов, а 8 батальонов гренадерской дивизии при 8 орудиях, высадиться со стороны моря в средину земли Убыхов.

Горцы, сознавая невозможность сопротивления столь значительным силам, сосредоточенным против них, не допустили исполнения задуманного плана. Заняв укр. Головинское, генерал Гейман двинулся со своим отрядом в землю Убыхов, самого воинственного и известного храбростью, племени на восточном берегу Черного моря. Убыхи встретили его с оружием в руках, но потерпев 19-го марта поражение при реке Годлих, изъявили покорность под условием выселения в Турцию. Движение всех отрядов, согласно изложенного плана (исключая десанта, который сделался ненужным) продолжалось вполне успешно. 21-е мая 1864-го года считается днем покорения Западного Кавказа и окончания Кавказской войны.

Быстрота и решительность действий наших войск возбудили панику в горах, спешивших во что бы то ни стало покинуть свои родные горы и добраться до морского

берега, чтобы выселиться поскорее в Турцию. Они побросали при этом все свое имущество, исключая скот, который был согнан к берегу, но за невозможностью взять его с собою или сбыть кому-нибудь, составлял только лишнюю тягость и затруднение. Раззоренные, без продовольствия, без денег и даже без одежды, горцы переносили всевозможные лишения на открытом морском берегу, где расположены были таборами. Все это началось еще в 1863 году и скоро переселение достигло непредвиденных размеров. Горцы уходили отовсюду, куда появлялись наши войска. Между тем зима, какой не запомнят в Анатолии с 1810 года, до крайности затрудняла сообщение Турции с Кавказским берегом. В начале января 1864 года в одном из самых неудобных для каботажных судов месяцев, из одного Трапезунда отбыло более 100 баркасов. Истощенные тяжкими лишениями на берегу, в ожидании прихода судов из Турции, горцы не выдерживали бедственного плавания в зимнее время, заболевая и умирая массами, как при переездах, так и по высадке на берегу, где между ними развились сильнейшие тиф и оспа. В каком размере происходило истребление этих несчастных, можно судить по следующей выписке из письма нашего консула в Трапезунде:

«В Батум переселение началось только в последнее время. Горцев прибыло туда около 6,000 чел.; до 4,000 душ отправлено в Чурук-су, на границы. Горцы пришли со скотом. Средняя смертность 7 чел. в день. Скот изнурен и падает.

С начала выселения в Трапезунде и окрестностях перебивало до 247,000 душ; умерло 19,000 душ. Теперь осталось 63,290 чел. Средняя смертность 180—250 чел. в день... Их отправляют во внутрь пашалыка, но большею частью в Самсун.

В Керасунде около 1,500 душ.

В Самсуне и окрестностях слишком 110,000 душ. Смертность около 200 чел. в день. Свиристствует сильный тиф...

В Синопе и Цнеболи около 10,000 душ.

За ноябрь и декабрь 1863 г. прибыло в Трапезунд 100 кочерм. Отправлено в Константинополь и Варну 4,650 чел. Средним числом умирало в день 40 — 60 чел. Находится еще в Трапезунде 2,050 человек³⁶.

Как велика была нужда горцев, можно видеть из следующего официального документа:

«11-го декабря пароход привез в Варну 850, а другой 180 чел. Турецкие власти приняли сначала горцев очень ласково. Когда прибыл другой пароход, турки, по случаю бывшей тогда холодной погоды, развели огонь на пристани, но когда лодочники начали высаживать голых, слабых, больных и до 46 трупов, умерших за одну ночь, они перепугались заразы и не хотели принимать переселенцев. Вообще горцы здесь в бедственном положении и пользуются частною благотворительностью. Селяне, как христиане, так и мусульмане, вспоминая у них размещение крымских татар в 1860—1861 гг., крайне неблагопрятно смотрят на прибывающих»³⁷.

«Порта рада переселению и принимает меры к его облегчению, но генерал-губернатор ленив и на его совести лежит вся болезненность и смертность. Переселенцы помещены в грязи и скучены, — отсюда ужасающая смертность, за которую бы в других государствах привлекли местные власти к уголовной ответственности. Едва ли не нарочно мертвых зарывают в лучшем христианском квартале. Консул выразил свое удивление генерал-губернатору, но он объявил, что ему до черкесов нет никакого дела»³⁸.

Великий визирь по поводу эмиграции высказал, что эти люди изнурены голодом и приносят с собою заразу, так

что экипажи перевозивших их судов, вследствие тифа, пришлось заменить.

«Лагерь в Ачка-кале (близ Трапезунда) совсем предполагается уничтожить, так как там нельзя жить от нечистот и трупного разложения. Чтобы воспользоваться порциями, горцы не убирали своих мертвецов из палаток и часто скрывали их, зарывая в самых палатках»³⁹.

«Население испугано переселением и вознаграждает себя покупкою невольниц, на которых цены сильно упали. На днях паша купил 8 самых красивых девушек по 60-80 рублей за каждую и посылает их для подарков в Константинополь. Ребенка 11-12 лет обоего пола, можно купить за 30-40 рублей»⁴⁰.

«Так как горцам обещана свобода от военной службы на 20 лет, то в Трапезунд приехал Али-паша с целью формировать войска из добровольных охотников. В Ачка-кале завербовано 500 человек. Горцы охотно идут на службу и турки отлично одевают и кормят новобранцев. Люди на подбор и очень веселы; их отправляют в Константинополь. С целью усилить желание поступить на службу, воспрещено продавать мужчин; зато женщин продают и отправляют в Константинополь целыми партиями. В Трапезунде даже можно видеть партии в 40-50 женщин, проводимых одним хозяином»⁴¹.

«Положение горцев ухудшается, паше приказано не отправлять их более в Константинополь, но задерживать в Анатолии. Он отвечал, что средства пашалыка⁴² истощены; что он не может держать горцев и просил высылки пароходов, не отвечая за последствия. Пароходы пришли и взяли несколько тысяч горцев, которым уже перестали давать чистый хлеб, но смешанный с кукурузой. Был случай голодной смерти. Тиф слабее, оспа свирепствует»⁴³.

«Перевозимые на нашем пароходе «Бомборы» горцы до того бедны, что им нечего есть, почему начальник

Даховского отряда приказал наиболее нуждающихся довольствоваться по морскому положению».

«В рекруты турки берут только неженатых и потому горцы продают своих жен и детей и поступают на службу»⁴⁴.

Нельзя решить, когда бедствия горцев достигали более ужасающих размеров: в 1863 или в 1864 году. Если в 1863 году выселялись наиболее состоятельные горцы и скопление их в Анатолии и Европейской Турции не достигло еще, как в 1864 году, тех громадных размеров, которые лишили турецкое правительство всякой возможности своевременно подавать помощь переселенцам, то с другой стороны, их неожиданное прибытие на мелких судах, которые ради дешевизны нередко перегружались невозможным числом пассажиров, вызывали чрезмерную болезненность и смертность и уничтожили всякую вероятность на устройство их на новых местах без помощи турецкого правительства. Помощь эта дорого стоила туркам. По свидетельству нашего консула в Трапезунде в марте месяце 1863 года турецкое правительство тратило ежедневно до 1,000 золотых меджидиз⁴⁵. Одного хлеба выдавалось в день более чем на 20,000 пиастров⁴⁶. Водворение горцев, по словам нашего поверенного в Константинополе, было сопряжено с громадными расходами, так что наличных средств Порты не хватало и она предполагала заключить специальный заем для этой цели в один миллион турецких лир или до шести миллионов рублей металлических. Определить по нашим официальным сведениям действительный размер расходов турецкого правительства по приему и водворению горцев невозможно, да и едва ли в самой Турции существуют какие-нибудь документы, по которым этот вопрос можно было бы разрешить точно и верно.

Хороший прием и достаточное пособие горцам, подобно тому, как и самое их выселение было весьма желательно турецкому правительству, но оно вовсе не ожидало поголовного выселения черкесов. Смотри сначала на выселение как на весьма благоприятный для нее шанс усилить мусульманский элемент для подавления райи⁴⁷, она привлекла горцев, не рассчитав своих наличных средств, заигрывала с переселившимися, заставляя христианское население снабжать их необходимым помещением и всем, что нужно для водворения; она продолжала даже высылать эмисаров для усиления выселения, но когда сотни тысяч душ обедневших и изнуренных черкес бросились разом в Трапезунд и Константинополь, Порта не только не была в состоянии удовлетворить их нужды, но увидела в горах опасность для внутреннего спокойствия.

«Турецкое правительство, - писал наш поверенный в Константинополе, — желает перевозить горцев в разные пункты, чтобы не селить их сплошными массами, для предупреждения могущей произойти от того опасности для общественного порядка и для государственной власти».

«Из Трапезунда горцев направляют прямо к Карсу и Арзингану, отчего по всей дороге страшные разбои, писал Мошнин к генералу Карцову . На черкесов никакого суда нет и местные власти их боятся. Эмин-паша ничем не занимается, кроме черкесских дел и то затем, чтобы составить капитал на счет переселенцев».

«Предполагается, - доносит наш консул в Эрзеруме, - поселить до 4,000 семей горцев, разместив на 30 домов одно черкесское семейство для его содержания выдачи ему посевов, постройки дома и пр. 1,500 семей должны быть отправлены в Ван и Гекияри; остальные будут размещены в Карском санджаке и Эрзерумском вилайете, за исключением Баязетского округа, занятого по преимуществу кочующими Курдами».

Такой способ поселения горцев и благодеительство им на счете коренного, в особенности христианского населения, естественно должен был внушить глубокую вражду между ними и пришельцами. Горцы водворялись везде силою и как турецкие власти не всегда могли справиться с противодействием жителей, то переселенцам оставалось одно: расправляться с ними самим; но и такая задача совершенно противоречила всем надеждам их на счастливую, безмятежную жизнь в Турции. Поставленные в такое положение, они скоро поняли, как глубоко ошиблись, и недовольство их выразилось прямым сопротивлением всем распоряжениям к их водворению турецкого правительства, которое, дав разрешение принимать прибывающих с Кавказа горцев, не имело никакого понятия о размере переселения. Пользуясь совершенною свободою выселяться и услугами турецких каботажных судов, всегда посещавших Кавказский берег, черкесы направлялись прежде всего в два пункта: Трапезунд и Константинополь, так как других городов в Турции они не знали. Нахлынув сюда всюю массою, они поставили местные власти в крайне затруднительное положение. Водворять переселенцев в порядке между коренным населением или отдельными колониями с политической целью в виде военных поселений на границе с Россией и впереди болгарского населения в Европейской Турции, оказывалось положительно невозможным, так как никаких планов и предположений о распределении переселенцев не было, и не могло быть сделано. Все это составлялось и предполагалось уже в то время, когда выселение достигло больших размеров и переселенцам пришлось стоять таборами на берегу моря близ Трапезунда и Константинополя, переноса всевозможные лишения и бедствия. Болезненность и смертность между переселенцами достигли, как сказано, ужасающих размеров и угрожали заражением всего населения эпидемией тифа и

оспы. «Недоумеваю, что будет делать турецкое правительство с выходцами, - писал Мошнин к генералу Карцову. - Они тратят большие деньги, но распоряжаются дурно. Горцы очень стеснены в их жилищах и между ними развиты тиф и оспа. Для Трапезунда это сущее наказание. Сюда едет из Константинополя член санитарного комитета Бароцци инспектором по карантинной части».

Бароцци прибыл в Трапезунд в марте месяце и иностранные правительства предписали своим консулам помогать ему. Бароцци начал с того, что перевел всех горцев за город и настоятельно требовал, чтобы более их не привозили в Трапезунд, а направляли прямо в лагерь при Ачка-кале, рассчитывая таким неудобным путешествием отнять у черкесов охоту к переселению. Но, конечно, подобная хитрость, неизвестная горцам перед отправлением с Кавказа, не могла остановить их выселение, а только вызывала совсем ненужные лишения и страдания, прогрессивно ухудшавшие положение и санитарное состояние переселенцев. Пособия турецкого правительства были недостаточны и не всегда доходили до переселенцев, число которых никому не было известно и постоянно увеличивалось. Порты обратились к нашему правительству с просьбой остановить или, как выразился Фуад-паша, «сократить эмиграцию». Наш поверенный в делах в Константинополе отвечал на это, что русское правительство ничего не может сделать, так как большая часть выселяющихся уходит из пунктов, нами не занятых и принадлежащих непокорным племенам. В ответе Новикову генерал Карцов писал: «Турецкое правительство само возбуждало всегда между горцами симпатии к Турции и вражду против русских. Переселение есть результат этих возбуждений и разубедить горцев не ехать в Стамбул и Трапезунд кавказское начальство бессильно».

Впрочем, европейские дипломаты, по обыкновению, в таком затруднительном положении не оставили Порту без своих советов и содействия, но как всегда это делалось не с целью вывести Турцию из затруднения, а воспользоваться случаем, чтобы сделать зло России. Выселение горцев, упрочивая за нами Кавказ, казалось им бедствием, которое необходимо устранить. Поэтому французский, английский и в, особенно, итальянский послы и консулы в Трапезунде и других городах употребляли все усилия, чтобы удержать горцев, внушая им мысль возвратиться назад и отстаивать свою независимость. Особенно, конечно, является странным, что более всех хлопотал об этом итальянский консул и польский выходец Подайский. Но горцы слишком хорошо знали численность наших войск и ход военных действий на Кавказе, а потому одним красноречием трудно было убедить их в необходимости приняться за новую войну с Россией. Итальянский консул (Бозио) не допускал, однако, мысли, что он поступает безрассудно и неуспех своей пропаганды сваливал на то, что горцы «такая дрянь, на которую никогда нельзя рассчитывать».

Участие иностранных консулов в судьбе переселенцев во всяком случае не могло принести никакой пользы, так как они не имели средств оказать им материальную помощь, в каковой единственно и нуждались горцы. Мечты о будущих дипломатических комбинациях только сбивали с толку самих консулов и вызывали бесчеловечные распоряжения, обрушившиеся на переселенцев новыми бедствиями. Так, например, как будто в видах заботливости об охранении здоровья жителей Трапезунда, по требованию иностранных консулов, черкесы были поставлены лагерем в Ач-кале (в одном часу расстояния от города) и Сари-дере (в трехчасовом расстоянии), в местах, известных своим вредным климатом. Результат был тот, что с начала

переселения до мая 1864 года из прибывших в Трапезунд переселенцев умерло более 30,000 чел. Не меньшее зло причинило горцам учреждение 15 - дневного карантина для судов, приходящих с кавказского берега, произведенное тоже по требованию иностранных консулов, в видах предохранения населения от тифа и оспы. Карантин этот был фикцией, так как никаких карантинных мер не принималось местными властями; суда имели постоянное сообщение с берегом и только не смели выгружать переселенцев, положение коих после переезда на каботажных судах при тесноте места и при изнурении делалось страшною пыткой.

«Бароцци, как французский подданный совершенно в руках французского консула в Трапезунде Шефера, - писал Мошинн генералу Карцову.- Он, видимо, желал удержать горцев на Кавказе в виду нынешних политических событий в Европе. Оттого и придумано воспрещение отправлять кочермы к кавказскому берегу, которое мне удалось отменить. 15-дневный карантин, без соблюдения карантинных мер, выдуман тоже только для стеснения горцев. В Платане (гавань подле Трапезунда) стоят 54 баркаса, которым не дают ни чистого, ни карантинного свидетельства».

Такое затруднение в отправлении кочерм вынудило нашего консула в Трапезунде договорить частный пароход «Хидаети-Бахри», который решился отправиться на Кавказ за горцами. Турецкое правительство тоже не бездействовало: оно употребляло кочермы и военные пароходы для отвоза поселенцев из Трапезунда в Батум, Самсун и другие пункты Анатолии и направление их во внутрь страны, а также для перевозки их из Константинополя в Анатолию и, кроме того, старалось направить переселенцев в Варну и Кюстенджи, чтобы заселить ими Добруджу и Болгарию, где оно весьма боялось усилившегося христианского насе-

ления. Зверское истребление христиан в названных местах башибузуками, преимущественно из горцев, доказывает, насколько Порта сумела воспользоваться переселением горцев для исполнения политических задач на Балканском полуострове.

Однако, этих средств турецкого правительства было недостаточно, чтобы предотвратить бедствия горцев и дать правильное течение ходу переселения. В марте месяце 1864 года, после изъявления покорности убыхами, все кавказское побережье стало принадлежать *de facto* России, а 28-го апреля последовало приказание главнокомандующего об определении особых доверенных лиц, для наблюдения за выселением горцев и правильной выдачею им пособия при отправлении. С этою целью были назначены: в Анапу и Новороссийск полковник Фадеев, в Тамань капитан-лейтенант Корганов, а в Туапсе и Джубгу подполковник Батьянов. Остановить панику горцев и задержать их безрассудное бегство при появлении вблизи русских войск, не было никакой возможности. Они собирались на берегу моря без всяких продовольственных средств и даже без одежды. Чтобы предохранить их от голодной смерти и прикрыть их хотя какою-нибудь одеждою для дальнейшего отправления, в Сухуме были спешно закуплены 200 мешков хлеба и 1,000 аршин простой бумажной материи, которые тогда же были отправлены к подполковнику Батьянову⁴⁹. При таком положении, горцам необходима была помощь нашего правительства и в ней им не было отказа. Беднейшим выдавали провиант и денежное пособие в раз-мере от 10-ти рублей на семью, до 2-х рублей на душу, причем, перевозка в Турцию производилась на казенный счет. Скажем более: главнокомандующий Кавказскою ар-миею, в бытности у реки Пшад, приказал находящихся на берегу близ Новороссийской бухты разных племен горцев пользоваться и довольствоваться в госпиталях до выздоровле-

ния на счет казны. При выселении Джигетов, имевших на берегу много скота, которого перевезти им не было возможности, сделано распоряжение, в видах соблюдения интересов переселенцев, о продаже его и даже заключен контракт с гражданином Николадзе и майором Колосовским о покупке ими всего скота по установленной цене. Но самым большим благодеянием для горцев все-таки оставалось прекращение их бедственной стоянки на берегу моря и перевозка их в Турцию, для окончательного там водворения. С этою целью были не только зафрахтованы в «Обществе пароходства и торговли» три парохода и заняты все наши свободные паровые суда, но даже разрешено, по соглашению с Портою, употребить на перевозку переселенцев, как турецкие, так и русские военные суда, сняв с них предварительно, вопреки Парижскому трактату, боевые вооружения. Всеми этими мерами к концу 1864 года выселение горцев было почти окончено. Оставалась только часть Абадзехов, Шапсугов и Бжедухов около Новороссийска, для которых там было собрано 20 паровых и парусных судов. Из них 8-го ноября, было отправлено на турецком пароходе 2,500 душ, а 12-го числа нагружено на другой пароход 4,000 душ, но поднявшаяся буря помешала судам выйти в море. Одно из них, «Нусрети-Бахри», 17-го ноября было выброшено на берег и разбито, причем, из 470 душ спасено 170, а остальные погибли. Несчастье это остановило дальнейшую отправку горцев на парусных судах, так что в декабре вывезено на турецких пароходах «Таиф», "Меджидиэ" и «Саик-Шады» только 6,000 душ; остальные же 4,600 оставлены до весны и размещены по соседним казачьим поселениям, где они были приняты с полным радушием. Казаки усыновляли круглых сирот и делали все, чтобы облегчить страдания их случайных гостей, так что многие из бедных отказались от переселения в Турцию, а водворились в Крымской станице и Анапском

поселке⁵⁰. Справедливость такого радушия со стороны казаков свидетельствуется донесением наместнику кавказскому комиссара, назначенного турецким правительством по делу переселения горцев, Хаджи-Гейдул-Хасан-эфенди в котором он красноречиво излагает благодарность горцев. Размещенным у казаков горцам выдавался провиант из казенных магазинов, а больные и слабые помещались для пользования в военных госпиталях. Все же остальные горцы перевезены в Турцию в мае 1865 года на турецких пароходах.

Вообще нельзя не признать большой гуманности в отношениях русского правительства к переселенцам. Были приняты все меры к доставлению им возможных удобств, что много уменьшило их бедствия и лишения, хотя, конечно, при спешности дела, неизвестности числа и материальных достатков горцев, всегда были возможны ошибки в частных случаях. Из записки капитана генерального штаба Смекалова видно, что при отправлении переселенцев из Новороссийска были беспорядки, которые могли признать умышленными со стороны местной администрации: богатые отправлялись бесплатно на турецких пароходах, забывая даже семена для будущих посевов, а бедные оставались без хлеба на берегу моря; число наличных горцев и умерших показывалось неверно и пр. Все это было однако же слишком преувеличено в Константинопольских газетах и особенно в Английском «*Levant Herald*», где, между прочим, много говорилось о помощи переселенцам со стороны турецкого правительства и благотворительности турок. В действительности, подобного ничего не было и хлеб или сухари никогда горцам не высылались из Турции, но получались из Новороссийского провиантского склада.

Все расходы по пособиям переселяющимся горцам со времени регулирования этой операции назначением на-

местником кавказским особых лиц для наблюдения за нею составляют 289,678 рублей 17 копеек.

В июне 1864 года я отправился из Закавказья через Константинополь в Грецию, а оттуда в Италию. Это было вслед за окончанием войны на Западном Кавказе и в самый разгар выселения горцев в Турцию. Следуя вдоль Анатолийского берега, я встречал их во множестве в открытом море и был очевидцем их горестного положения в Батум и Трапезунд. В ноябре того же года, на возвратном пути из Европы, я видел их при несравненно еще худшей обстановке в Рушук и Силистрии. Но никогда не забуду я того подавляющего впечатления, какое произвели на меня горцы в Новороссийской бухте, где их собралось на берегу около 17,000 человек. Позднее, ненастное и холодное время года, почти совершенное отсутствие средств к существованию и свирепствовавшая между ними эпидемия тифа и оспы, делали положение их отчаянным. И действительно, чье сердце не содрогнулось бы при виде, например, молодой черкешенки, в рубищах лежащей на сырой почве, под открытым небом, с двумя малютками из которых один в предсмертных судорогах боролся с жизнью в то время, как другой искал утоления голода у груди уже окоченевшего трупа матери. А подобных сцен встречалось не мало и все они были неминуемым следствием религиозного фанатизма и непоколебимой уверенности горцев в ожидающей их в Турции будущности, которую в таких ярких красках им рисовали османские эmissары.

Сваливать вину в постигших горцев несчастьях на нас, как это, между прочим, делали европейские газеты и дипломаты, было не трудно, но все эти обвинения оказывались по меньшей мере ни на чем не основанными. Император Александр II, гуманнейший из венценосцев XIX века, был слишком далек от политики Филиппа III, знаменитого своим королевским повелением от 22-го сентября

1609 года, которым он нанес смертельный удар маврам, так безжалостно выброшенным из Испании на пустынные берега Африки.

Александр II желал лишь окончания вековой борьбы с черкесами, с единственной целью открытия им широкого пути к развитию между ними мирной гражданской жизни на привольных землях долины реки Кубани и ее притоков. Исполнителем своей державной воли он избрал графа Евдокимова, который в своих воззрениях на интересы государства стоял настолько же неизмеримо выше и герцога Лермы или какого-нибудь Дон-Жуана-де-Рибейры, насколько черкесы в культурном отношении уступали маврам-этой лучшей части населения Пиренейского полуострова. Только будущему историку предоставляется произнести беспристрастный приговор и оградить Россию от несправедливых нареканий по поводу события, составляющего, без сомнения, одну из самых грустных страниц в нашей исторической летописи.

Мы имели в настоящей монографии в виду одно только выселение черкесских племен; что же касается оставления кавказской территории другими горцами, то это составит предмет другой статьи, которая не замедлит явиться на страницах уважаемого журнала «Русская Старина».

V

Стремление к переселению в Турцию у кубанских горцев. Перемена во взгляде на это дело у главнокомандующего. Категорическое заявление горцам об окончательном прекращении выселения. Движение между горцами Майкопского и Баталпашинского уездов. Движение между бжедухами. Всеподданнейшая записка главнокомандующего и резолюция императора Александра II.

1867—1874 гг.

После выселения черкесов между горцами, поселившимися на землях долины р. Кубани, все еще продолжало проявляться по временам стремление к уходу в Турцию. Хотя на увольнение их туда с половины 1865 до 1867 года и не существовало никаких определенных правил, местное начальство всеми мерами затрудняло их выезд и дозволяло переселение только в крайних случаях. Вот что, между прочим, в сентябре 1867 года писал главнокомандующий генерал-адъютанту Игнатьеву⁵¹.

«Военные соображения, руководившие мною в 1863 году и заставившие не только не препятствовать переселению горцев, но и поощрять в них тот фанатизм, который побудил все население черноморского побережья к поголовному выселению, ныне не могут более иметь влияние на дальнейший взгляд мой на этот предмет. Если в 1863 году, в виду могущей возникнуть европейской коалиции, быстрое окончание Кавказской войны было всем понятною необходимостью и для достижения этой цели выбора не предстояло, то теперь наискорейшее развитие края и административное его благоустройство побуждают меня препятствовать дальнейшему выселению кавказских мусульман, мало помалу начинающих приучаться к нашему управлению и обещающих со временем сделаться трудолюбивыми поселянами. Вследствие этих соображений я не желаю содействовать Порте в дальнейшем переселении абхазцев и абадзехов, будто бы заявленной Порте мнимыми депутатами».

В том же 1867 году великий князь Михаил Николаевич, совершая объезд Кубанской области, лично объявил горцам, что переселение их в Турцию должно прекратиться окончательно. Вследствие такого заявления, все просьбы о дозволении уйти в Турцию отдельным семействам или целым обществам, поданные с конца 1867 до 1873 года, были оставлены без разрешения, за исключени-

ем одного случая, в 1871 году, в отношении Крым-Гирея Ханахукова, который с несколькими семействами тогда же переселился в Турцию. Тем не менее, горцы не отказывались от своих замыслов. Особенно настойчиво стали домогаться разрешения на выселение жители Майкопского и Баталпашинского уездов, к чему главными подстрекателями их явились Келемет-Унароков и Эльмурза Джанхотов, так что осенью 1873 года выехало в Турцию 420 семейств или 3,400 душ обоего пола; из них 271 семейство село на пароходы в Керчи, а 149 в Туапсе.

Примеру их решились последовать и бжедухи, которые выжидали только возвращения своих депутатов, отправленных для предварительных переговоров по этому предмету еще в конце 1873 года в Константинополь. Намерению их, однако же, не суждено было осуществиться.

Чтобы положить предел дальнейшим домогательствам горцев к выселению, главнокомандующий армиею представил государю императору 5-го апреля 1874 года докладную записку следующего содержания:

«Осенью 1872 года, получив сведение о том, что оставшиеся на западном Кавказе горцы Кубанской области, из племен бжедухов и абадзехов, вознамерились просить весною 1873г. разрешения выселиться поголовно в Турцию и находя это намерение пагубным для самих выселяющихся и вредным в том отношении, что примеру этому могли бы последовать и другие Кавказские горцы как Кубанской области, так в особенности, Дагестанской и Терской областей,- я признал нужным, дабы затруднить переселение, на первый раз подчинить выезд в Турцию просящихся целыми семействами некоторым ограничениям и условиям. Это распоряжение, хотя и остановило общее движение горцев, тем не менее, не успело воспрепятствовать выезду в Турцию довольно значительного количества отдельных семейств.

В марте месяце минувшего года было замечено, что бжедухи, жители Екатеринодарского уезда, начали усиленно сбывать свой скот и прекратили посевы хлеба. Когда же местное начальство обратило на это внимание, то горцы открыто заявили, что, намереваясь переселиться в Турцию, для чего отправили депутатов в Константинополь, они уже не признают над собою русских властей. Столь дерзкое заявление вынудило местное начальство арестовать и отправить в г. Ейск главных зачинщиков беспорядков. После сего бжедухи выслали в г. Екатеринодар толпу депутатов с требованием освобождения арестованных. Из среды сей толпы были вновь арестованы еще 7 человек и, вместе с тем, сделано распоряжение, чтобы в тех аулах, где старшины служили покорными орудиями обществ и не соответствовали своему назначению, - определить старшин по назначению местного главного начальства. Четыре аула Екатеринодарского уезда отказались признавать старшинами лиц, им назначенных. Впоследствии, однако, три из этих аулов перестали сопротивляться распоряжениям старшин, но аул Хатлукай продолжал враждебно относиться к властям, заявив, что общество считает себя в России гостем и не намерено подчиняться распоряжениям правительства. Хатлукаевцы, оставив свои сакли, вышли из аула и расположились частью в окрестностях его, а частью в прилегающем к нему лесу. Такой образ действий заставил направить против неповинующихся военную силу, с прибытием которой бжедухи изъявили готовность покориться всем требованиям правительства и выдали 10 человек главных виновников. Спокойствие водворено без всякого употребления силы».

В заключение, великий князь признавал необходимым всякий выезд в Турцию в течении текущего года бжедухам воспретить; а главных зачинщиков настоящих беспорядков выслать из края во внутренние губернии им-

перии административным порядком. Ходатайство это было высочайше одобрено с собственноручною пометкою покойного государя на докладной записке: весьма желательно, чтобы оно (выселение) не возобновлялось.

После последних распоряжений между горцами водворилось полное спокойствие.

С берегов Кубани перенесемся на берега Терека и Сунжи.

VI

Выселение горцев с Восточного Кавказа. Чечня. Население. Экспедиции в Чечню. Наше положение на Восточном Кавказе в эпоху, предшествовавшую выселению горцев. Предположение гр. Евдокимова к обеспечению спокойствия в Чечне. Восстание в Ичкерии и Аргунском округе. Князь Святополк-Мирский и его система действий. Учение *зикр*. Станица Датыхская. Два способа разрешения чеченского вопроса.

1864 г.

Обращаясь к выселению горцев с Восточного Кавказа, мы должны остановиться прежде всего на Чечне, как на том именно районе, который лишился наибольшего процента своего населения.

Под именем Чечни, составляющей по последнему административному делению северного Кавказа часть Терской области, подразумевается все пространство между течением реки Аксая, горами Малой Чечни (последними террасами главного хребта) и рекою Тереком. Разделяясь рекою Гойтою на Большую и Малую, она представляет местность частью плоскую, частью покрытую горами и обширными девственными лесами. Плоскость её имеет приблизительно длины от подошвы Качалыковского хребта на запад до аула Газин-юрт, на р. Фартанге, 70 верст; ширина, от конечных уступов Черных гор с юга до р. Сунжи на север,

средним числом 40 верст, а всего 2,800 кв. верст. Все это пространство населено чеченским народом, заключающем в себя следующие племена:

а) Назрановцев или Ингушей (они сами себя называют Ламур – от слова «лам» - гора), обитавших на низменных местах, орошаемых реками Камбилейкой, верхней Сунжей и Назрановкой, по течению этих рек до впадения реки Яндырка в Сунжу и на Терской долине.

б) Карабулаков – они населяли равнину, орошаемую реками Ассой, Сунжей и Фатангой, по течению которых и были паспозложены их аулы.

в) Галашевцев – по рекамASSE и Сунже.

г) Джерахов – по обоим берегам Макалдона.

д) Кистов – по ущельям рек Макалдона и Аргуна.

е) Галгаев – у верховьев реки Ассы и по берегам реки Тоба-чок.

ж) Цоринцев – в верховьях восточного истока реки Ассы.

з) Ако или Акинцев – по берегам Ассы, Сунжи и Гехи.

и) Пшоев или Шопоти – около истоков реки Мартан.

к) Шаро или Киалал – по веховью Шаро-Аргуна.

л) Джан-Бутри, Чабирлой и Тат-Бутри – по Аргуну.

м) Ичкеринцев (Нахчой-мохкхой) – по верховьям рек Аксай и Хулхулау.

н) Качалыков – по северному скату Качалыковского хребта.

о) Мичиковцев – по Мичику.

п) Ауховцев – по верховьям рек Акташа.

р) Сунженских чеченцев – по Сунже, между Аргунном, Гудермесом и Ассой.

с) Брагунских чеченцев – по правому берегу Терека, при впадении в него Сунжи.

Но деление это самим чеченцам неизвестно. Они называют себя *нахчуй* (в единственном числе *нахчуо*, т.е. народ), и это относится до всего народа, говорящего на чеченском языке. Упомянутые же названия перешли к ним от аулов или от рек и гор, по которым расположены их аулы.

В нашей отечественной истории имя чеченцев впервые встречается в 1708 году, а именно, в договорной статье калмыцкого Аюки-хана, учиненной на реке Ахтубе с ближним министром, казанским и астраханским губернатором Петром Апраксиным «о вечном и верном Российскому государю со всеми улусами подданстве, о всегдашнем при Волге кочевании, о защищении низовых городов от всех неприятелей, о перепрохождении ему на горную сторону реки Волги, об удержании Чеметя и Мункотемира от набегов и о преследовании чеченцев и ногайцев».

Для усмирения чеченцев предпринимаемы были еще со времен Петра Великого экспедиции, из которых особенно замечательны походы 1718 и 1722 годов донских казаков на Сунжу и Аргун; в 1758 году ходили к ним и регулярные войска, а в 1770 г. генерал де-Медем покорил сунженских чеченцев, взяв у них аманатов. Движение отряда нашего в 1785 году, предпринятое для усмирения чеченцев, взволнованных тогда Шейх-Мансуром⁵², не имело успеха. Генералу Булгакову⁵³ удалось покорить некоторые их общества, а А. П. Ермолову⁵⁴ привести их к покорности, но в 1840 году они снова восстали и в течение почти 20-ти лет вели против нас ожесточенную борьбу, пока, наконец, в 1859 году сложили окончательно оружие.

С дальнейшим положением Чечни и вообще всего Восточного Кавказа в эпоху, предшествовавшую выселению горцев, мы познакомимся из помещаемой вслед за сим записки, представленной в 1864 году помощником главнокомандующего Кавказскою армиею военному министру и составляющей часть бывшего в моем распоряжении мате-

риала, которым я воспользовался в самых широких размерах:

«Западный Кавказ заселением гор русскими станицами был поставлен в положение, совершенно обеспеченное. На 100,000 горцев, выселенных на плоскость и разобщенных друг от друга, мы имели 220,000 казаков, также вооруженных и также воинственных; следовательно, при нужде, можем вовсе обойтись без войск.

Совершенно в ином положении находимся мы на Кавказе Восточном. Восьмисоттысячное горское население Терской и Дагестанской областей составляет тут почти сплошную массу. Масса эта занимает местность самую неприступную из всех, какие только обитаемы человеком. Проникнутая мусульманским фанатизмом, распаленным продолжительной войной, она продолжала ненавидеть нас, как недавних еще заклятых врагов, как неверных, и будет сохранять это чувство до тех пор, пока мы останемся в её глазах гяурами⁵⁵. Чтобы мы ни делали для горцев, как бы ни благодетельствовали их нашим управлением, всякое добро, им сделанное, они будут принимать, как ненавистный дар гяура. Никакие самые мудрые законы, никакая самая искусная администрация не в состоянии изменить этих отношений до тех пор, пока цивилизация не ослабит фанатизма горцев и экономическое развитие не разовьет в них новых потребностей жизни. Мы должны стремиться к этому и стремиться сколько можем. Но до тех пор, пока цель эта не достигнута, мы только силою можем сдерживать вражду. Дороги, которые мы прокладываем, укрепления и штаб-квартиры, которые строим, все это служит только для удобнейшего приложения силы к месту действия, для того, чтобы в случае нужды войска наши могли удобнее проникнуть в ту или другую часть края. Без войск, достаточных для действия, все эти средства останутся мертвыми

и война, пять лет назад оконченная, может возобновиться в прежних размерах, с прежнею силою.

Управляя горцами человеколюбиво, принимая все меры к постепенному образованию их и к улучшению материального быта, мы должны зорко следить за ними и держать в постоянной готовности такие силы, которые могли бы подавить при самом начале всякую попытку к восстанию. Малейшая неудача и даже промедление в наказании виновных может отразиться на всем крае самым гибельным образом.

Но не все части Восточного Кавказа одинаково нам враждебны, и одинаково для нас опасны, следовательно, и не все они требуют одинаково строгих мер предосторожностей. В западном отделе Терской области разнородность населения, давняя привычка к русскому управлению, а частью и разность религий населения, делают власть нашу почти упроченною; тут возможны только частные мелкие беспорядки. В округе Кумыкском и свойство местности, повсюду ровной, и материальный быт народа, достигший под нашим управлением весьма значительной степени благосостояния, также устраняют опасность восстания.

Дагестан уже находится в ином положении. Искони воинственное и фанатическое население его ненавидит нас, может быть, более, чем кто-нибудь. Скудная, суровая природа страны подает мало надежды на развитие материального быта населения и на смягчение нравов его. Но эта же природа и сложившийся под ее влиянием быт народа облегчают нам управление этим краем и удерживают его в повиновении. Она приучила дагестанцев к труду. Здесь на скалистых безлесных горах, каждый клочок земли, способный к обработке, добыт трудами поколений, передается из рода в род и составляет единственное обеспечение существования семьи. Дагестанец дорожит этим достоянием и местом, в котором родился, более всего на свете. По ограни-

ченности мест, сколько-нибудь удобных для жизни, дагестанцы искони привыкли жить большими аулами, привыкли дорожить семейными связями и общественными отношениями, сознали необходимость порядка и власти. По всем этим причинам, никак не рассчитывая на преданность нам дагестанского народонаселения, мы можем, по крайней мере, надеяться, что без важных побудительных причин, без видимых вероятностей успеха, восстания в Дагестане не произойдет.

К сожалению, ни одной из тех причин, которые упорочивают нашу власть в Дагестане и в двух крайних отделах Терской области, не существует в среднем отделе сей последней, населенном чеченским племенем. Тут все сложилось против нас: и характер народа, и общественный быт его, и местность. От природы восприимчивый и до крайности легкомысленный характер представлял бы большие затруднения для того, чтобы управлять им. Продолжительная война, которую чеченцы вели с нами, не возвысила и не улучшила их характера; поставленные между ударами наших войск и деспотическою властью Шамиля, не имея сил ни защищаться от нас, ни свергнуть иго шамилевского управления, чеченцы в течение 20-ти лет старались только о том, чтобы увертываться от грозивших опасностей, употребляя и свое оружие, и разные ухищрения то против одной, то против другой стороны и всегда друг против друга. В этой двойной войне и усобице они утратили почти всякое понятие о долге, об уважении к собственности, о святости данного слова. Привычка к опасностям и к хищничеству развилась в них до такой степени, что сделалась почти потребностью. В течение 20-ти лет ни один из чеченских аулов не был уверен в том, что он останется на месте до следующего дня; то наши колонны истребляли их, то Шамиль переселял на другие места по мере наших движений. Благодаря необычайному плодородию

дию почвы, народ не погиб от голода, но потерял всякое понятие об удобствах жизни, перестал дорожить своим домом и даже своим семейством. К жизни общественной чеченцы и прежде были мало способны. Демократизм у них всегда был доведен до крайних пределов; не только понятия о сословиях и власти наследственной, но и понятия о какой бы то ни было власти почти не имели. Даже в языке чеченцев нет слова «приказать». Шамиль, несмотря на важную опору, которую представлял ему религиозный фанатизм, никогда не считал свою власть в Чечне довольно прочною и поддерживал ее только страхом казней, периодически повторявшихся против всех, кто навлекал на себя малейшее его подозрение.

При таком характере и таком отсутствии общественных связей, чеченцы занимали и местность, наиболее благоприятствующую всякого рода беспорядкам и мятежным предприятиям. В течение продолжительной войны против них, мы отняли у них много земли, но такой, которая теперь не имеет важности ни в политическом, ни в военном отношении, а именно: открытые и плоские возвышенности левого берега реки Сунжи; на той же местности, где находятся леса и другие естественные преграды, чеченцы остались и доселе. Они владеют всеми лесистыми ущельями Черных гор, имеющими значение крепостей, опираются на горные трущобы округов Аргунского и Ичкеринского, и через них входят в непосредственную связь с Дагестаном. Здесь находят безопасное убежище все их абреки⁵⁶, чрез эти же трущобы проникают в Чечню из Дагестана и те проповедники фанатизма, которые периодически волнуют край и возбуждают народ разными враждебными нам учениями. Сознывая всю опасность для нас такого положения в Чечне, граф Евдокимов, вслед за покорением восточного Кавказа, предположил отделить ее от горной линии наших станиц и укрепленных штаб-квартир, распо-

ложенных у выходов ущелий Черных гор. Для того же, чтобы при этом не произошло стеснения в довольствии землею, полагал часть чеченцев и карабулаков переселить в Малую Кабарду, жители которой в то время изъявили желание переселиться в Турцию. Вследствие этих предположений, в 1860 году, поселены были в предгорьях Малой Чечни станицы 2-го Владикавказского полка и часть мало-кабардинцев выселилась. Чеченцы поняли, к чему клонились эти меры и решились им противодействовать силою; произошло восстание в Ичкерии и в Аргунском округе; во всех лесах появились значительные шайки абреков. Но восстания эти были подавлены; наиболее виновные в них общества Акинское и Беноевское выселены на плоскость; карабулакам приказано переселиться в Кабарду. Нет сомнения, что энергическое продолжение принятой системы действий привело бы к цели, хотя и не без затруднений, может быть немаловажных. Но, к сожалению, граф Евдокимов, по причине назначения его командующим войсками Кубанской области, не мог лично заняться исполнением предложенных им мер. Назначенный вместо него командующим войсками Терской области ген.-л. кн. Мирский⁵⁷ не разделял его убеждений; он полагал, что уже настала пора действовать в Чечне мерами кротости, и что достаточно внушить горцам доверие к нам для того, чтобы прекратить навсегда враждебные их замыслы. Он, отклонив мало-кабардинцев от переселения в Турцию, объявил чеченцам, что дальнейшее водворение станиц отменяется, и что земли, которые для станиц предназначались, останутся их собственностью; акинцам и карабулакам дозволил водвориться на прежних местах. Озадаченные крутым поворотом системы, чеченцы в первое время действительно были обрадованы этими распоряжениями и оказали ревностное содействие к уничтожению гнездившихся тогда в горах шаяк Уммы и Ата-бая⁵⁸. Но вскоре они стали объяснять

действия нового начальника иным образом. Они приписали снисхождение и уступки слабости и боязни нашей общей с их стороны восстания. Снова появились абреки, возникло учение зикр⁵⁹ и вся Чечня приняла положение вовсе не свойственное покоренному перед победителем. Урок, данный зикристам в Шалах и покорение западного Кавказа образумили чеченцев, заставили их присмиреть, но никак нельзя ручаться, чтобы это было надолго, тем более, что меры, начатые гр. Евдокимовым и прерванные его преемником, поставили и чеченцев, и казаков 2-го Владикавказского полка в такое положение, в котором ни те, ни другие долго существовать не могут.

Начав приводить свой план в исполнение, гр. Евдокимов, как выше сказано, выселял чеченцев из гор на плоскость; земли же, оставшиеся свободными, занял казачьими станицами, в намерении водворить чеченцев в Кабарде. Но как кабардинцы остались, то все население Чеченского округа, состоящее из 81,360 душ, стеснилось на пространстве 76 кв. миль; таким образом, на каждое семейство приходится в аулах от 5 до 10-ти десятин, т.е. не более двух десятин на душу. При такой тесноте не только развитие хозяйства, но даже существование народа не может считаться обеспеченным. Теперь не проходит весны, чтобы аулы во время начала полевых работ не начинали споров между собою из-за 2—3 десятин, — споров, кончавшихся всегда схватками и убийствами. Многие из нуждающихся в земле тайком уходят в горы и водворяются в трущобах, откуда были выселены и где присутствие их положительно признано вредным для безопасности края; приходится изгонять их оттуда силою оружия.

С другой стороны и наши казачьи станицы, водворенные на Ассе, и Датыхская станица, поселенная на Фартанге, выдвинутые вперед, расположенные на местах, крайне стесненных, лесистых, и со всех сторон окружен-

ные населением, которое считает казаков главной причиной своего стеснения, поставлены в положение крайне невыгодное и даже опасное. Они не только не усиливают нас, но ослабляют, требуя постоянных гарнизонов от регулярных войск. Датыхская станица положительно не может существовать в настоящем положении.

Бывший начальник чеченского округа ген.-майор Кундухов и по службе своей, и по своему происхождению близко знакомый с положением горцев, в записке, представленной им командующему войсками, говорит о Чеченском округе следующее: «Оставляя горцев в настоящем положении, не следует верить в будущее спокойствие; при настоящем положении нельзя не смотреть на них и на правительство, как на две воевавшие стороны, стоящие друг против друга, из коих побежденная выжидает случая возобновить ожесточенную борьбу».

Чтобы выйти из этого неопределенного, но тяжелого для нас положения, представлялось два способа действий: решительный — переселение всех чеченцев силою оружия, если окажется необходимым, на левый берег Терека и Сунжи, с водворением на местах их жительства станиц 1-го и 2-го Сунженского казачьих полков, или же более медленный — постепенное ослабление чеченского населения в горах добровольным выселением его на плоскость и поощрением переселения в Турцию.

Выбор главнокомандующего кавказской армией, согласно выраженной высочайшей воле, остановился на решении чеченского вопроса мирным путем, а именно расселением части населения Большой и Малой Чечни в Малой Кабарде и по аулам Надтеречного наместничества⁶⁰ (при размежевании которого в состав аульных наделов была включена запасная земля с целью доселения аулов этого наместничества 1,000 семействами переселенцев из Большой и

Малой Чечни), а также склонением некоторой части чеченского народа к переселению в Турцию.

VII

Ген. - майор Кундухов и его переговоры в Константинополе. Возбуждение чеченцев к переселению. Саад-Уллах, наиб Мало-Чеченский и Алико Цугов, старшина карабулакский. Начало переселения и содействие оному правительства. Расходы. Командирование в азиатскую Турцию капитана Зеленого и затруднения, противопоставленные ему тамошними властями. Нусрет-паша. Положение чеченцев и попытка их возвратиться на родину. Эмин-паша Эрзерумский. Противодействие чеченцев турецким властям и их бесчинства в Муше. Движение чеченцев на Арпачай и их обезоружение. Затруднения турецкого правительства. Выселение чеченцев в Месопотамию. Новая попытка их возвратиться на Кавказ и прорывы некоторых партий в наши границы. Нищета и бедствия чеченцев. Водворение некоторых партий в Терской области. Стремление дагестанских горцев к выселению. Предположение о водворении возвращающихся переселенцев на свободных казенных землях Лабинского округа. Усиление бдительности на кордонах. Появление на Кавказе эмиссаров из выселившихся горцев. Новое появление чеченских партий в Закавказском крае.

1864 – 1971 гг.

Но еще до получения в Тифлисе высочайшего повеления по чеченскому вопросу, великий князь Михаил Николаевич поручил ген.-м. Кундухову⁶¹, в бытность его летом 1804 года в Константинополе, войти в негласное сношение с турецким правительством относительно того, в какой мере и каким образом могла бы быть осуществлена мысль о переселении в Турцию части чеченского населения. Кундухов, по возвращении своем из Константинополя, объяснил, что турецкое правительство, соглашаясь на переселение 5 тысяч чеченских семейств, предполагает водворить их на пространстве от Саганлугского хребта через Топрак-кале, Мелезгир и Патнос до озера Ван .

Водворение враждебного нам чеченского населения на вышеозначенных местах, сопредельных с нашею границею, было бы неминуемо сопряжено в будущем с самыми серьёзными невыгодами. При врожденной склонности чеченцев к хищничеству, прорывы их чрез пограничную линию и грабежи в наших пределах должны были бы неминуемо усилиться и для ограждения спокойствия и безопасности наших пограничных жителей наше правительство принуждено было бы даже и в мирное время значительно усиливать пограничную стражу; в военное же время, пришлось бы отделять значительно большее против прежнего число войск для прикрытия нашей турецкой границы. Независимо от этого, водворение 5 тыс. семейств чеченцев в санджаках, населенных преимущественно курдами, неминуемо отразилось бы и на успехах будущих военных действий наших в случае войны с Турцией.

В этих соображениях, главнокомандующий, считая совершенно невозможным согласиться на водворение чеченцев в пограничных с нами областях азиатской Турции, поручал послу нашему в Константинополе употребить все старания к тому, чтобы склонить турецкое правительство на отвод для чеченцев земель за Эрзерумским пашалыком, или в других местностях, в которых, по отдаленности от наших пределов, переселенцы эти не могли бы быть опасны для нас.

Вследствие сношения по этому предмету, ген.-адъют. Игнатьев уведомил в декабре 1864 г., что после долгих настояний, министр иностранных дел, Али-паша, согласился, наконец, на то, чтобы вышеупомянутые 5 т. семейств чеченцев были поселены в Турции вдали от наших границ, а именно в Алеппо, с тем, чтобы выходцы эти были пропущены сухим путем, по дороге через Ахалцых, и с тем еще непременно условием, чтобы они не вошли в

турецкие пределы одновременно всею массою, а по частям - незначительными партиями.

Будучи извещен о таком ответе нашего посла, начальник Терской области ген.-адъют. (в послед. граф) М.Т. Лорис-Меликов вызвал во Владикавказ ген.-м. Кундухова⁶¹ и предложил ему приступить к возбуждению в среде чеченского населения стремления к уходу в Турцию и, кроме того, в поездку свою затем в Чечню, принял и с своей стороны негласные меры к успешному началу этого переселения. Кундухов принял предложение, но при этом заявил, что в случае неуспешности действий его, он должен будет прибегнуть к крайним мерам, а именно объявить чеченцам, что и он сам с семейством своим переселится в Турцию и, в подтверждение этого с открытием навигации отправить свое семейство в Константинополь. К этому Кундухов прибавил просьбу о том, чтобы правительство, в случае изъявления согласия на его переселение, вместе с чеченцами, приобрело у него отведенную ему землю, 2,800 десятин, в Осетинском округе, и выстроенный им на этой земле дом (имение Скут-кох, в 50-ти верстах на северо-восток от Владикавказа), - все за 45 т. руб. серебром, и кроме того, выдало ему единовременно 10 т. руб. на расходы по первоначальному возбуждению переселения. Условия эти были приняты. Кроме Кундухова, главными деятелями по предположенному переселению чеченцев явились мало-чеченский наиб Саад-Уллах и главный карабулакский старшина Алико Цугов, которые присягнули на коране уйти в Турцию, если только Кундухов покажет собою пример переселения. Цугов, не дождавшись начала переселения, умер.

По получении в марте 1865 г. уведомления начальника Терской области о том, что переселение чеченцев в Турцию может начаться в самом непродолжительном времени, помощник главнокомандующего армиею обратился

к ген.-адъют. Игнатьеву с просьбами согласить турецкое правительство: 1) к немедленным распоряжениям по беспрепятственному принятию в турецкие пределы до 5 т. семейств чеченцев и по дальнейшему следованию их до мест, предназначенных к их водворению; 2) к высылке в распоряжение кавказского начальства, писем к местным пограничным турецким властям, как относительно пропуска чеченцев через границу и дальнейшего их направления к Эрзингиану и Диарбекиру, так и относительно вменения им в обязанность по всем могущим возникнуть частным вопросам входить в ближайшие сношения с кавказским начальством, и 3) к тому, чтобы в означенных письмах были изложены положительные приказания местным турецким властям относительно того, что чеченцы ни в каком случае не могут быть водворяемы в пограничных с нами пашалыках, но что они, в силу заявленного Портою согласия, должны быть безотлагательно направляемы к Эрзеруму и далее для водворения в окрестностях Эрзингиана и Диарбекира. Одновременно с тем дано было начальнику области разрешение приступить к отправлению из пределов Терской области всех тех чеченцев, кои изъявили желание переселиться.

По получении такого разрешения, положено было местным начальством приступить к переселению во-1-хъ, всех карабулаков, в числе до 1,500 семейств, которые всегда слыли за отъявленных разбойников, и которые, притом, будучи стеснены поселением на их землях 2-го Владикавказского казачьего полка, почти не имели других средств к существованию кроме хищничества, и во-2-хъ— из других частей Чечни всех тех чеченцев, которые отличались особенною враждебностью к русским и закоренелым фанатизмом, каковых набралось более 3,500 семейств. Карабулаки все заявили желание уйти в Турцию; из других же частей Чечни явилось желающих переселиться 3,502 се-

мейства; всего же 22,491 душа карабулаков и чеченцев, что составляло почти 20% бывшего в то время населения чеченского племени. Людям, заявившим желание переселиться, предоставлена была возможность забрать с собою свое имущество, скот и продовольствие, а равно сделано распоряжение об отводе им, по пути их следования в наших пределах, пастбищ - о выдаче сена бесплатно. Сделано было также распоряжение о выдаче им дров на ночлегах, а в случай надобности - и подвод. Для предоставления же им возможных удобств при следовании и с целью предотвращения каких бы то ни было столкновений чеченцев с жителями и на границе, они были направлены отдельными эшелонами, каждый численностью около 150 семейств, по заранее определенному маршруту и при том под надзором наших офицеров и при конвое.

Благодаря этим мерам, чеченцы, в числе более 5 т. семейств, разделенных на 28 партий, проследовали безостановочно по Кавказскому и Закавказскому краю. Первая партия переселенцев выступила из Владикавказа (сборного пункта) 28-го мая 1865 г. и через Мцхет, Боржом, Ацхур и Ахалкалаки и прибыла на нашу границу у Хазапинской заставы 17-го дня того же года, а последняя, 28-я партия, двинулась из Владикавказа 16-го августа и перешла нашу границу у названной заставы 11-го сентября. В течение всего периода следования партии по означенному пути не было ни одного серьезного беспорядка, не было ни одного случая воровства, совершенного чеченцами, и они, по прибытии на границу, неоднократно выражали признательность за удивлявшую их заботливость о них кавказского начальства. Затем, на обязанности уже местных турецких властей должны были лежать заботы к направлению чеченцев к предназначенным для поселения их местам.

Нашему правительству поощрение чеченцев к переселению в Турцию, передвижение их до границы, а также и

принятие некоторых мер по движению их по азиатской Турции обошлось в 130,582 р. 72 к.

По принятому на себя Портою перед началом переселения обязательству, чеченцы не могли быть водворены в ближайших к нашим пределам пашалыках. Считая буквальное выполнение этого обязательства делом весьма важным и предвидя со стороны местной турецкой администрации возможность образа действий, не соответствующего взаимному соглашению обоих правительств, главнокомандующий, при самом начале переселения, признал полезным командировать в Азиатскую Турцию генерального штаба капитана (ныне ген.-майора) А. С. Зеленого, для ближайшего надзора за ходом дальнейшего проследования партии от наших пределов в глубину Анатолии и с правом настояния перед турецкими властями о точном выполнении данных Портою обещаний.

Турецкие власти с самого начала стали уклоняться от принятия надлежащих мер к безотлагательному удалению чеченских партий от наших пределов и капитан Зеленой, подозревая турецкую администрацию в намерении дозволить чеченцам, весьма того желавшим, водвориться в окрестностях Вана и Муша, в июле месяце 1865 года обратился к заведовавшему переселением турецкому комиссару Нусрет-паше с настоятельным требованием принять меры к дальнейшему отправлению чеченцев, для водворения их, как было условлено, не ближе Диарбекира и Эрзингиана. Из возникших вследствие этого письменных сношений и словесных объяснений капитан Зеленой убедился, что данные Нусрет-паше центральным правительством инструкции вовсе не соответствовали смыслу состоявшегося с нашей миссией соглашения и что в этих инструкциях ни Ванский, ни Мушский пашалыки не были исключены из числа местностей, дозволенных для поселения чеченцев. Видя безуспешность своих настояний пред комиссаром и мест-

ным начальством, капитан Зеленой донес об этом по телеграфу нашему посланнику в Константинополе. Порта, хотя и показала вид, что не одобряет действий своего комиссара и послала ему предписание от имени верховного визиря о строгом соблюдении состоявшихся условий, но целый месяц лучшего времени для проследования чеченцев к предназначенным для поселения их местам был потерян. Первым последствием этого было то, что почти половина всех переселенцев сосредоточилась в окрестностях Муша, а остальные, вновь прибывающие партии стали располагаться на Эрзерумской равнине. Хотя по энергичному настоянию нашего комиссара, Нусрет-паша еще до получения приказаний из Константинополя сделал распоряжение о движении партии от Эрзерума к Харпуту, но бывший Эрзерумский вали Исмаил-паша полным равнодушием своим по приведению в исполнение как этого, так равно и всех последующих распоряжений Нусрета, совершенно парализовал действия этого последнего и дозволил чеченцам дожидаться возвращения из Эрзингиана Мусы Кундухова. Пользуясь отсутствием Нусрета и капитана Зеленого из Эрзерума отправившихся в Карс, он вместо Харпута направил бывшие у Эрзерума партии к Мушу. Конечно, если этого, не смотря на все старания самого Нусрета, при слабости местных турецких властей, ни одна партия чеченцев не хотела уже идти иначе, как на Муш. В это время получены были вышеупомянутые новые приказания Порты; согласно им следовало направить чеченцев из Муша в Диарбекир. Местные власти отговаривались неимением к Диарбекиру аробной дороги. Настояниями капитана Зеленого и Нусрета были присланы рабочие и порох для проложения дороги через Чубакчурские горы (дорога эта выходит на большую дорогу между Эрзерумом и Диарбекиром близ Палу). Но это проложение дороги потребовало опять около целого месяца времени.

Тем не менее, местные власти продолжали выказывать полное равнодушие и даже противодействие успеху движения партий, большая часть которых 18-го сентября была в Муше, 8 партий в Эрзеруме и ни одна не двинулась к местам назначения.

Подобные действия турецкой администрации вынудили Нусрет-пашу просить увольнения от должности комиссара; увольнение состоялось и все распоряжения по переселению были возложены непосредственно на нового Эрзерумского вали, Эмин-Мухлис-пашу, только что перед тем назначенного. Этот последний, хотя и высказал на словах полную готовность действовать согласно принятым его правительством обязательствам, но дело все-таки не приняло лучшего вида.

Чеченцы, оставаясь на открытом поле, стали страдать от холода и жалеть о покинутой ими родине. При таком положении дел часть их направилась по дороге к Александрополю с намерением возвратиться в наши пределы.

Побуждаемые, наконец, из Константинополя местные турецкие власти пробудились от бездействия; но тогда чеченцы, в свою очередь, начали оказывать сопротивление к оставлению Муша и Эрзерума. Они потребовали предварительной посылки некоторых своих старшин для осмотра предназначенных для поселения их мест. Вали согласился на эту посылку; но старшины, доехав только до Чубакчура, возвратились, не видев назначенной для них земли, и объявили, что земля плоха. Впечатление было произведено и партии, двинувшиеся чрез Чубакчур к Палу, возвратились в Муш; некоторые из достигших уже Эрзингиана самовольно прибыли обратно к Эрзеруму. После этого на новые требования турецких властей двинуться из Мушского округа, чеченцы, число которых возросло там до 18—20 т. человек, несмотря на то, что из Муша до Чубакчура всего

18 часов езды, что дорога аробная была готова и что по выходе из Чубакчура их ждали 3 т. войск, посланных Диарбекирским генерал-губернатором с провиантом для них, отказались оставить Муш и ознаменовали пребывание свое там воровствами, грабежом, убийствами и разорением христианских деревень.

В довершение всего, они дважды пытались атаковать самый Муш, и только благодаря распорядительности местного начальника войск предупрежден был открытый бой населения Муша с чеченцами. Несмотря на это положение дел, вали употреблял те же полумеры, в которых прежде обвинял своих предместников. Так прошло время до начала октября и только на категорический запрос, сделанный капитаном Зеленым Эмин-паше, намерен ли последний или нет вывести горцев из окрестностей Муша, вали обратился к великому визирю за разрешением употребить против чеченцев силу оружия. 7-го октября вали получил просимое им разрешение и приказание водворить главную массу переселенцев в Диарбекирской области, а остальных расположить на зиму в Ване, Муше, Эрзингиане, Бейбурте, Эрзеруме и Чилдыре. Капитан Зеленой протестовал против занятия Вана, Карса и Чиддыря.

Между тем, 17-го октября 1865 г. прибыли на нашу границу к Арпачаю, близ Александрополя, 200 душ чеченских переселенцев с просьбою о пропуске их обратно в наши пределы на каких-бы то ни было условиях, причем, даже изъявляли готовность принять православие, а вслед за тем число прибывших к Арпачаю переселенцев возросло до 2,600 человек⁶². Узнав о движении чеченцев к нашей границе, Эрзерумский вали послал Мусу Кундухова с кавалерией для отклонения переселенцев от предпринятого ими намерения, но Кундухов не мог остановить их. Хотя переселенцы эти находились в крайне бедственном положении, но имея в виду, что пропуск чрез границу даже не-

скольких семейств повлек бы за собою обратное движение к нам всей массы чеченских переселенцев, главнокомандующий не счел возможным изъявить согласие на выполнение просьбы переселенцев и приказал усилить пограничный надзор и притянуть к Арпачаю ближайшие части войск для воспрепятствования самовольному прорыву чеченцев в пределы империи.

При первом известии о движении чеченских партий к нашим границам, капитан Зеленой заявил Эрзерумскому вали, что очищение нашей границы должно быть произведено в течение недельного срока, вследствие чего турецкие власти двинули войска для удаления чеченцев от Арпачая и только пушечными выстрелами заставили их оставить нашу границу и направиться к Карсу под конвоем турецких войск.

К концу 1865 года все эти переселенцы проследовали обратно чрез Саганлуг, за исключением 180 семейств, самых бедных и больных, не имевших возможности продолжать движение до наступления теплого времени, и потому оставленных на зиму, с согласия нашего комиссара, в Карском и Олтинском пашалыках.

Одновременно с посылкой войска для возвращения переселенцев от нашей границы, турецкие власти, вследствие упомянутых выше грабежей и своеволия переселенцев, решились приступить к обезоружению их. По полученному от нашего комиссара донесении, это обезоружение исполнено было турецкими войсками в Эрзеруме и Хасан-кале без сопротивления со стороны чеченцев; но обезоружение карабулаков возле Муша последовало только после нескольких картечных выстрелов и стычки, в которой убито 15 карабулаков и несколько турок.

Весною 1866 года комиссару нашему предстояло снова возобновить настояние об удалении чеченцев в назначенные для них местности, причем должно было быть

обращено особенное внимание на Ван, где у турок были готовые для чеченцев жилища и где они охотно поселили бы переселенцев навсегда; а потому главнокомандующий признал необходимым оставить капитана Зеленого в Эрзеруме и впредь для ближайшего наблюдения за распоряжениями турецкого правительства при расселении чеченцев и для настояния к выполнению принятых Портой в этом отношении обязательств.

Одновременно с известиями о событиях в Муше и близ нашей границы помощником главнокомандующего было получено письмо по этому же предмету от ген. Игнатьева, из которого видно было, что Порта крайне обеспокоена этими событиями, что к Мушу и Эрзеруму отовсюду двинулись войска, даже из столицы, и что для устранения вредного влияния Кундухова на переселенцев, он вызван был в Константинополь и, наконец, что по случаю такого неудачного исхода последнего переселения, Порта не считала возможным согласиться на новое переселение в Турцию в 1866 году массами чеченцев или каких-либо других кавказских горцев. Вследствие чего по приказанию главнокомандующего тогда же было сообщено ген. Игнатьеву, что еще до получения последнего письма его было уже отменено предположение о новом переселении в 1866 г. в Турцию чеченцев и что если таковое и состоится, то разве в самых незначительных размерах.

Капитан Зеленой оставался в Анатолии в 1866 и 1867 годах для наблюдения за точным выполнением местными турецкими властями условий касательно водворения переселенцев в тех именно местностях, кои были предназначены для их поселения.

Самоволие переселенцев, личные интересы некоторых из их предводителей и, главное, бессилие местных турецких властей были причиною, что только в конце лета 1867 г., и то при самых энергических настояниях ген. Иг-

натьева в Константинополе и капитана Зеленого в Эрзеруме, вся масса чеченских переселенцев (за исключением лишь ниже показанных 15-ти семейств) удалена была от нашей границы и поселена внутри Анатолии, за Эрзингианом и Диарбекиром, причем весь Эрзерумский вилайет совершенно очищен от переселенцев.

Главная масса чеченцев, 13,648 душ, поселена по границе части Курдистана и Месопотамии, южнее г. Мардина по истокам западного Хабура, имея центром поселения вновь возникшее из развалин местечко Рас-эль-аин. Вторая, по числительности своей часть переселенцев 7,196 душ, поселена на горных Яйлах Сивасского пашалыка, за Сивасом. Затем, 621 душа отправлена для поселения в санджак Бига, 300 душ в санджак Альбистан (Марашского пашалыка) близ Хозандага, и только 15 семейств в числе 155 душ, преимущественно сирот, вдов и родственников прежних переселенцев, согласно просьбе турецких начальств и последовавшему по этому поводу разрешению главнокомандующего, оставлены в Карском пашалыке.

Таким образом, за исключением умерших и бежавших переселенцев, из числа ушедших в 1865 г. в Турцию 5,000 семейств, в числе 22,491 души, поселены были в вышеозначенных пунктах Анатолии 21,920 душ.

Поселение чеченцев в Месопотамии, где они находились между арабами, и в Сивасе, где были разбросаны между курдами и кизил-башами, исполняя относительно удаления от нашей границы условия, требовавшиеся кавказским начальством и выраженные в состоявшемся соглашении с турецким правительством, вместе с тем удовлетворило и видам императорского посла ген. Игнатьева, по указаниям которого кап. Зеленой озаботился, чтобы чеченцы по мере возможности не были поселены между совершенно сплошным христианским населением.

Исполнив отлично возложенное на него поручение и доложив предварительно генералу Игнатьеву в Константинополе о подробностях водворения переселенцев в Анатолии, капитан Зеленой возвратился окончательно из командировки в октябре месяце 1867 г.; дальнейший же надзор за переселенцами, относительно недопущения их возвращаться с вышеупомянутых мест водворения в Эрзерумский пашалык и вообще в соседство нашей границы, по указаниям генерала Игнатьева поручен был консульству нашему в Эрзеруме.

Вскоре после перехода своего в пределы Турции, а именно с октября 1865 года, многие из чеченских переселенцев узнав, что земли, предназначенные турецким правительством для их поселения, весьма неудобны и на значительное расстояние удалены от нашей границы, начали заявлять желание возвратиться на родину. Когда же им было объявлено, что кавказское начальство не согласно принять обратно людей, которые однажды решились оставить отечество, они в довольно больших партиях начали появляться на наших границах, преимущественно в Арпачае, с целью добиться пропуска в Закавказский край. Обращаясь с просьбами о пропуске, они заявили, между прочим, что согласны поселиться где бы то ни было на Кавказе и даже внутри России; что готовы принять православие, лишь бы их пропустили на Кавказ; что если не добьются разрешения на то, то скорее все погибнут на границе, чем пойдут в назначенные им в Турции места для поселения и т. п. Получив и после таких заявлений отказ, они делали было попытку прорваться силою чрез нашу границу, но принятыми энергичными мерами, как со стороны кавказского начальства, которое немедленно распорядилось усилением кордонов регулярными войсками, так и со стороны местных властей в Карсе, которые, по настоянию нашего комиссара, поддержанному из Тифлиса и Константинополя, выслали

войска для удаления чеченцев от границы,- успех такой попытки предотвращен был вовремя. Таким образом, случаев произвольного возвращения чеченских переселенцев из Турции до конца 1865 года не было.

С последних чисел декабря 1865 года начали появляться в Тифлисе, Гори, Лорийском приставстве и в разных других местах Тифлисской и Эриванской губерний. незначительные партии чеченцев в состав от 5-20 душ каждая, пробиравшиеся чрез нашу границу и проходившие далее, будучи не замеченными ни кордонною стражею, ни местною земскою полициею. Таких перебежчиков появилось в последних числах декабря 1865 г. и с января по октябрь 1866 г. не более 80-100 человек мужчин, женщин и детей. Ввиду бедственного их положения, а также и в тех соображениях, что появление их в Терской области в таковом положении может способствовать к рассеянию в среде тамошних горцев твердо укоренившегося в них убеждения о преимуществах жизни в Турции, всем этим перебежчикам было дозволено возвратиться на родину и даже оказано пособие на следование до Владикавказа. Кроме того, по представлениям начальника Терской области, а в некоторых случаях и по ходатайствам нашего комиссара в Турции, разрешено возвратиться на родину некоторым из числа таких переселенцев, коих местное начальство считало вполне благонадежными. Из дел кавказского горского управления видно, что до конца 1860 г. как главное кавказское начальство, так и ген.-адъютант М.Т.Лорис-Меликов считали полезным возвращение в Чечню негласно нескольких десятков семейств чеченских переселенцев.

Только в октябре 1866 г., когда во Владикавказе появилась совершенно неожиданно партия в 162 человека, пробравшаяся чрез границу и далее никем не замеченною, вследствие ходатайства начальника Терской области было сделано сношение с гражданским ведомством и с кордон-

ным начальством об усилении надзора на кордонах и в тех частях Закавказского края, чрез кои проходили возвращавшиеся из Турции тайно чеченские семейства. Таким образом, до исхода 1867 года возвратилось из Турции и водворено на прежних местах жительства, считая и тех, коим разрешено было возвратиться, никак не более 300 человек чеченских эмигрантов, и до того времени кавказское начальство не считало эту обратную эмиграцию особенно вредною для края.

С начала 1867 года дело приняло другой оборот. Не считая значительного числа партий, не пропущенных чрез границу, прорвались тайно в наши пределы и затем задержаны в разных местах, преимущественно в Александропольском и Тифлисском уездах и в гор. Тифлисе, по военнo-грузинской дороге и в самом Владикавказе в 1867 г. 7 партий в составе 162 душ, в 1868 г.—22 партии, в составе 663 душ; в 1869 г.—20 партий, в составе 369 душ и в 1870 г.—25 партий в составе 1,263 души мужчин, женщин и детей.

Все эти люди пребывали в крайней нищете, не имея решительно никакого имущества, никаких перевозочных средств и никаких средств к пропитанию; они были прикрыты, в большинстве случаев только лохмотьями, дети являлись нередко совершенно нагими; между ними бывало довольно много больных, а следы крайнего изнурения от скудного продовольствия и долгих лишений были заметны почти на всех; огнестрельного оружия при них обыкновенно не было. Из опросов их дознано, что они возвращались или из сопредельных с Закавказским краем турецких пашалыков (до 1867 г.), или из окрестностей Диарбекира, Эрзингиана и Сиваса (после 1866 г.); что места, назначенные турецким правительством для их поселения, вовсе неудобны для какого бы то ни было хозяйства, так как почва на этих местах каменисто-песчаная и мало или вовсе не оро-

шается водою; что климат в тех местах крайне знойный и вредный для здоровья; что очень много из их единоплеменников погибло уже от климатических болезней и от изнурения; что они не заводились ни жилищами, ни каким бы то ни было хозяйством, а кочевали под открытым небом и снискивали себе кое-какое пропитание или чрез продажу бывшего у них имущества, или выпрашиванием подаяния у соседних кочевников; что решились возвратиться в Россию, не видя другого исхода для спасения от гибели себя и своих семейств и рассчитывая на милосердие русского правительства; что разрешения на обратное следование в Россию не получали от турецких властей, а следовали как в турецких, так и в русских пределах без всяких письменных видов; что в пути находились от 3—5 месяцев (прибывшие после 1867 г.) и во все время следования не имели никаких собственных средств для продовольствия себя и семейств своих, а довольствовались только тем, что из сожаления к их бедственному положению уделяли им жители тех местностей, чрез которые они проходили; что турецкие власти не препятствовали их обратному следованию; что чрез границу нашу они проходили обыкновенно ночью, не замеченные кордонною стражею, что в Закавказском крае проходили, в большинстве случаев, по проселочным тропинкам, скрываясь днем в лесах или оврагах; при следовании по закавказскому краю, они получали иногда от сельских жителей подаяние хлебом, сыром и другими продуктами, но большею частью или голодали, или довольствовались употреблением в пищу лесных плодов или корешков растений; что единственная их просьба разрешить им остаться в России; что они готовы принять какие угодно начальству условия: согласны поселиться в Сибири, идти в солдаты (так обыкновенно выражались представители партий), лишь бы не возвращаться в Турцию; что они убедились

горьким опытом в преимуществах жизни в России и постараются убедить в этом других горцев и т. д.

По получении уведомления о прибытии партии эмигрантов, правительство наше или возвращало их обратно в Турцию, или же водворяло в Терской области.

В большинстве случаев, прибывшим чеченцам, ввиду их крайней нищеты, выдавалось пособие в размере от 5 до 10 коп. в день на каждого за время от задержания их до прибытия во Владикавказ или обратно до границы; производились на них иногда и другие расходы, так, в зимнее время нанималось помещение для прибывших в Тифлис, родильницам покупалась улучшенная пища, нагим детям приобретались рубахи и другое прикрытие, больные и прибывшее зимою с отмороженными членами отправляемы были во Владикавказ на нанятых арбах, выдавалось пособие на похороны умерших в Тифлисе и т. д.

С конца 1866 года до последнего времени главное кавказское начальство и особенно начальство Терской области придерживались того мнения, что всех прибывающих в наши пределы чеченских переселенцев надлежит немедленно удалять обратно в Турцию и ни в каком случае не допускать водворения их в Терской области, но отступление от такой системы действий делались постоянно, но не вследствие, однако, перемены взгляда на дело, а из сожаления к крайне бедственному положению прибывавших переселенцев. В 1868 году несколько небольших партий отправлено было из Тифлиса в Чечню не по военно-грузинской дороге, а очень окружным путем — через Закавказский округ и Дагестан, в тех предположениях, что появление в этих частях края, где в то время проявилось фанатическое стремление к переселению в Турцию, бедствующих переселенцев рассеет такое стремление. Мера эта однако же не произвела ожидаемого эффекта; фанатические закатальцы и дагестанцы взглянули на проследовав-

ших чеченцев, как на агентов правительственных, а не как на людей, могущих своим примером ослабить в них стремление к добровольной гибели.

В том же, 1868, году явилось предположение о направлении прибывающих партий в Кубанскую область для водворения на свободных казенных землях Лабинского округа и уже сделаны были надлежащие распоряжения по приведению такой меры в исполнение. Несколько из прибывших в Тифлис партий направлены были в Кубанскую область, но при следовании туда они все были задержаны во Владикавказе и затем, по распоряжению начальника Терской области, водворены в Чечне на прежних местах жительства.

Ввиду принятой системы и постоянного прорыва новых партий, были сделаны сношения с походным атаманом казачьих войск, состоящих при кавказской армии, и с губернаторами эриванским, тифлисским и елисаветопольским; с первым об усилении бдительности на кордонах, а с последними — о более тщательном надзоре за появляющимися в крае из Турции беспаспортными людьми и о направлении всех таких людей обратно в Турцию. В ответ на такие сношения, походный атаман заявлял обыкновенно, что случаи тайного прохода чрез границу турецких подданных следует приписывать не столько слабости надзора на кордонах, сколько тому, что наши пограничные кочевники способствуют такому переходу, что такой переход едва ли возможно предупредить во всех случаях, при малочисленности кордонной стражи и притом удобстве, которое представляет для тайного перехода наша граница с Турцией; губернаторы же, со своей стороны, сообщали, что ими делаются постоянные подтверждения о соблюдении всех установленных правил в отношении появляющихся из заграницы в крае беспаспортных людей, но что появление таких людей, даже в значительных партиях, уездные и

сельские полиции, при имеющихся у них средствах, не в состоянии предупредить, если только не будет соблюдаема должная бдительность на кордонах.

С сентября 1870 года начали поступать к кавказскому начальству от наших консулов в Азиатской Турции конфиденциальные заявления, что в виду натянутых в то время отношений нашего правительства с Портой, турецкие администраторы в Азиатской Турции заботятся о высылке и выслали уже на Кавказ нескольких эmissаров из переселившихся в Турцию в разное время кавказских горцев, с тою целью, чтобы подготовить в мусульманских частях Кавказа возмущение на случай войны Турции с Россией. Ввиду таких сведений, о коих в свое время поставлены были в известность начальники главных отделов края, было сделано распоряжение о воспрещении всем тем кавказским горцам, кои когда либо переселились в Турцию с разрешения или без разрешения кавказского начальства под каким бы то ни было предлогом возвращаться на Кавказ, и о немедленном отправлении в Турцию тех из них, кои появятся в Закавказском крае.

Хотя отношения наши к Порте впоследствии приняли иной оборот и хотя затруднения, могущие возникнуть от появления на Кавказе турецких эmissаров частью были устранены распоряжениями местных начальников, тем не менее, распоряжение это оставлено в своей силе.

В 1871 году начали вновь появляться в Тифлисе чеченские партии, пробравшиеся чрез нашу границу с Турциею и по Закавказскому краю, не будучи замеченными при следовании ни кордонною стражею, ни местными полицейскими властями. Первая партия в 25 душ прибыла в Тифлис 4-го мая и чрез несколько дней после того отправлена во Владикавказ; вторая партия в 72 души, прибыла в Тифлис 15-го мая и отправлена во Владикавказ 22-го; в

обоих случаях - из сожаления к крайне бедственному их положению.

Прибывшие показали, что вслед за ними следует еще несколько партий, и что все без исключения чеченские эмигранты стремятся возвратиться в Россию. Показание их не замедлило отчасти оправдаться: 23-го и 24-го мая явились в Тифлис две новые партии, одна в 127, другая в 99 человек.

VIII

Положение и размещение чеченцев в Турции. Рассказ Дарбиш Джордиева и донесение консула нашего в Эрзеруме. Смертность между чеченцами.

1871 г.

Таким образом, переселение в Турцию значительной части жителей Большой и Малой Чечни было окончено в течение трех с половиною месяцев и Терская область избавилась от самой беспокойной части ее населения.

Что касается дальнейшей участи чеченцев в Турции, то положение их там было крайне печальное. Вот что, между прочим, рассказывал Дарбиш Джордиев, уроженец сел. Назрань, служивший прежде в назрановской милиции, человек бывалый и толковый, возвратившийся на Кавказ в 1871 году:

«Первоначально все переселенцы были направлены верст на 200 южнее Диарбекира и Эрзингиана, где им отведены были для поселения места каменистые, песчаные, безводные и потому негодные для какого бы то ни было хозяйства. Вскоре после прибытия их туда, весь скот, бараны и лошади погибли от недостатка корма. Сами же переселенцы, в продолжение первых четырех лет получали от турецкого правительства муку, а иногда рис, но все это в крайне недостаточном для пропитания их семейств коли-

честве. Наконец, в последние 4 года они были лишены и этого пособия. Недостаток пищи и другого рода лишения при весьма знойном и вредном для здоровья климате, развили между переселенцами болезненность, от которой большая половина их погибла. Никто из чеченцев не заводился ни жилищем, ни хозяйством. Все эти бедствия заставили их покинуть отведенные им места и потянуться на север. В настоящее время нет уже ни одного чеченского семейства южнее Диарбекира.

Из чеченцев по распоряжению турецкого правительства был сформирован в Диарбекире конный полк из 1,000 чел. Полковым командиром был назначен Шамхалбек Цугов, человек лет 40, племянник Алико Цугова, бывшего карабулакского старшины. Каждый всадник полка получал в месяц 7 рублей и, кроме того, провиант для себя и продовольствие для лошадей; урядники же и офицеры от 10 до 30 рублей в месяц. При подавлении вспыхнувшего в то время в Аравии возмущения участвовал и Диарбекирский чеченский полк.

Кроме того, некоторые чеченцы состоят на службе в пехотных войсках, расположенных в Карсе; остальные затем проживают временно в окрестностях Муша, Эрзерума и Карса, где жители им уступают брошенные конюшни и другие постройки и оказывают пособие продуктами; многие добывают себе пропитание заработками. Вообще же чеченцы, за исключением разве состоящих на службе или обеспеченных каким-либо другим образом, собираются оставить Турцию и выжидают только удобного случая для возвращения на Кавказ».

Это показание Джордиева, во многом справедливое, грешит только в показаниях о размещении в азиатской Турции. Сообщаемые им сведения, что к югу от Диарбекира нет ни одного семейства горцев - не верно...

...Из переселившихся в 1865 г. в Турцию слишком 22 т. душ, в 1871 г. осталось лишь 10 т.; многие умерли от зловредного климата северной и средней Месопотамии.

IX

Дагестан. Война наша с лезгинами. Выселение горцев в Турцию и противопоставляемые ему затруднения. Политика кн. Барятинского.

1859 – 1873 гг.

За Андийским хребтом, составляющим южную границу Чечни, лежит Дагестан, примыкающий восточную стороною к Каспийскому морю, а на юге и западе, замыкающийся главным Кавказским хребтом. Площадь его, имеющая вид прямолинейного треугольника, занимает пространство в 519 кв. миль или 23,113 кв. верст. Это самая дикая, суровая и неприступная часть Кавказа. Среди почти полумиллионного ее населения, известного под именем лезгин, с давних времен образовалось множество обществ (Анди, Салатау, Гумбет и др.), союзов (Даргинский, Анкратльский, Ункратльский) и даже владений (Авария, ханства Казикумухское, Кюринское, Мехтулинское, Кубинское и Дербентское, шамхальство Тарковское, уцмийство Кайтагское и маасумство Табасаранское), перенесшие свои названия на самих горцев, которых начали называть Аварцами, Даргинцами, Казикумухами (или Лаками), Кюринцами и т. д.

Лезгины, сохранив в общественном устройстве первобытные формы, всегда отличались воинственностью и любили независимость, а если в былое время подпадали под иноплеменное владычество, то только благодаря раздробленности на множество мелких племен, весьма редко сливавшихся в одну сплоченную общими интересами мас-

су. В исторической нашей летописи за прошедшее столетие в особенности замечательны два похода русских в Дагестан: Петра I в 1722 году и графа Валериана Зубова в 1796 году. С водворением же нашим в Грузии, при Георгии XII, война с лезгинами почти не прекращалась и только А.П. Ермолову, наводившему ужас своими экспедициями, удалось смирить горцев и удержать их в повиновении. При ближайших же его преемниках, когда среди лезгин начал распространяться мюридизм⁶³, принявший скоро и политический характер, Дагестан снова восстал, имея на этот раз во главе своего движения людей, столько же замечательных умом, сколько проникнутых фанатизмом и безграничным честолюбием. Такими поборниками за свободу явились Кази-Мулла (убит в 1832 году), отчасти Гамзат (убит в 1834 году) и в особенности Шамиль (умер в Медине в 1871 году), успевший в 1843 году вырвать из рук наших почти весь Дагестан и уничтожить, таким образом, плоды наших лучших экспедиций за время с 1832 по 1842 год. Экспедиция, предпринятая кн. Воронцовым⁶⁴ в 1845 году в Дарго (сухарная экспедиция), также кончилась для нас полною неудачею; влияние же Шамиля, уже упроченное, видимо начало усиливаться и с переменным счастьем удержалось им до пленения его кн. Барятинским на Гунибе. Здесь, в центре Дагестана, завершилась 25-го августа 1859г. почти 60-тилетняя наша с племенами восточного Кавказа, война и в жизни их наступила новая эпоха⁶⁵.

С утверждением нашего владычества в Дагестане, в прежних вольных обществах, а особенно в приморской его части, также не раз проявлялось среди туземного населения стремление к уходу в Турцию, хотя далеко не в тех размерах, как мы это видели у черкесов и чеченцев. Обстоятельство это объясняется тем, что правительство разрешало увольнять ежегодно только определенное число семейств, которые получали паспорта под видом отправле-

ния на богомолье в Мекку, с уплатою за себя повинностей за десять лет, причем им объявлялось, что после ухода их за границу им возбраняется возвращение на родину. Такая мера давала возможность самым крайним фанатикам выселиться в Турцию беспрепятственно и тем освобождала остальное население области от возбуждения с их стороны к выселению массами. В предшествовавшее до 1872 года время разрешалось увольнять таким способом из Дагестана до 150-ти семейств ежегодно; в 1872 году было разрешено уволить 250, а в 1873 году 300 семейств; выселилось, однако, в 1872 году только 120.

Но, скажем мы, в заключение нашей статьи, если выселение Дагестанских горцев не приняло громадных размеров, то единственным объяснением этого факта должно признать политику кн. Барятинского, никогда не сочувствовавшего этому выселению, и потому придавая только вид полной готовности ему содействовать, на самом деле ставил ему непреодолимые преграды, к числу которых относится требование уплаты податей вперед за десять лет. Невозможность исполнить такое требование и объясняется приведенными выше цифрами изъявивших желание выселиться и действительно выселившихся.

г. Тифлис

Ад. П. Берже.
1882 г.

Примечания

1. Селим II – турецкий султан, правил в 1566-1574 гг.
2. Аманаты – заложники.
3. Персияне – персы, иранцы.
4. Генуэзские колонии в северном Причерноморье возникли в XIII в., представляли собой укрепленные

торговые центры генуэзских купцов. Главным городом была Кафа (совр. Феодосия). Вели посредническую торговлю со странами Западной и Восточной Европы. В 1475 г. Захвачены и разгромлены Турцией.

5. Барятинский Александр Иванович, князь (1814-1879) – генерал-фельдмаршал, на Кавказе служил с 1833, дважды ранен, с 1856 г. главнокомандующий Отдельным кавказским корпусом (позднее переименованным в Кавказскую армию) и кавказский наместник. Уволен в отставку из-за расстроенного здоровья в декабре 1862 г.

6. Письмо начальника штаба Кавказской армии генерала Карцова к управляющему русской миссией в Константинополе от 23-го августа 1863 г. – прим. А.П.Берже. Карцов А.П. (1817-1875) – генерал-адъютант, с 1860 г. занимал должность начальника генерального штаба Кавказской армии, был помощником главнокомандующего армией.

7. Руководителем экспедиции был назначен подполковник Иван Дмитриевич Бухгольц. В 1715 г. экспедиция (ок. 3 тыс. человек на 60-ти судах) в сопровождении драгун и двух полков пехоты отправились вверх по Иртышу. В район Ярмышева озера на них напали 10 тыс. калмыков. После 3-месячной осады остатки экспедиции (700 человек) вернулись в Тобольск.

8. Новороссия (Новороссийский край) – официальное название Сев. Причерноморья (со 2-ой пол. XVIII в до 1917 г.). Вошла в состав России в XVIII веке по нескольким мирным договорам с Турцией (1739, 1774, 1791, 1812). В 1772 г. по договору с крымским ханом Сахиб-Гиреем Крым был объявлен независимым от Турции и под покровительством России. В 1783 г. произошло присоединение Крыма к России.

9. Порта Оттоманская (Высокая Порта, Блистательная Порта) – употреблявшиеся в европейских дипло-

матических документах и литературе официальное название правительства Османской империи.

10. Адрианопольский мир (1829 г.) – завершил русско-турецкую войну 1828-1829 гг.

11. Кочерма (коч. кочмара) – двухмачтовое палубное морское судно.

12. Наполеон III, Шарль Луи Наполеон Бонапарт (1808-1873) – французский император, сын падчерицы Наполеона I Гортензии Богарне и его брата Луи. До 1848 г. находился в изгнании. В 1852 г. при помощи военных осуществил государственный переворот, через год был провозглашен императором. Попал в плен к пруссакам (1870 г.), освобожден в 1871 г. и до конца жизни жил в Англии.

13. В результате Петербургских конвенций 1770-1790-х годов о разделе Речи Посполитой, Польша перестала существовать как самостоятельное государство, её территория была поделена между Россией, Пруссией и Австрией. Государственная целостность и суверенитет Польши были восстановлены в августе 1918 г.

14. О своей авантюристической попытке вмешаться в Кавказскую войну Т. Лапинский рассказал в книге: Lapinsky (Tesik-bey) Theophil, Oberstund Commandant einer polnischen Truppen – Abtheilung im Lander der unabhängigen Kaukasier. Die Bergvolker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen. Nach eigener Anschauung geschildert. Hamburg. 1863.

15. Письмо графа Евдокимова (см. прим. 6 к материалу А.П.Николаи – В.Ш.) к генералу Карцову от 5-го января 1863 г. – прим. А.П.Б.

16. Милютин Дмитрий Алексеевич (1816-1912) – граф, генерал-фельдмаршал, в 1856-1859 гг. начальник генерального штаба Кавказской армии.

17. См. прим. 6 к материалу А.П.Николаи.

18. Письмо генерала Карцова к управляющему

русской миссией в Константинополе от 23-го августа 1863 – прим А.П.Б.

19. Шапсуги, убыхи, бжедухи – черкесские племена; абадзехи – адыгейцы.

20. Письмо графа Евдокимова к генералу Карцову от 25-го июля 1862 года – прим А.П.Б.

21. Лорис – Меликов М.Т. (1825-1888) – российский государственный деятель, генерал-адъютант. С конца 1840-х годов участвовал в военных действиях против Шамиля и турок в 1853-1856 гг. Позднее занимал ряд военно-административных должностей на Кавказе.

22. Отзыв князя А.Б. Лобанова-Ростовского от 15-го декабря 1859 г. – прим. А.П.Б. Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824-1896) – русский дипломат, был послом в Турции, Англии, Австро-Венгрии, Германии. С 1805 г. – министр иностранных дел.

23. Депеша Новикова (российского поверенного в делах при правительстве Турции – В.Ш.) к вице-канцлеру от 14(26) апреля 1864 года – прим. А.П.Б.

24. Письмо командующего армией князя Орбеляни (см. прим. 10 к материалу А.П.Николаи – В.Ш.) к графу Евдокимову от 11-го сентября 1862 года – прим. А.П.Б.

25. Письмо графа Евдокимова к генералу Карцову от 5-го сентября 1862 года – прим. А.П.Б.

26. Письмо князя Орбеляни к графу Евдокимову от 11-го сентября 1862 года – прим. А.П.Б.

27. Письмо генерала Карцова к Новикову от 19-го октября 1863 года – прим. А.П.Б.

28. Письмо Новикова к генералу Карцову от 23-го ноября/5 декабря 1863 года – прим. А.П.Б.

29. Письмо генерала Карцова к Новикову от 19 октября 1863 года – прим. А.П.Б.

30. Письмо Новикова к генералу Карцову от 5

(17) апреля 1864 года – прим. А.П.Б.

31. Письмо графа Евдокимова к генералу Карцову от 19 сентября 1863 года – прим. А.П.Б.

32. Отзыв главнокомандующего к военному министру от 10-го ноября 1863 года – прим. А.П.Б.

33. Общество требовало 20 тысяч рублей в месяц за пароход под 1000 пассажиров или 10 тысяч пудов багажа – прим. А.П.Б.

34. Анатолия – (букв. – восток) – турецкая провинция на западе Малой Азии с центром в Кютахье.

35. Письмо графа Евдокимова к генералу Карцову от 5-го января 1863 года – прим. А.П.Б.

36. Письмо Мошнина к генералу Карцову от 28 декабря 1863 года – прим. А.П.Б.

37. Донесение вице-консула в Варне к поверенному в делах в Константинополе от 18 декабря 1863 года – прим. А.П.Б.

38. Письмо Мошнина к генералу Карцову от 28 декабря 1863 года – прим. А.П.Б.

39. Письмо Мошнина к генералу Карцову от 13-го мая 1864 года – прим. А.П.Б.

40. То же от 11-го декабря 1863 года – прим. А.П.Б.

41. То же от 22-го апреля 1864 года – прим. А.П.Б.

42. Пашалык (тур.) – в султанской Турции – провинция, область, управляющаяся пашой.

43. Письмо Мошнина к генералу Карцову от 8-го июля 1864 года – прим. А.П.Б.

44. Письмо Мошнина к генералу Карцову от 24-го июня 1864 года – прим. А.П.Б.

45. Меджидие (тур.) – золотая монета, равнявшаяся 8,5 руб.

46. Пиастр (куруш) – турецкая серебряная моне-

та; 20 пиастров равнялись серебряному меджидие.

47. Райя (тур.) – в XIX веке название немусульманского населения.

48. Письмо Мошнина к генералу Карцову от 21-го февраля 1864 года – прим. А.П.Б.

49. Рапорт начальника Сухумской морской станции от 13-го июня 1864 года – прим. А.П.Б.

50. Рапорт наказного атамана Кубанского войска начальнику штаба от 10-го января 1865 года – прим. А.П.Б.

51. Игнатьев Николай Павлович (1832-1908), граф – русский дипломат, генерал-адъютант, в 1864-1877 гг. – посол в Турции.

52. Шейх-Мансур (Ушурма) – видный деятель кавказской войны конца XVIII века, выиграл несколько сражений с царскими войсками. Во время второй русско-турецкой войны (1787-1791) на помощь ему пришли турки. После разгрома турецкого войска Батал-бей, отступил к Анапе. После взятия последней штурмом (1791 г.), попал в плен, сослан в Соловецкий монастырь, где и умер.

53. Булгаков Сергей Алексеевич, генерал, умер в 1808 г.

54. Ермолов Алексей Петрович (1777-1861) – генерал от артиллерии, участник похода в Персию (1796 г.), Отечественной войны 1812 года, заграничных походов русской армии 1813-1814 гг. В 1816 г. назначен командиром отдельного грузинского (Кавказского) корпуса, возглавлял военную и гражданскую власть на Кавказе до 1827 г. Меры, принимаемые Ермоловым для покорения горных племен часто признавались жестокими и современниками, и потомками.

55. Гяур – неверный, немусульманин.

56. Абрек – горец, лихой наездник (джигит), не щадящий головы; также беглец, участвующий в шайке грабителей – прим. А.П.Б.

57. Мирский (Святополк-Мирский) Дмитрий Иванович (1825-1899), князь, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, после покорения Восточного Кавказа был начальником Терской области.

58. Ума Дуев и Атаби Атаев – наиб Шароевского наибства и окружной кадий – вожди чеченского национально-освободительного движения 1860 - 1861 гг. (Аргунское восстание). Подавлено превосходящими правительственными силами в декабре 1861 г. Подробнее см: Нунуев С-Х. Нахи и священная история. Ярославль, 1898. с. 306-326.

59. Зикр – воспоминание, упоминание, чтение громким голосом Корана и произнесение имен Бога – прим. А.П.Б.

60. Наибство – в некоторых мусульманских странах территория, управляемая наибом, осуществляющим военную, административную и духовную власть.

61. Кундухов Мусса Алхас, род. в 1820г.,воспитывался в Павловском кадетском корпусе, из которого выпущен в 1836 году корнетом «с состоянию по кавалерии при отдельном кавказском корпусе».В 1838 году ему был пожалован чин поручика.В 1839 году Кундухов был прикомандирован к горскому казачьему полку и за отличие в борьбе с горцами произведен в штаб-ротмистры, а в 1841 ему был пожалован орден Св.Владимира 4-й степени с бантом и чин ротмистра. В 1844 году прикомандирован к владикавказскому казачьему полку; в1847 произведен в чин майора; в 1849 году назначен начальником команды горцев, отправленных на службу в Варшаву и командуящим кавказским конно-горским дивизионом; в 1850 году произведен в подполковники; в 1853 году награжден золотой шашкой с надписью «За храбрость»; в 1857 году произведен в полковники; в 1858 – награжден орденом Св.Владимира 3-й степени с мечами; с 1860 года занимал

должность начальника чеченского округа в звании генерал-майора. Участвовал во многих походах и экспедициях против горцев.

Выехав из России, Кундухов в Турции сначала не занимал никакого официального положения, затем получил чин лива (генерал-майора) и пост члена совета (меджлиса) 4-го Анатолийского корпуса. Участвовал на стороне турок в русско-турецкой войне 1877-1878 годов. После войны Кундухов (Муса-паша) командовал дивизией, расположенной в Ване и действовавшей в Курдистане – составлено по прим. А.П.Б.

62. Из числа этих переселенцев 5 чел. явились к главнокомандующему в Тифлисе с просьбой о дозволении всем переселившимся чеченцам возвратиться на родину. Как в то время Его Императорское Высочество Великий князь Михаил Николаевич лично смотрел на дело переселения чеченцев и на их прошедшее положение, видно из резолюции Его высочества, положенной на записке генерал-адъютанта Карцова:

«Кровопролитие мне крайне прискорбно и сожалею, что не нашли возможным предупредить оное. Если бы возможно было мне следовать влечению моего сердца, я бы немедленно впустил несчастных чеченцев в наши пределы» – прим. А.П.Б.

63. Мюридизм (послушничество) – религиозно-мистическое течение в исламе, охватившее в 1820-50 гг. Кавказ. Мюридизм требует от своих приверженцев безусловного подчинения их духовным наставникам – шейхам, устазам и т.д., отказа от проявления собственной воли, презрения к мирскому, участие в общих богослужениях.

64. Воронцов Михаил Семёнович (1782-1856), князь-генерал-фельдмаршал, в 1844-1854 гг. наместник на Кавказе и главнокомандующий отдельным Кавказским корпусом.

65. Нет оснований сомневаться в том, что А.П.Берже был искренен в своих надеждах на то, что окончание войны даст кавказским горцам возможность пойти по пути цивилизации и культурного развития. Так же думали и многие другие передовые русские люди. Их чувства достаточно полно выразил П.А. Вяземский, стихи которого были зачитаны на обеде в честь А.И. Барятинского 18 января 1860 года в Английском клубе:

Кавказ вспахали наши рати,
Косьтми засеяли бразды,
Чтоб после жатва благодати
Созрела в добрые плоды...

Алексей Васильевич Пешехонов

Алексей Васильевич Пешехонов родился 21 января 1867 г. в Тверской губернии в семье священника, закончил духовное училище, исключен из духовной семинарии за издание нелегального рукописного журнала «Из-под гнета». Работал учителем, отбывал воинскую повинность в Дагестане, принимал участие в земской работе. Летом 1891 г. учился на землемера в ярославском имении кн. Д.И. Шаховского, в 1892 г. работал вольнонаемным землемером в Ярославской губернии.

Всё это время вел революционную народническую работу. В 1898 г. ему навсегда запретили заниматься земской деятельностью. В этом же году был приглашен Н.К. Михайловским в его журнал «Русское богатство» постоянным сотрудником в отдел «Хроника внутренней жизни», с 1904 года член его редакции. В этот период Пешехонов занимал позиции либерального народника, сотрудничая одновременно и с эсерами, писал для них прокламации, а также в их центральный орган «Революционная Рос-

сия”. Входил в состав делегации общественных деятелей, пытавшихся предотвратить расправу над рабочей демонстрацией 9 января 1905 года. В связи с этим был арестован, заключен в Петропавловскую крепость, а затем выслан в Псковскую губернию. После издания Манифеста 17 октября 1905 года вернулся в Петербург, стал одним из основателей и лидеров партии народных социалистов. После слияния последней с трудовиками входил в Центральный Комитет Трудовой народно-социалистической партии, издавал ее газету “Народное слово”, входил в главный организационный комитет Всероссийского крестьянского союза. С мая по август 1917 года Пешехонов возглавлял министерство продовольствия во Временном правительстве. После прихода к власти большевиков вел борьбу против Советской власти, в 1922 году выслан за границу, жил в Риге, Праге Берлине. С 1927 года работал в торговле СССР в Прибалтике. Умер в 1933 году в Риге, похоронен в Ленинграде.

Публикуемый материал взят из журнала «Русское богатство» (1911. №7,9,11).

КУЛЬТУРНАЯ ДРАМА

I

Из личных воспоминаний. Из истории последних лет. Разбойничьи племена или порочные люди? Туземное правосознание и государственная власть.

Начну с кое-каких личных воспоминаний.

Лет двадцать тому назад мне пришлось пройти этапным порядком от Владикавказа до укр. Ходжал-Махи (недалеко от Гуниба) и затем два года прослужить солдатом в Дагестане...

Совершил я и обратный путь – на этот раз по проходному свидетельству –до Владикавказа. В результате этих путешествий по Терской области и пребывания в Дагестанской у меня получилось некоторое представление о жизни на Северном Кавказе, конечно, - неполное и поверхностное, но имевшее все-таки характер непосредственности: кое-что из тамошней жизни я лично видел, кое о чем слышал от ее участников, кое в чем прямо-таки ее почувствовал. И до сих пор моя память сохранила некоторые из впечатлений, какие тогда оставила во мне эта своеобразная жизнь.

Своеобразная даже во внешних своих формах... Возьму хотя бы постройки. Не только в мелких поселениях, но и в таких крупных слободах, как Хасав-Юрт, и даже на городских окраинах, как в Грозном, многие дома были обращены фасадами не на улицу, а во двор. Туда же выходили своими отверстиями и все другие постройки данного владельца, расположенные, обыкновенно, сплошным четырехугольником, который замыкался крепкими воротами. Окна, обращенные на улицу, обязательно были снабжены прочными ставнями, с железными болтами, проходившими внутрь и отсюда запиравшимися на ночь. В ряде других особенностей местной архитектуры сказывалось тоже стремление превратить свой семейный очаг в военную крепость, способную выдержать нападение.

Не мало поражал свежего человека и воинственный вид местных жителей. Оружие являлось у них необходимою и чуть ли не главною принадлежностью мужского туалета, начиная с детского возраста. Нередко, например, можно было встретить туземца почти в лохмотьях с дорогим кинжалом на блестящем серебре поясе. Видно было, что это главная его гордость и, быть может, единственное богатство. Вообще в отношениях кавказского и, в особенности, горского населения к оружию проглядывало какое-

то особое чувство, которое я даже затрудняюсь выразить каким-либо русским словом.

Помню, я как-то заспорил с одним горцем-подростком о сравнительных преимуществах кинжала и револьвера. Я считал револьвер более сильным оружием, а мой собеседник доказывал преимущества в этом отношении кинжала. Тема была не сложная и все, возможные с той и другой стороны, аргументы довольно скоро и сравнительно легко были исчерпаны нами при помощи жестов и тех немногих слов, какие я знал по-горски, а мой оппонент — по-русски. Друг друга мы не убедили... Нашелся, однако, еще довод, которого я совершенно не предвидел. Мой собеседник неожиданно убежал, но скоро опять появился, — на этот раз с револьвером. Сунув последний мне в руки и обнажив висевший на поясе кинжал, он встал в боевую позицию и знаками приглашал меня на деле испытать силу того и другого оружия. Я даже вздрогнул: такая в его глазах горела решимость убить меня или самому погибнуть, лишь бы надлежащим образом разрешить глубоко его взволновавший спор, — спор, который я затеял от нечего делать...

Отпечаток воинственности, лежавший на местной жизни, и воинственная психика местных жителей во многих случаях представлялись не больше, как пережитками, унаследованными от тех времен, когда на Кавказе шла беспрерывная война, завершившаяся в конце концов его «замирением». Не раз, однако, приходилось убеждаться, что не в одной только истории лежат корни этой воинственности, что местами и современность дает ей немалую пищу.

При первом следовании по Терской области мы имели остановки, большею частью в станицах. Причем, меня помещали в одном доме с унтер-офицером и ефрейтором, которые сопровождали довольно большую партию новобранцев и которым был поручен «строгий присмотр»

надо мной. Отводившаяся нам квартира, обыкновенно, превращалась в своего рода клуб: в нее набирались станичники, нередко приходил и атаман как будто бы по делу, а на самом деле, чтобы попить чайку и поболтать с путешественниками, хотя и не очень знатными, но все-таки довольно занимательными. Случалось, что тут же за чаем, он делал свои распоряжения, назначал наряды, давал им инструкции: такие-то в секрет на такую-то дорогу, такие-то - на такую, залечь там-то, в случае чего действовать так-то... Оказывалось, что всякую ночь во все стороны от станицы высылаются секреты, чтобы предупредить возможность внезапного нападения. Днем же, в особенности в базарные дни, при всех въездах ставятся заставы, которые должны обыскивать приезжающих горцев и отбирать у них оружие на время пребывания в станице.

Разговор в таких случаях сам собой направлялся в определенное русло. В рассказах собеседников перед нами вставал целый ряд эпизодов из местной жизни, в которой мирный труд земледельца оказывался неразрывно связанным с чисто военными тревогами, а подчас — и кровавыми схватками. В громадном большинстве случаев дело шло об имуществе, которое необходимо было сторожить, не спуская глаз, и охранять, не жалея жизни. Больше всего приходилось опасаться за скот: его могли незаметно отделить и угнать из стада; могли увести со двора, разобрав стену или выломав ворота; могли отнять открытой силой при случайной встрече и внезапном нападении. Не малый соблазн для горцев представляло также оружие, в особенности усовершенствованное, приобретать которое законным путем они не имели права. Да и всяким другим добром они не прочь были поживиться... Но не редки были—чаще всего на почве мести— и иные счеты, в которых вопрос шел уже о жизни того или иного лица, а вместе с тем и всех его родственников.

Само собой понятно, что взаимные отношения между казаками и инородцами освещалась в этих рассказах, главным образом, со стороны первых. Жизнь горцев привлекалась рассказчиками лишь как материал для пояснений и мелькала перед нами в совершенно бессвязных отрывках:

- Им и своего убить ничего не стоит...

- Промежду себя-то они еще больше режутся...

За русского отвечать нужно, а между собою - кто их там разберет. Если и осудят которого, то только в другой аул на жительство переведут. Закон для них на этот счет легкий...

- Не в законе дело... Народ уж такой: чуть что, сейчас за кинжалы хватаются... Вон Касспулатка-то давеча заходил,- ведь он весь истыкан, места живого не найдешь...

Мы попросили как-то одного из таких «истыканных» показать нам свое тело. Он не заставил себя долго просить, моментально сбросил одежду, и перед нами предстал человек, чуть не сплошь покрытый шрамами. Найти цельное место и впрямь было трудно.

Жизнь бок о бок с людьми, падкими до чужого имущества и всегда готовыми пустить в ход оружие, была полна, конечно, всевозможных треволнений. По рассказам казаков, существование их представляло непрерывную цепь всевозможных беспокойств, обид и насилий, какие им приходится терпеть от туземцев.

Надо, однако, сказать, что счета казаков с горцами, - иногда очень старые и запутанные, - не мешали в отдельных случаях дружбе между ними, - подчас тоже давней и испытанной. Слышишь, бывало, в каком-нибудь рассказе, что вот-де в таком-то ауле «у меня есть кунак», - и думаешь, что это-ирония, что, в лучшем случае, это - просто знакомый. Но, оказывается, нет, это - действительный кунак, нечто большее, пожалуй, чем русский кум или сват...

Случалось, далее, что беседа принимала достаточно откровенный характер. Казаки не скрывали, что и они не прочь при случае поживиться имуществом туземцев, что и в их среде найдутся люди, способные угнать скот, отнять кинжал и даже принять участие в набеге...

За время службы в солдатах мне пришлось убедиться, что атмосфера хищничества и насилия, в которой протекает жизнь местного населения, не остается без влияния и на регулярные войска. В местных дагестанских частях это не так еще было заметно: случалось, бывало, что солдаты стащат что-нибудь у туземцев, но такие случаи имели характер обыкновенного воровства и даже «баловства». Отношения к туземному населению, вообще в Дагестане довольно мирному, резко, однако, изменились, когда к нам перевели батальон из Терской области, в котором и растворилась наша небольшая команда. После этого даже «баловство» получило разбойнический характер: например, ночные экспедиции в сады и виноградники туземцев предпринимались уже солдатами не иначе как с ружьями. И имуществу туземцев от нашего соседства грозил уже более серьезный ущерб. Не только до фруктов, но и до скота, бывало, добирались: если баран подвернется, то живо освежают...

Горцы, если им не удалось укараулить и отстоять свое имущество, прямо поражали потом своею беспомощностью... Помню как-то в составе взвода, без офицера, мы занимали караул в одном из укреплений, заброшенных в глубь гор. Пищевое довольствие нашей команды было организовано донельзя скверно и временами нам приходилось буквально голодать. Пожива в окрестных виноградниках была обильная, но для солдатского желудка слишком легкая. Скот же был далеко в горах. Лишь одна овца с двумя барашками паслась почему-то на соседней, совсем выжженной, горе, на самом виду у нас.

- Видно, бобылкины,- объяснили себе солдаты - не с кем, знать, в горы отправить...

Скоро, однако, один из барашков исчез. Долго потом «татарка»¹ бродила по пустынной горе, недоумевая – куда - бы он мог деваться. В конце концов, она, видимо, догадалась и направилась прямо к укреплению. Но подойти к нему не решилась и, постояв, побрела, рыдая, к аулу. Да и что бы она могла сделать?.. Ее несчастный вид разжалобил кое-кого из солдат, слышались даже упреки по адресу тех, кто спроворил барашка; но если бы татарка вздумала «заскандальить», то ей, вероятно, просто «накостыляли бы в шею».

Жалобы, конечно, бывали... Но за все время своей службы я не помню ни одного случая, когда бы солдата отдали под суд за кражу у туземцев. В лучшем случае, бывало, наложат дисциплинарное взыскание, да и то, если провинившийся солдат уже имел какие-либо счета с начальством. Вообще же сору из роты не выносили и туземцам на счет жалоб повадки не давали.

II

Я отметил лишь кое-какие штрихи из сохранившихся в моей памяти.

После того прошло двадцать лет. В течение довольно долгого времени мне как-то мало приходилось интересоваться кавказской жизнью, и в качестве публициста я почти не касался ее. Время от времени газеты поднимали шум по поводу кавказского «разбойничества», причем националистическая печать неизменно требовала усиления репрессий. Предлагались ею и некоторые общие меры, среди которых самыми верными и радикальными, обыкновенно, считались две: поголовное обезоружение туземного населения и введение паспортной системы для кавказского скота. Предпринимались попытки и осуществить эти меры,

хотя бы и не в полном их виде. Толку, однако, не выходило. Между тем, поднятый газетами шум, обыкновенно, затихал и националисты обращались к более интересным объектам для травли, вроде поляков и финляндцев, не говоря уже о неизменных евреях, пока кавказские инородцы вновь не привлекали почему-либо их внимания.

Жизнь же на Кавказе шла своим чередом. Можно было, конечно, надеяться, что она сама собой размост камень, положенный на пути русской государственности историей. Правда, планомерных усилий, чтобы приобщить полудиких горцев к культурной жизни почти не предпринималось, но культура ведь могла и должна была просочиться к ним через всякие щели. Вот и железная дорога прошла по самому предгорью, прорезав наиболее беспокойные местности Северного Кавказа - Чечню и Ингушетию. Гудермес - это один из самых «разбойничьих» аулов, а теперь там станции. Должно же это в местной жизни сказаться. Если штык оказался не в состоянии замирить горцев, то, может быть, купон их утихомирит. Пусть даже хищнические инстинкты надолго еще сохраняются, но в иные формы они будут отливаться, менее грубые и кровавые...

Однако и этим скромным расчетам не суждено было до сих пор оправдаться. Успехи капитала на Кавказе несомненны, видное место среди его деятелей занимают туземцы², но цивилизующее влияние его на последних до сих пор остается ничтожным. Этот изворотливый «джентльмен» сумел расположиться между штыком и кинжалом, несколько не стесняя и не стесняясь их. В результате новые формы хищничества развились, но и старыми оно продолжает широко пользоваться.

Жизнь на Кавказе вообще ведь поражает свою культурную пестротой. В ней рядом встречаются такие вещи и наблюдаются такие явления, которые, казалось бы,

должны быть разделены громадным промежутком во времени или пространстве. На дороге, по которой только что промчался стальной автомобиль, вы встретите потом допотопную арбу, в которой нет ни золотника железа. Сюда быстро доходит парижская мода и *jupes culottes*³, например, вероятно, уже выписаны кавказскими дамами; но отсюда не ушла еще чадра и здесь сохранились еще женские шальвары, свои юбки-штаны, которые носят туземные бабы. Многие горцы, как подлинны дикари, еще красят свои бороды красною краской, но и на Кавказе, конечно, имеются люди, которые спрыскивают их духами...

Не только в обывательском, но и в государственном обиходе царит эта пестрота. Здесь одновременно действуют и новое Уголовное Уложение и старая Русская Правда, с ее круговую ответственностью за преступления. Кроме «дикий виры», в дальнейшем изложении мы встретимся с не менее любопытным институтом «следоводителей», - вроде тех «следопытов», о которых мы читали у Фенимора Купера. У следоводителей есть еще дело, и тут же рядом филеры и провокаторы усердно работают. Может быть, нам придется упоминать и о ямах, которые в аулах служат для заключения арестуемых горцев, - о ямах, сохранившихся до сих пор бок о бок с прекрасными зданиями, давно уже возведенными для чиновников...

Такое же разнообразие наблюдается и в сфере экономических отношений. Технически совершенные способы производства богатств здесь практикуются наряду с совершенно примитивными приемами их первоначального накопления, утонченная и вполне легальная эксплуатация трудящихся масс - рядом с грубыми и безусловно противозаконными грабежами и разбоями. Тут же и всякие «интенданты» действуют, - интенданты, сумевшие сочетать грубое вымогательство с очень тонкой подчас техникой...

Великое движение⁴, глубоко всколыхнувшее русскую жизнь, вскрыло много таящихся в ней противоречий. Обнажило оно и не переваренных до сих пор русскою государственностью кавказских горцев с их зверскими и хищническими инстинктами. Осетины, ингуши, чеченцы появились даже на всероссийской арене. Полудикие люди оказались одними из самых надежных оплотов для существующего в государстве порядка⁵. Все знают, какой ужас навели и наводят они на незащищенное крестьянское население, имевшее несчастье опередить их в своем культурном и политическом развитии. Не довольствуясь ролью «успокоителей», некоторые ингуши и чеченцы занялись, как известно, во внутренних губерниях и разбойничеством. Нет ничего невероятного, что и впредь, хорошо зная теперь дорогу на Русь, они будут являться сюда для этого промысла. Во всяком случае, если не в качестве прямо разбойников, то в качестве стражников ингуши и чеченцы сделались уже необходимым элементом общерусской жизни и еще не раз дадут нам себя почувствовать.

Да и там, на Кавказе, с ними еще придется посчитаться... После того, как кавказские «разбойники» получили себе дело во внутренних губерниях, в местной жизни, казалось бы, должно было наступить некоторое успокоение. В действительности, однако, произошло как раз обратное: пореволюционные годы ознаменовались на Кавказе - и это, конечно, не случайность - небывалым усилением грабежей и разбоев. «Даже мы, старики, прожившие до преклонных лет, - пишут в своем приговоре (1909 г.) казаки станицы Ассиновской, - не слышали таких нападений и в войну с Шамилем, как в настоящее время». Возродились даже такие формы хищничества и насилия, которые, казалось, безвозвратно отошли в историю.

Жизнь в области - говорится в одном из официальных документов последних лет - поистине невозможна для

мирного трудящегося населения. Грабежи, воровство, разбои; нападения вооруженных шаек на экономии и хутора, угоны целыми стадами скота и табунами лошадей, принадлежащих не только частным лицам, но и целым сельским обществам; убийства на улицах сел и даже городов, не говоря о больших дорогах; нападения на станции железной дороги; глумления над жертвами нападений вроде изнасилования женщин на глазах их мужей, отцов и братьев,- вот обычные явления в жизни области. Наконец, стало проявляться то, чего нет ни в одном благоустроенном государстве: увоз и пленение отдельных лиц с целью получить за них большой выкуп. В конце концов, получилось то, что мирная трудовая жизнь стала невозможной⁶.

Кавказские разбои прогремели на всю Россию и кавказские абреки, оставаясь даже в своих местах, успели привлечь к себе общее внимание. Некоторые из них, как, например, Зелимхан⁷, сделались прямо знаменитостями.

В 1909 году была снаряжена карательная экспедиция для искоренения разбойничества в Терской области. Для этого был сформирован «временно-охотничий отряд» под начальством войскового старшины Вербицкого. Последнему были даны широкие полномочия и он развил энергичную деятельность. Не только местная, но и общая печать наполнилась шумом о его операциях, неоднократно имевших кровавый исход. Заинтересовалось общественное мнение и попытками г. Вербицкого подойти к вопросу о разбойничестве с другой - с культурной стороны. Скоро, однако, выяснилось, что эти культурные планы в условиях русской действительности должны отцвести, не успевши расцвести. Что касается военных действий, то хотя они и продолжались, но явно не давали сколько-нибудь осязательных результатов.

Грабежи и разбои не прекращались, с Кавказа неслись прямо вопли...

В конце 1909 года в Петербург прибыла депутация от Терского войска с целью просить об искоренении в области разбойничества. Кроме правительства, эта депутация обращалась к «руководящему думскому центру», — и октябристы⁸ обещали ей свое содействие. Были тогда некоторые из депутатов и у нас в редакции. Много они порассказали любопытного, но столковаться с ними было трудно, и у нас дело доходило прямо до криков. На вопрос, что же, по их мнению, должно и можно сделать при данных условиях, чтобы утихомирить туземцев, они отвечали в таком роде:

- Вырезать их!.. всех до одного вырезать!..- И возбужденный собственными рассказами депутата, казачий офицер, хватался за кинжал, как будто готовый немедленно за это дело взяться.

Слов нет, средство - радикальное. Но только что же получится, если начать им пользоваться?

- Ну, а мы скажем, что вас, казаков, нужно вырезать. Немало мы тоже от вас за последние годы натерпелись,- пожалуй, больше, чем от ваших ингушей и чеченцев...⁹ Но не говорим же мы ведь этого. Если всех хищников и насильников вырезать, то не чересчур ли уж это много будет?!

Программа, явно, была невыполнимая. И депутат заговорил уже другим, упавшим голосом.

- Уберите их от нас... Невмоготу нам стало. Потому мы ведь и хлопочем, что трудно нам своих удерживать. Промежду казаков все больше и больше разговоры идут, что надо- де чеченцев проучить хорошенько. «Вырежем,- говорят, -сплошь аул какой-нибудь, тогда они долго помнить будут». И вырежут. Того и гляди, что бросятся... Не сдержат боимся...

С этой угрозой, с указаниями на возможность массовой резни в Терской области приходится встречаться и в официальных документах и в печати.

«Я опять предупреждаю, Ваше Превосходительство, - писал, например, в апреле 1910 г. атаман Кизлярского отдела Наказному атаману Терской области. - Боюсь я казаков, боюсь их толпы в настоящее тревожное время, когда в ожидании нападений чеченцев, нервы казачьего населения до крайности напрягаются, а злоба на коварных соседей накаплиется и накапливается. Я Вам уже не раз докладывал, а генералу Берхману еще в 1908 году говорил, что казаки волнуются и это может разразиться бурей... Население ищет виновных в своих несчастьях, и нелепые слухи родятся в его темном мозгу, а это может служить указанием, что волна народного гнева по какому-нибудь поводу подхватит толпу и... обрушит ее на чеченцев сначала, а затем первым долгом на мою голову, а потом, быть может, и на Вашу или на того, кого Вы пришлете, как это было с князем Орбелиани».

Совершенно недвусмысленно на возможность массовой резни намекает и г. Ткачев в своей книжке «Ингуши и чеченцы», вышедшей в нынешнем году.

«Все грознее, - пишет он, - нарастает вражда на это разбойничающее племя (чеченцев и ингушей). Все яснее рисуется впереди час грозного возмездия за грехи общице... Сознание этой неотвратимой грозной беды, постоянное предвидение ее так действует на нервно настроенную массу, что после Грозненского чеченского погрома сразу скрылись все чеченцы с русской стороны как мыши. Было действительно страшно. Озверелая толпа «мужиков» однажды вырвала арестованных чеченцев из вагона, смяла конвой и буквально растерзала несчастных всенародно. На Сунже казаки три раза поднимались уже против ингушских аулов... После карабулакского столкновения

прошлого года появился слух, будто к казакам прислали ольгинские осетины сказать, чтобы им дали знать, когда казаки опять пойдут на аулы, чтобы ольгинцам с другой стороны на них ударить. Недавно прошел новый слух, такой же, со стороны кабардинцев. Это – «слухи», потому что фактами их подкрепить нельзя, так как никто таких вещей не делает открыто. Но существование самих слухов уже указывает, какая под ними почва»¹⁰.

Кроме Карабулакского нападения, известны и другие случаи, когда начавшиеся по частным поводам столкновения переходили в массовые побоища и даже в форменные сражения. Напомню хотя бы знаменитое дело при Яндырке. Вот как его излагали ингуши в своей петиции, поданной в Государственную Думу:

Один яндырец (ингуш), имея в руках один только зонтик, поехал нанимать рабочих. Дорогой в огородах казачьей станицы Троицкой на него напали казаки и убили. Лошадь убитого прибежала окровавленная домой и родственники убитого пошли убирать тело покойника. Между собравшимися на месте убийства казаками и родственниками убитого произошла перестрелка, но без результатов. Казаки Троицкой, Карабулакской, Слепцовской, Михайловской, Нестеровской, Самошкинской, Ассиновской и Фельдмаршальской станиц, пользуясь случаем, немедленно собрались и совершили нападение на аул Яндыр, отстоявший на расстоянии 6 верст. Завязалась перестрелка, продолжавшаяся два дня. Находясь в отчаянном положении, ингуши обратились за помощью к властям.

Прибыли войска: батальон пехоты, пулеметная команда и три сотни казаков. Но вместо защиты осажденных, войска смешались с осаждавшими и начали обстреливать Яндырку. «Аул, как вражий лагерь,- по словам авторов петиции,- был подвергнут ужасному огню из ружей и пулеметов. В результате оказалось 7 убитых и 13 тяжело

раненых пулеметами. Дети, женщины и старики в ужасе разбежались в соседние леса. Такое отношение властей окончательно убедило нас, ингушей, что нас хотят истребить вконец».

Такие же массовые столкновения имели за последние годы место не только между козаками и туземцами, но и между различными племенами последних. В приведенной выше цитате из книги г. Ткачева упоминаются ольгинские осетины, которые, по слухам, обещали свою помощь карабулакским казакам, если те опять пойдут на аулы. Надо сказать, что эти ольгинцы имеют давние счеты с ингушами, и эти счеты в последние годы еще более осложнились. 23 мая 1907 года ингуши большим скопищем напали на с. Ольгинское, подожгли его и начали грабить. Одни из ольгинцев в панике бежали, другие вступили в перестрелку.

На помощь им из Беслана и Владикавказа были двинуты войска: пехота, казаки, пулеметы и в конце концов даже две батареи с орудиями. Не смотря на подходившие к осетинам военные подкрепления, ингуши, собравшиеся к вечеру уже в числе 3-4 т. человек, продолжали нападение. Сражение прекратилось лишь в 12 час. ночи, когда была уже масса раненых и убитых. Началось же все утром в этот день ссорой из-за потравы¹¹.

Таким образом, в перспективах, которые рисовали нам депутаты, не было ничего невероятного...

В действительности дела обстоят, пожалуй, еще хуже. Каким-нибудь аулом дело, в случае чего, едва ли кончится, резня может распространиться на широкое пространство, захватить почти всю область.

Во время столкновения при Ольгинском ехавшие в поезде пассажиры видели, как со всей округи тянулись вереницы ингушей на помощь своим, осаждавшим ольгинцев: одни из них следовали на арбах, другие верхами, было

много и пеших. Часть ингушей около сел. Базоркина находилась в окопах и оттуда вела перестрелку. Сражение шло уже по всем правилам военного искусства.

Тем более безвыходным представлялось нам создавшееся положение. Легко сказать: уберите от нас ингушей и чеченцев! Но куда же их денет правительство? Так много стражников русским помещикам даже не требуется...

Между тем намерения подойти к вопросу с другой стороны были уже окончательно оставлены. В распоряжении властей оставались только репрессии. Оно могло переменить людей, но не методы.

В том же 1909 году Вербицкий был устранен от командования временно охотничьим отрядом и назначен атаманом Кизлярского отдела. Недавно он даже отдан под суд за то, что не предупредил в 1910 году нападения на Кизлярское казначейство... Начальником карательного отряда был назначен полковник Веселовский, который, не задаваясь широкими планами, занялся исключительно розыском и ловлей разбойников. Успех, однако, был не блестящий и в конце концов временно-охотничий отряд, если не ошибаюсь, был расформирован.

Но военные операции для искоренения разбойников продолжались. Между прочим, в сентябре 1910 года был предпринят поход в горы для поимки Зелимхана. Поймать последнего не удалось, захватили лишь его семью. На обратном пути в Ассинском ущелье возвращавшиеся с этим трофеем войска подверглись нападению и потеряли восемь человек (в том числе двоих офицеров) убитыми и столько же ранеными. Власти после этого обрушились на туземцев новыми репрессиями. Некоторые аулы были даже назначены к полному уничтожению, а их жители - к поголовной ссылке в Сибирь (это и осуществлено минувшей весной). Вместе с тем, началась усиленная погоня за Зелимха-

ном, к участию в которой, под страхом всевозможных кар, были привлечены и туземцы... Кавказские события вновь привлекли к себе общее внимание, и я начал, было статью, намереваясь использовать имевшиеся у нас материалы. Прежде чем, однако, я ее кончил, пришло письмо с Кавказа, в котором мне писали, что высылаются новые материалы, и просили меня не спешить со статьей, пока я не познакомлюсь с ними. «Наше здешнее разбойничество,- прибавлял мой корреспондент,- еще долго будет очередной темой и долго еще не будет поздно писать о нем». С этим нельзя было не согласиться...

Вскоре я, действительно, получил большой тюк, присланный не почтой даже, а по железной дороге. В нем я нашел значительную часть переписки, какая велась штабом Вербицкого, и собранные этим штабом материалы от атаманов и старшин по вопросу о разбойничестве, доклады и протоколы Грозненского съезда представителей от станичных и аульных обществ по тому же вопросу, целый ряд других документов - приказов, приговоров, протоколов, прошений, доносов и писем. Материалы оказались обильные и разнообразные: в них имелись сведения о целом ряде жизненных фактов в их своеобразной бытовой обстановке, содержались в них и мнения целого ряда местных деятелей, довольно разнообразные в своих оттенках; и в равной мере, пожалуй, эти материалы были ценны как для изучения самого явления, называемого кавказским разбойничеством, так и для характеристики тех мер, какие предпринимались и предпринимаются к борьбе с ним.

Отвлекаемый другими делами, я мог лишь постепенно разобраться в полученных мною материалах, но и после того как я разобрался в них, у меня не сразу нашлась решимость познакомить с ними читателей. Задача эта с технической стороны представляется донельзя трудной. Нелегко втиснуть эти громоздкие материалы в рамки жур-

нальной статьи и при том так, чтобы они были использованы с надлежащей полнотой и всесторонностью. Затруднение это в данном случае тем больше, что присланные мне материалы представляют, видимо, случайную коллекцию отдельных документов, почему-либо казавшихся их собирателю интересными. Нередко из длинной переписки в ней имеется лишь одно какое-нибудь письмо, есть вопрос и нет ответа, есть середина, но начало и конец не известны. Насколько было возможно, я пополнил, конечно, эти отрывочные данные другими сведениями, но и за всем тем во многих случаях оказывается невозможным восстановить в полном виде даже отдельные характерные эпизоды, не говоря уже о картине в ее целом, по отношению к которой мои материалы представляют только фрагменты, порою дают только намеки. Разобраться в сложной сети отношений, какая сплелась около разбойничества и в сложной игре интересов, какие в нем замешаны, при таких данных далеко не всегда возможно, и многое неизбежно должно остаться под вопросом.

Между тем, тема, как и предсказывал мой корреспондент, продолжала и продолжает оставаться очередной. И жизнь уже стала напоминать о ней. После некоторого затишья, с наступлением весны, грабежи и разбои на Кавказе вновь усилились. В мае месяце в Петербург опять приезжала депутация от Терской области. На этот раз, кроме правительственных приемных, депутаты побывали чуть ли не во всех думских фракциях, везде сделали доклады и, вероятно, везде им обещали содействие. Но Дума разъехалась на вакации, не рассмотрев даже тех запросов, какие еще в прошлом году по вопросу о разбойничестве были в нее внесены...

На Кавказе, стало быть, по-прежнему будет продолжаться борьба между штыком и кинжалом, при более или менее деятельном участии изворотливого «джентльме-

на»¹², который и к тому и к другому умеет примазаться, и от разбоев, и от искоренения их находит способы пожить. Нет, поэтому, ничего невероятного, что в ближайшем будущем местные отношения опять обострятся до чрезвычайности. Возможны новые случаи выдающихся по дерзости и жестокости грабежей, способные привлечь к себе общее внимание. Тот же Зелимхан, так и не пойманный, уже начал подавать о себе вести. А тем временем и погромные тенденции, имеющиеся в жизни и уже проникшие в печать, могут усилиться.

С этими тенденциями, равно как и с попытками разрешить сложный вопрос исключительно военной и полицейской силой, для нас возможна лишь идейная борьба. Решаясь, наконец, принять в ней участие, я надеюсь, что читатели извинят мне недостатки дальнейшего изложения, его длинноту и нестройность, пробелы и другие изъяны. Думаю, что эти недостатки не помешают им схватить общий смысл картины, которую я попытаюсь набросать, и уяснить себе сущность острой проблемы, какая в лице кавказского разбойничества давно уже стоит перед русской государственностью. Все заставляет думать, что разрешить эту проблему, при нынешнем своем строении, последняя совершенно не в силах. Под заглавием: *разбойничество и борьба с ним* разыгрывается, в сущности, тяжелая и затяжная культурно-историческая драма. И эта драма, в которой не мало уже пролито крови, тем большего требует к себе внимания, что, как уже сказано, она легко может на наших глазах превратиться в массовую трагедию.

III

В Терской области, о которой исключительно будет идти речь в дальнейшем изложении, насчитывается 1.060 тыс. жителей; в том числе: туземцев 606 тыс., казаков - 222

тыс., прочих русских и других культурных национальностей-232 тыс. Туземцы делятся на целый ряд народностей; численность их такова:

Чеченцы	227 тыс.
Осетины.....	124 „
Кабардинцы.....	99 „
Ингуши.....	53 „
Кара-ногайцы.....	36 „
Кумыки.....	31 „
Остальные горцы.....	36 „

Самыми разбойническими, по мнению местных жителей, являются два родственных племени: ингуши и чеченцы. Что касается кара-ногайцев, например, то это - «смирный народ», им и самим немало приходится терпеть от беспокойных соседей.

Пригнетенные и запуганные хищниками-чеченцами, арендующими соседние участки под видом мирного промысла,- пишет г. Ткачев,- они не только боятся жаловаться, но со страхом передают даже один на один о своей доле.

- *Как можно - убьет!- говорили они, пугаясь, атаману отдела, который посетил их в прошлом году и расспрашивал об обстоятельствах краж и виновных.*

- *Ты уедешь, а он убьет! Придет и убьет, если узнает.*

Чтобы добиться, кто его грабитель, нужно было обещать кара-ногайцу, что чеченца не станут преследовать. Зная наши „законы“, кара-ногайцы были уверены, что из „преследования“, ничего не выйдет, а им все равно отомстят, если не сам вор, то его товарищи.

Кумыки - тоже «смирный народ» и тоже предпочитают сами ладить с чеченцами, откупаться от них или охранять себя силой оружия, не очень полагаясь на русское

начальство, которое, по их мнению, покровительствует разбойникам.

«Осетины - по словам г. Ткачева - наиболее просвещенный из туземных народов». И это - общее мнение, основанное, между прочим, на том, что из всех горцев только осетины имеют свою письменность. [Есть на Северном Кавказе и еще «просвещенный» народ, значительно опередивший другие племена в культурном и государственном развитии. Это – черкесы. Впрочем, черкесы, известные под этим именем, не пожелали остаться под русским подданством и после упорной борьбы, в первой половине минувшего столетия, в значительной своей части переселились в Турцию. В России остается, однако, значительная ветвь черкесского племени – кабардинцы. И это...](#)

- [Благородный народ, чистый, деликатный... С ними мы куначим,- говорил мне казачий офицер, входивший в состав вышеупоминавшейся депутации.](#)

[«Кабарда была и поныне еще остается для горцев школою хорошего тона и манер. Все горцы Северного Кавказа, а за ними и казаки заимствовали у кабардинцев форму одежды, вооружение, посадку на коне и т. д.» \(Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона\). Куначить с кабардинцами казачьим офицерам тем легче, пожалуй, что у этого сильно дифференцированного племени \(11 сословий\) имеется свое дворянство и даже несколько его степеней. Земельный строй Кабарды напоминает казачью общину. Помимо наделов, какие отведены аульным обществам, и поместий, какие вырезаны высшим сословиям, имеется земельный фонд, принадлежащий всему кабардинскому народу. Распоряжается этим фондом народное собрание. Из доходов с фонда последнее ежегодно ассигнует несколько десятков тысяч рублей на стипендии в средних и высших учебных заведениях. В последнее время кабардинцы вместе с казаками задумали даже строить железную дорогу, и](#)

кабардинское народное собрание постановило взять акций на 100 тысяч рублей. Но из этого предприятия, по-видимому, ничего не выйдет, так как правительство, оберегая интересы общества Владикавказской железной дороги, для которой новое дитя явилась бы конкурирующим, вот уже два года тормозит это дело. Между тем, постройка новой дороги - дело, конечно, не Бог знает какое, но все-таки более, казалось бы, полезное, чем грабежи и военные экспедиции. Такое дело и для Кабарды было бы далеко не лишним.

Надо сказать, что все эти характеристики - «смирный», «просвещенный», «благородный», - употребляемые в применении к горским народностям, имеют условный смысл. Не следует забывать, что в основе их лежит местная мерка, что для сравнения берутся, с одной стороны, ингуши, а с другой - казаки. Таковы ведь кавказские минимум и максимум мира, просвещения и благородства. Каковы эти качества в действительности, - читатели не затруднятся, конечно, себе представить. Тех же, например, «просвещенных» осетин мы и по нашим внутренним отношениям знаем: немало ведь их служит стражниками у русских помещиков. И нельзя сказать, чтобы крестьяне находили особенно значительную разницу между ними и чеченцами.

К сказанному нужно прибавить, что «порочные люди», как они называются в официальных документах, в значительном числе имеются в составе всех кавказских народностей, - в частности, как увидим дальше, среди русского и казачьего населения. Г. Вербицкий, в результате всех своих военных экспедиций и полицейских розысков, пришел даже к убеждению, что искоренить туземное разбойничество было бы, пожалуй, не трудно, если бы деятельными помощниками в нем не являлись русские... Таким образом, и с этой точки зрения, всю вину в разбойничестве, казалось бы, нельзя валить на ингушей и чеченцев.

Суть, однако, в том, как указывают, что ингуши и чеченцы сплошь разбойники, что дело тут не в отдельных порочных людях, как у других народностей, а в том, что это -племена разбойничьи. Надо, впрочем, сказать, что по этому вопросу имеются разногласия.

С одной стороны, репутация разбойничьих племен установилась за чеченцами и ингушами прочно и давно. Она вошла даже в справочные издания и, если вы откроете хотя бы «Энциклопедический Словарь» , то прочтете:

Воровство скота и грабеж проезжих по дорогам составляют племенную профессию ингушей.

Не менее определенная характеристика дается в том же словаре и чеченцам:

В обыкновенное время идеал чеченцев - грабеж. Угнать скот, увести женщин и детей, хотя бы для этого пришлось ползти по земле десятки верст и при нападении рисковать жизнью - любимое дело чеченца. Самый ужасный упрек, какой может сделать девушка молодому человеку, это сказать ему: «убирайся, ты даже не способен угнать барана».

Таково резюме имеющихся в литературе сведений об интересующих нас народностях.

Но, с другой стороны, имеются данные, заставляющие думать, что дело в данном случае не в воззрениях, нравах и даже профессии целых племен, а в отдельных, как и у других народностей, «порочных людях», от которых прежде и больше всего приходится терпеть самим же ингушам и чеченцам. В подтверждение этому ссылаются на суждения съездов, имевших место по вопросу о разбойничестве. Так, в протоколах Червленского съезда, между прочим, значится:

Чеченцы высказали, что... они такие же бедствия, как и русские, терпят от тех же порочных своих сочленов, воров и абреков.

Съезд в Устар-Гордое, состоявший только из чеченцев, закончил свое постановление такими словами:

Если начальство не оградить нас от абреков и воров, то нам нет возможности к дальнейшему существованию.

Наконец, на областном съезде в Грозном один чеченский депутат в ответ на жалобы казаков, что им нет житья от чеченских разбойников, заметил:

- Вы терпите что? Мы терпим больше. К вам едет воровать не всякий. Наши воры, прежде чем воровать у вас, сдают экзамены у нас, в наших аулах

Не менее определенно высказывались другие представители горцев:

Мы больше самой администрации, - говорил, например, один из их лидеров, - желаем искоренить зло, потому что нам тут жить... Абреки - это люди, потерявшие чеченство. Мы их оберегать и покрывать не будем. Выработайте такие меры, чтобы освободить аулы от них.

В конце концов председатель съезда сделал даже такое резюме:

Мы здесь слышали, - сказал он, - уже не требования, а вопль (иначе не берусь охарактеризовать) наболевшей души мирных чеченцев: делайте, что хотите, рубите руки вора, шельмуйте их позорящим наказанием, но дайте нам такие меры, действительные меры, которые избавили бы нас от воров.

Русские власти, судя по тем методам, какими они пользуются в борьбе с грабежами и разбоями, в общем придерживаются того взгляда, что все зло в порочных людях, что стоит только изловить их, и разбойничество будет искоренено. На исправление этих порочных людей власти не очень даже надеются и не прочь просто истребить их. «Против абреков, - говорил, например, на Грозненском съезде помощник наказного атамана, генерал-майор Орбе-

лиани,- поможет только пуля». Но зато администрация верит в мирную часть чеченского населения и даже рассчитывает в борьбе с разбойниками на нее опереться. В приказах и обращениях к населению то и дело приходится встречать противопоставление разбойнической и мирной части населения. В частности, в том «Воззвании к мирному населению и разбойникам Терской области», с которым на русском и арабском языках обратился к ним г. Вербицкий, приступая к выполнению возложенной на него миссии, он писал:

Вы, храбрые племена! Слава о вашем мужестве известна по всей земле. Ваши деды и отцы храбро боролись за свою независимость, с честью бились и вы под русскими знаменами во славу России.

Но за последние годы между вами завелись поганые свиньи, которые своею нечистой жизнью пачкают, а грязными делами позорят вас. Эти отбросы ваших племен все свои силы направили на разбой и воровство, заливая краской стыда ваши честные лица. Имам Шамиль за разбой рубил головы этим свиньям, а за воровство отсекал им лапы.

Правительство наше решило положить конец всем творящимся ими безобразиям... Призываю честных людей сплотиться и перестать якшаться с ворами и разбойниками, изгнав их из своей среды и лишив их своего святого гостеприимства.

Обращаясь в том же воззвании к разбойникам, г. Вербицкий писал:

Я обращаюсь к вам, воры и разбойники! Объявляю вам, что ваше царство приходит к концу. Я поймаю вас, и те, на ком лежит пролитая при разбоях кровь, будут повешены по законам военного времени. Поэтому советую вам помнить мои слова и отнюдь не сдаваться моим от-

рядом живыми, а биться до последней капли крови. Кто не трус, пусть умрет, как мужчина с оружием в руках.

Нельзя, однако, сказать, чтобы этот взгляд - деление туземцев на две части: мирную и разбойническую - систематически проводился в правительственных мероприятиях. В конечном счете последние ложились, пожалуй, главную свою тяжестью на «мирную» часть населения, а не на разбойников. Вновь и вновь убеждаясь в своей бессилии искоренить их, власти каждый раз обрушивались репрессиями на все туземное население, не останавливаясь перед поголовными карами. Программа истребления разбойников неизменно переходила в желание проучить вообще ингушей и чеченцев,- и это желание было тем сильнее, чем менее разбойники проявляли желания сдаться живыми.

То же наблюдалось и в последние годы. И нам придется иметь дело с двумя системами мероприятий, по существу однородных, но направленных против различных объектов.

Кто же, однако, в действительности повинен в разбойничестве: разбойничьи племена или порочные люди? И с чем нужно бороться: с воззрениями и нравами целых народностей или со злою волею отдельных лиц?

Легко понять, что этот вопрос является одним из основных в сложной проблеме, которая нас интересует, и я позволю себе на нем остановиться.

IV

Рассеянные по ущельям суровых гор, чеченские племена оказались не в состоянии создать свою государственную организацию. Нередко они не в силах были даже отстаивать свою независимость и с давних пор считались подвластными то ногайцам, то кумыкам, то кабардинцам,

то, наконец, русским. Русское подданство они принимали неоднократно и неоднократно ему изменяли.

Местные деятели склонны подчеркивать эту отличительную черту чеченцев. Вот-де другие народности упорно отстаивали свою независимость, но после того, как они покорены и сложили оружие, уже не изменяют. А эти сами принимали подданство, но никогда не были верными, никогда нельзя было на них положиться. Хитрый народ, вероломный...

Можно, однако, думать, что зависимость чеченских племен от других народов была скорее номинальная. Самое большее, если они платили дань, да и то неисправно. Они числились, так сказать, в составе организации, созданной другим народом, но органически в нее не входили, жили по-старому, своею особою, племенною жизнью. Поэтому, быть может, они так легко и принимали подданство, и так легко ему изменяли.

Любопытный в этом отношении эпизод имел место в 1773 году. Ингуши отложились от кабардинцев и прислали к русским просить покровительства. Надо сказать, что за три года перед тем они уже приняли русское подданство. Но на этот раз кабардинцы запротестовали и заявили, что «ингуши древние их подданные и данники». Ингуши, со своей стороны, это оспаривали, утверждая, что они лишь временно платили дань кабардинцам (по барану со двора или на одну косу железа), но подвластными никогда себя не признавали. Русское правительство предписало местным властям не отклонять ингушей от кабардинцев, дабы не раздражать последних. Таким образом, трудно даже сказать, в чьем подданстве ингуши перед тем находились и даже в чьем они потом оказались. Во всяком случае, русское правительство этими подданными, по-видимому, не очень дорожило.

Горы, помешавшие чеченским племенам создать развитую общественную организацию, несомненно, помогали им в то же время охранять свою бытовую самостоятельность. Быт же этот определялся, главным образом, непрерывными войнами, в которых они находились со своими соседями, в том числе и с теми, под властью которых считались. Войны эти отливались в форму набегов, и - кто знает?— не собирали ли ингуши и чеченцы со своих суверенов в виде военной добычи больше, чем те получали от них в форме дани¹⁴. Грабеж соседей, действительно, был, пожалуй, их племенной профессией.

Русское правительство уже давно начало переселять ингушей и чеченцев из гор на плоскость. Делалось это под разными предлогами: то для предоставления им более удобных пастбищ, то для того, чтобы они защищали города и укрепления от других горцев, то, наконец, в наказание за их грабежи и набеги. При этом, для удобства наблюдения правительство сводило их в крупные аулы и селило их поблизости от казаков и укреплений или, наоборот, ставило укрепления и селило казаков поближе к ним.

Выселенные на плоскость и сведенные в более крупные селения ингуши и чеченцы попадали в более благоприятные условия для общественной жизни. После этого, казалось бы, они должны были быстро развить собственную общественную организацию или приспособиться к чужой, в которую попали. В действительности, однако, ни своей они не развили, ни с чужой не сроднились.

Все заставляет думать, что не только общегосударственные институты, но и местные, специально даже для горцев созданные, продолжают до сих пор оставаться для них чем-то внешним, находящимся вне всякой связи с их бытом, моралью и правосознанием. Если бы не принуждение, то, конечно, они не стали бы ими и пользоваться. Зато они крепко держатся за те первобытные институты, до ко-

торых развились, когда были еще горцами неизвестного подданства. Отмечу некоторые из таких институтов, играющие видную роль и в том комплексе явлений, который нас в настоящий раз интересует.

На первое место следует в этом случае поставить кровничество, институт родовой мести, сохранивший у ингушей и чеченцев почти всю свою силу. Государственная организация, в составе которых они числятся, давно уже взяла на себя охрану жизни своих граждан и имеет для этого детально разработанный кодекс постановлений и развитую сеть учреждений. Но для горцев эти постановления и учреждения - ни к чему. Основная задача общественности у них разрешается совершенно иначе, - первобытным способом, свойственным не государственному, а родовому быту.

Если один горец убил другого, то родичи последнего берут на себя задачу наказать убийцу или, если это невозможно, то кого-либо из его родичей, - т. е, убить их или как-нибудь иначе отомстить им. Это - их право, их нравственная обязанность и, если бы они уклонились от ее выполнения, то совершили бы, по понятиям родового быта, бесчестный поступок, даже преступление. С государственной же точки зрения они будут считаться преступниками, если ее выполнять...

Осуществленная месть легко может вызвать и неизбежно почти вызывает ответный акт со стороны родичей того, кто явился ее объектом. В конце концов, эти счета между родами могут совершенно запутаться, и они окажутся в непримиримой вражде между собою. Не только родовая, но и племенная вражда, как можно думать, заключает в себе много элементов той же кровной мести.

В «Материалах для новой истории Кавказа» Буткова имеется рассказ о чеченце, который, потеряв в сражении своего брата, ехал прямо в селения Моздокского полка,

чтобы убить кого-нибудь из русских,- ехал, очевидно, подчиняясь велению властного долга, готовый на неизбежную почти смерть. Крайне характерно, что и Зелимхан объясняет свою разбойническую деятельность мотивами родовой и племенной мести. Так, в письме к своему единоверцу, офицеру Донугаеву, он, между прочим, пишет (орфография сохранена – В.Ш.):

Теперь сообщаю Вамъ, что я убивалъ Начальство, что они незаконно сослали моихъ бедныхъ люде сибирь, сейчасъ находится моихъ бедныхъ не винныхъ людей себиге 9 человекъ. Потомъ бытности началькомъ Грозненскаго Округа Полковника Попова, Грозномъ былъ бунтъ и за гордость свои начальство и войска убивалъ тамъ бедныхъ людей, но я тогда узнавъ чемъ дело, собралъ свой шайка и ограбилъ поездъ кади-юрте, и убивалъ поезде русскихъ людей за местию. Потомъ былъ кандированъ какой-то Полковникъ Вербицкий для поимки меня, какъ теперь Вы... Вербицкий началъ по Терской области свой неправильный действий, первымъ долгомъ Вербицкий напалъ съ своимъ открытый базаръ селений Гудермесъ и убивалъ тамъ Базари бедныхъ людей, но высший Начальство действий не правильный Вербицкого Начальство смотрели нахорошаго и оставили какъ хорошии, такой страшный действий сделанной Вербицким одинъ часъ, я 10 летъ абрекомъ, и то не сделалъ, Вербицкий убивалъ бедныхъ, онъ только одинъ действий это былъ селъ Цорхъ Назрановскаго Округа. Тогда я собой взялъ свой шайка и приготовился напасть Кизляръ на отмищений Вербицкого зато что онъ былъ атаманомъ Кизлярскаго отдела и далъ Вербицкому передъ томъ знать я еду Кизляръ...

О некоторых из «неправильных» и даже «страшных» действий, о которых упоминает в этом письме Зелимхан - как например, о бойне, какая была устроена в Гудермесе, или о деле при сел. Цорх, с полным уничтожени-

ем потом последнего, - мне еще придется говорить в дальнейшем. И читатели увидят, что эти действия властей действительно могли пробудить потребность в мести, в особенности среди горского населения, которое считает такую своим гражданским долгом. Можно думать, что и вообще жестокость, проявляемая властями в борьбе с разбойничеством, - и тем более жестокость, не различающая правых от виноватых, и получающая нередко характер той же племенной мести, - лишь подливает масло в огонь. Как бы мы ни отнеслись к объяснениям Зелимхана - поверим или нет его искренности, - в глазах туземного населения выставляемые им мотивы, несомненно, имеют большое значение, придавая его разбойническим подвигам идейную окраску и даже возводя их на степень общеплеменного дела. Но и помимо этого, институт родовой мести в кавказском разбойничестве играет видную роль: многие случаи убийств и грабежей совершаются на этой именно почве и таким образом являются в глазах горцев не только несколько не позорящими, но и вполне правомерными актами.

Кровничество вообще очень сильно влияет на местную жизнь и кладет свой отпечаток, можно сказать, на весь быт туземного населения. Взять хотя бы его воинственность, нахождение под оружием. Это ведь не прихоть, не щегольство, не пережиток; это суровая необходимость, в особенности для тех, у кого имеются кровники: ежеминутно на них могут напасть и убить, если они не сумеют защитить себя. Но если даже кровников нет, то они могут ведь во всякий момент у каждого появиться. Его родич подрался и ткнул кого-то кинжалом, и с этого момента ему уже грозит смертельная опасность. Не трудно понять, что уже поэтому только нелегко осуществить план обезоружения горцев, с которым носятся националисты. Какие бы суровые кары ни назначала государственная власть за хранение и ношение оружия, эти кары будут все-таки меньше, чем

опасность лишиться жизни, да и уклониться от них, пожалуй, легче, чем от мести кровников.

В жизни, несомненно, имеется тенденция смягчить этот жестокий институт. Так, в некоторых случаях практикуется уплата кровных денег родичам убитого, чем и предупреждаются акты мести с их стороны; устраиваются примирения враждующих родов, чтобы сразу прекратить счеты между ними; у ингушей, по свидетельству одного из их представителей на Грозненском съезде, имеются даже особые суды для примирения кровников, - конечно, не признаваемые властями. Но этот процесс эволюции протекает все-таки очень медленно, - и, может быть, потому именно, что втиснутый в рамки государственной организации быт горцев лишен возможности свободно развиваться.

Само собой понятно, что государство к кровничеству относится безусловно отрицательно. Может быть, оно и было бы в состоянии довольно скоро вытеснить его своими институтами, но для этого необходимо, конечно, чтобы новое право, которое оно вводит, было действительно правом, а не произволом, и чтобы учреждения, которым оноверяет личную безопасность, действительно ограждали ее. Но этого-то и нет в данном случае. В результате отрицательного отношения государства к институту, с которым сжилась нация, получаются, благодаря этому, тяжелые осложнения и неразрешимые коллизии.

Представьте себе, что один горец убил другого. Допустим, что он убил кровника, т. е. совершил с его точки зрения правомерный акт, хотя и чреватый тяжелыми последствиями. Но эти последствия в его глазах тоже правомерны, и он готов нести их: он и все родичи его отныне будут во всякий момент готовы к самозащите. Рассчитывая на свою храбрость, силу и бдительность, они продолжают жить по-прежнему. Но в этот момент является на сцену государство в лице своих агентов и говорит убийце: ты со-

вершил преступление и я с тобою расправлюсь по-своему. Эту расправу горец не считает даже правомерной, но уклониться от нее ему трудно. Ему приходится, таким образом, спастись не только от кровников, но и от полиции.

Продолжать жизнь по-прежнему для него совершенно уже невыносимо. И он делается... абреком: порывает с прежним образом жизни и дает обет ничего не страшиться. Все равно, ведь, ему так или иначе, но погибать приходится. По словам местных деятелей, в абреки и идут, главным образом, люди, у которых счеты, с одной стороны, с одноплеменниками, а с другой - с государством безнадежно запутались.

Если бы убийца сдался полиции и согласился претерпеть кару, какая ему полагается от государства, то это еще не значит, что он гарантировал бы себя этим от мести кровников. Кроме того, у него остаются родичи, поручиться за безопасность которых государство, изловившее и наказавшее преступника, тоже не может. Ведь оно даже своих слуг далеко не всегда бывает в состоянии обезопасить от мести туземцев. В моих материалах имеется целый ряд крайне характерных документов на этот счет. Приведу один - письмо Вербицкого от 20 мая 1909 г., т. е. когда он находился в апогее своей силы и славы, на имя управляющего Владикавказской железной дорогой.

Многие служащие на станции ж. д., — пишет г. Вербицкий, — видели некоторые эпизоды столкновения и так как их показания были не в пользу чеченцев, то эти последние угрожают убить их... Я просил бы начальника ст. Гудермес г. Четверикова, а если можно, и весь состав станции перевести куда-нибудь подальше, дабы не могли мстить им.

Даже всесильный Вербицкий тех, кто ему оказывал содействие, вынужден был спасать, устраивая им бегство. Тем труднее для власти обезопасить туземцев от мести их

кровников, да и меньше у нее для этого охоты... И вот родичи убийцы, вынужденные полагаться только на себя, не расстаются с оружием. Они выезжают с ним за пределы своего юрта¹⁵, да и оружие то они добыли себе «усовершенствованное». А это значит, что они совершили и совершают деяния, воспрещенные государственною властью, и, стало быть, должны почитаться «порочными людьми». Больше того. В одном из приказов генерал-лейтенанта Михеева, решившего искоренить разбойничество, говорится:

Кто после опубликования настоящего приказа будет замечен за пределами своего юрта с холодным или в своем селении с огнестрельным оружием, тот будет почитаться за разбойника и с ним будет подтуплено, как с таковым.

Мало этого:

Если кто из разбойников, - говорится в приказе г.-л. Михеева, - будет взят с огнестрельным оружием или убит, и будет установлено, что какое-либо селение его укрывало, то все жители такого селения будут лишены права ношения и холодного оружия и подвергнуты штрафу.

Сельские старшины, изобличенные в укрывательстве разбойников или оружия и непринятии мер к его выдаче, будут караться с особою строгостью.

Читатели видят, к чему неизбежно почти приходит государственная власть, которая, игнорируя институт обычного права, с азартом ведет свою линию: все жители с ее точки зрения могут оказаться порочными людьми и даже разбойниками.

Но может быть после того, как убийца будет взят государственною властью, родичи убитого, удовлетворенные этим, откажутся от мести? Но этого нет и быть не может. Во-первых, не так легко население отказывается от того, с чем оно сживалось веками; во-вторых - и в этом, быть может, главное, - государство до сих пор не воспитало

в этом населении уверенности, что раз оно берется за дело, то посягнувший на чужую жизнь будет непременно разыскан и наказан. Не только полицейские, но и судебные учреждения Кавказа, по общим отзывам, стоят далеко не на высоте своего назначения. Слишком многие преступники остаются неразысканными, а из разысканных - слишком многие безнаказанными. Происходит это отчасти в силу корысти, но, главное, благодаря страху,-страху перед той же местью, т. е. благодаря боязни «нажить себе кровников».

- Господи! - говорил один из приезжавших в Петербург депутатов:- хоть бы нам суд присяжных дали. Все бы двенадцать-то человек не так боялись. Да и разобраться лучше бы в наших делах сумели...

Разбираются же назначенные судьи, иногда очень мало знакомые с местным бытом и вовсе незнакомые с местными наречиями, действительно неважно. Дела туземцев вершат, в сущности, переводчики, - люди, по общим опять-таки отзывам, особенно доступные корысти и страху.

Я видел коронный суд - говорил на Грозненском съезде представитель одного из чеченских округов, г. Чермоев, - на скамье сидел, очевидно, порочный человек. Он убил и по простоте влопывается своими ответами. Находящийся на суде переводчик, более развитой, является как бы адвокатом подсудимого, передает по-своему его показания, и от него зависит, чтобы заведомого убийцу русский суд оправдал. Тут зло было в том, что слышавшие этот процесс 40 чеченцев убеждаются в несправедливости этого суда и законов. А в действительности, ни суд не виноват, ни закон, а виноват недобросовестный переводчик. Вот другой случай. Слышу я, как про одного судебного следователя, моего товарища, говорят все, что он страшный взыточник. Я заинтересовался и спросил по-товарищески его самого. Говорит, что неправда, живет бедно. Оказывается,

что переводчик этого следователя строит себе уже пятый дом на взятки от имени следователя. А в народе укореняется убеждение, что власть несправедлива.

Председатель съезда признал, что «это вопрос серьезный и он вполне назрел».

Я сам,— сказал он,— был свидетелем одного случая в Тифлисском суде, когда благодаря недобросовестному переводу переводчиков один невинный чуть не был приговорен на каторгу. И только благодаря моему вмешательству, был позван другой переводчик и истина восстановлена.

Вопрос о переводчиках считается назревшим уже десятки лет. Поэтому, нужно думать, и в данном случае председатель снял его с очереди: еще успеется...

Государственная власть не только не смогла до сих пор поставить свои учреждения так, чтобы они сами собой, своим превосходством, вытеснили устарелый и тягостный для самих туземцев институт кровничества, но и сама в затруднительных случаях не прочь на него опереться. Вот, например, какую инструкцию дал г. Вербицкий находившемуся в его распоряжение штабс-ротмистру Кужуеву (предписание от 1 мая 1909 г. № 125):

Немедленно выезжайте в Введенский округ, проверьте состав охотничьих команд, которые теперь поступают в мое распоряжение, и отберите из них лучших по снаряжению и вооружению, а главное по нравственным качествам... Следует подбирать людей в команды преимущественно из кровников абреков и Зелимхана с его шайкой, но из кровников, отличающихся мужеством и честностью.

Divide et impera!¹⁶ И если в среде туземцев уже имеется вражда, то чего же лучше: таких верных убийц, как кровники, и за деньги не найдешь... Не знаю, Вербицкому ли только пришла эта идея в голову¹⁷, или и раньше власти

кровниками пользовались. Во всяком случае, теперь это уже вошло в систему. Вот и в последнем эпизоде, о котором сообщают газеты, кровники фигурируют: *«Два кровника, сопровождавшие отряд стражников, были посланы последними вперед для розысков Зелимхана, но попали к последнему в засаду. Допросив их и отобрав оружие, Зелимхан отпустил их с миром – «Новое время», 7 июля 1909г.*

Может быть, при содействии кровников и удастся больше истребить разбойников. Но не следует все-таки упускать из виду, что есть в этой системе и другая сторона. Если кровники помогают войскам и полиции, то и последние ведь помогают в этом случае кровникам. Какое после этого у туземцев сложится представление о государственной власти,- о власти, помогающей совершить воспрещаемое ею самую убийство? Не придут ли они к выводу, что кровничество и вообще месть вернее и надежнее всех государственных установлений? И не сделается ли после этого задача ввести их быт в рамки государственной организации еще более трудной?

V

Я отметил один из отрицаемых государством институтов обычного права, сохранивший до сих пор у горцев свою силу и играющий видную роль во всей местной жизни, в частности, и в той совокупности явлений, которая называется разбойничеством. Имеются и еще такие институты.

Укажу хотя бы на похищение женщин (умыкание невест), которое доньше практикуется среди горцев и при том не в качестве обряда только, поддерживаемого по традиции, но и в качестве акта, сохранившего свой первоначальный смысл и свой первобытный характер. Нередко та-

кое похищение разрешается кровавой схваткой между родичами невесты и ее похитителями. Да и после того, как оно состоялось, отнюдь не исключена возможность столкновения между сторонами. Вполне возможны, например, случаи, вроде следующего, имевшего место между двумя ингушами сел. Базоркинского:

Цолоев, питая вражду к Дарсигову, крикнул ему: „Это ты способствовал похищению моей сестры“, - причем обнажил кинжал и стал наносить ему поранения. Дарсигов, не желая остаться у своего противника в долгу, также обнажил свой кинжал и стал обороняться от разъярившегося Цолоева. Цолоев отделался несколькими сравнительно легкими поранениями, Дарсигов же получил настолько тяжкие раны, что к вечеру умер¹⁸.

Правосознание туземцев мирится, однако, с этим обычаем, и он настолько распространен еще среди них, что государство вынуждено было пойти в данном случае на уступки и ослабило для горцев силу своей репрессии за посягательство в этой форме на свободу и честь частных лиц¹⁹.

Выше я привел фразу, которой чеченская девушка выражает свое презрение: «убирайся, ты даже не способен угнать барана». Теперь читателям, конечно, ясен весь укоризненный смысл этой фразы: если ты барана не можешь угнать, то где же тебе меня похитить... Какой, в самом деле, он жених после этого? Не менее характерно и то, что объяснение в любви допускается местными нравами лишь в одной форме: при помощи выстрелов, какие ухаживающий производит перед своей возлюбленной.

Мне нечего, конечно, пояснять, насколько серьезным препятствием должны явиться эти обычаи и нравы для обезоружения туземцев. Отказаться горцу от оружия, - да ведь это значит остаться, быть может, совсем без жены, которую с голыми руками, пожалуй, не добудешь; это значит

лишиться даже возможности объясниться в любви, потому что ничего, кроме выстрелов, девушка слушать, пожалуй, не захочет. Прибавьте к этому институт кровничества, заставляющий всех ходить вооруженными,- и для вас ясно станет, почему попытки обезоружить горцев - просто так, пойти и отобрать у них оружие- оканчивались крахом. И каким еще крахом! Чеченцы, когда решено было их разоружить, перешли на сторону Шамиля и почти 20 лет вели отчаянную войну, отстаивая свое право носить оружие.

Но когда государственная власть находится в руках Столыпиных, Михеевых, Вербицких et tutti quanti²⁰, не задумаются, конечно, эту простую попытку не раз еще предпринять. Их подчиненные, пожалуй, проявят даже особую изобретательность: подкараулят, например, когда чеченцы объясняются в любви - и тут-то отберут у них оружие. Впрочем, это не предположение только, а факт, подтвержденный имеющимися в моих руках документами. Вот, например, рапорт заведующего командой разведчиков, штабс-капитана Ардабьевского от 25-го сентября 1909 г. за № 138 на имя начальника временно-охотничьего отряда Вербицкого:

Приход мой в Курчалой—пишет г. Ардабьевский—совпал с периодом уборки кукурузы с полей и чисткой ее. Тогда же было мною замечено, что чистка кукурузы является предлогом для свидания чеченской молодежи. На чистку приглашаются молодые девушки, на огонек стекаются парни и получается что-то вроде вечеринки, подчас все это сопровождается танцами и стрельбой. Мужчины на эти вечеринки, а по-чеченски, “Белги”, приходят вооруженными, желая щегольнуть имеющимся у них оружием. Я несколько раз ходил ночью по селениям и на эти. “Белги” отобрал несколько штук оружия.

Окрыленный таким успехом, г. Ардабьевский решил предпринять специальный поход. С командой разведчиков

он стал обходить по ночам одно селение за другим, неожиданно возвращаясь в некоторые из них, и тихонько подкравшись к чистильщикам кукурузы, отбирал у них оружие. Не трудно, конечно, было предвидеть какой исход могут получить такого рода операции. На обратном уже пути г. Ардабьевскому вздумалось, как оно выражается «пощупать сел. Шали».

Около часу ночи,- пишет он, - я вошел в это селение, осмотрел первое попавшееся мне собрание чистильщиков кукурузы и двинулся дальше; в это время на южной окраине селения раздался выстрел и, по определению чинов отряда, выстрел этот был произведен из 3-х линейной винтовки. У меня сейчас же явилось желание захватить это ружье вместе с хозяином его, а потому, в полнейшей тишине, двинулся с отрядом по улице в направлении слышанного выстрела...

По всем правилам военного искусства отряд окружил собрание чеченской молодежи и атаковал его. Началась стрельба. «У меня - пишет г. Ардабьевский,- мелькнула мысль: своих перебьют, а потому крикнул: **прекратить стрельбу. Стрельба смолкла**»... Но дело было уже сделано: винтовка отобрана. Правда, и чеченец, имевший ее, убит. Но г. Ардабьевский интересовался, главным образом винтовкой и он подробно описывает, в каком виде достался ему этот трофей: одна или две пули, выпущенные разведчиками, попали в хвост ствольной коробки и шейку приклада и отбили хвост, погнули на сторону коробку и разбили вдребезги шейку приклада, вследствие сего винтовка эта в дело не годится.

Но аульный старшина осмотрел и убитого чеченца, «причем в трупe оказалось шесть пуль: три в груди, две в правой руке и одна в голове». Вот тебе! Не ухаживай за девушками...

Вернемся, однако, к самому обычаю добывать жен при помощи оружия. Неудобства этого способа, можно думать, достаточно хорошо уже созданы горцами. Во многих случаях похищение женщины является уже только обрядом, в действительности же ее приобретают при помощи калыма, т. е. покупкой. Другими словами: и здесь наблюдается обычная в этом случае эволюция. Известны также попытки ингушей регламентировать свадебные обычаи. Еще в 1879, 1887 и 1890 г.г. на сходах, собиравшихся в м. Назрани из депутатов от всех селений, ими были выработаны правила, долженствовавшие сделать брак более доступным и таким образом ограничить тайный увоз девиц, предпринимаемый нередко в видах уклонения от платежа калыма. При других условиях эта эволюция могла бы, вероятно, сделать еще более значительные успехи, но мы и до сих пор должны считаться с кровавыми столкновениями из-за женщин...

Из-за женщин, а вместе с тем и из-за имущества... Похищая себе жену и уклоняясь при этом от уплаты калыма, горец завладевает ведь значительною, по местным понятиям, ценностью, - завладевает путем военной хитрости, а то и прямо при помощи оружия. Раз туземное правосознание мирится с такими фактами, то, очевидно, и вообще к завладению чужим имуществом оно относится несколько иначе, чем относится, например, русская государственная власть, считающая вооруженное воровство, грабеж и разбой самыми тяжкими посягательствами на имущество. К сожалению, правовые воззрения горцев в этой сфере остаются до сих пор совершенно не изученными. Внутренняя жизнь чеченцев, - как пишет г. Ткачев, - нам совсем неизвестна, но это не мешает ему со спокойною совестью настаивать на усилении репрессий. Не мешает это и администрации принимать свои меры.

Последняя исходит из такого положения: «нет и не может быть такой веры, которая допускала бы воровство и грабеж» (выражение одного из официальных документов). Не допускает их и вера горцев. И вот мы встречаем постоянные ссылки на шариат, по которому-де за воровство полагаются еще более тяжкие кары, чем по русским законам.

В действительности, однако, дело обстоит не так просто. Далеко не всегда и не во всем правовой кодекс народа - писанный или неписанный - совпадает с его верой. Если бы сравнить, например, русский свод законов с Евангелием, то, несомненно, между ними оказалась бы очень большая разница. У горцев же и вера довольно неопределенная.

В древности ингуши и чеченцы были христианами, о чем свидетельствуют остатки церквей и часовен, имеющиеся в горах и до сих пор в большей или меньшей мере почитаемые туземцами. Когда я служил в солдатах, то среди последних существовала уверенность, что, по временам, можно слышать колокольный звон в горах, что и теперь там еще имеются церкви. У ингушей были даже мощи, остававшиеся, по существующему у них преданию, нетленными в течение 200 лет и испортившиеся, когда пришли русские. От этих мощей сохранились около м. Назрани скелеты, до сих пор почитаемые туземцами. Мусульманство распространилось среди ингушей и чеченцев лишь в XVIII столетии. Но и от христианства кое-что у них осталось,- например, до сих пор они чтят некоторые христианские праздники. Еще больше остатков сохранилось от язычества. Таким образом, вера ингушей и чеченцев представляет, в сущности, смесь, далеко не тождественную, как можно думать, с правоверным мусульманством. **Вдобавок ко всему в последние десятилетия среди ингушей и чеченцев появился целый ряд сект: сначала их было две, а теперь, по словам местных людей, множество...**

Но допустим, что ингуши и чеченцы - правоверные мусульмане и, как таковые, обязаны жить по шариату. Но и в этом случае вопрос о грабежах не так прост, как это кажется. Мне пришлось как-то разговаривать с г. Капельгородским, теперешним начальником ногайского народа. Это - бывший учитель, был приглашен г. Вербицким в его штаб для теоретического, так сказать, изучения разбойничества. К своей задаче он отнесся, по-видимому, очень вдумчиво и мог рассказать немало любопытного. На мой вопрос, как примиряются у горцев их религиозные воззрения с участием в грабежах и разбоях, он дал такое объяснение:

- По шариату, действительно, за воровство полагаются очень тяжелые кары. Но военная добыча не только разрешается, но и поощряется... Горцы же ходят воровать не иначе, как вооруженные, и в бой готовы вступить при всяком случае. А так,- украсть без оружия,- многие из них, вероятно, сочли бы позорным делом.

Уже это только объясняет, почему на Кавказе сравнительно мало простых краж и так много вооруженных краж и разбоев. Выясняется при этом любопытное расхождение государственной власти, стремящейся опереться на местную религию, с этой самой религией. Вооруженный грабеж по русским законам несравненно более тяжкое преступление, чем какая-нибудь кража, а по местным верованиям - это чуть ли не богоугодное дело.

Вообще, если бы эту область местных воззрений, верований и нравов, подвергнуть тщательному и вдумчивому изучению, то, вероятно, много вскрылось бы любопытного. И многое стало бы понятно. Объяснился бы, например, и такой факт, прямо ужасающий местных деятелей:

В горский словесный суд выбирали судей, и на одного из выбранных, Чока Чокмакова, был сделан донос, что он сидел в тюрьме за кражу. Посланное расследовать

официальное лицо донесло, что все остальные 37 избранных кандидатов - бывшие воры и судились гораздо позже Чокмакова²¹

Может быть, это самые почетные люди, потому и выбраны населением?.. Если это так, то как жестоко ошибался г. Вербицкий, когда в своем воззвании к чеченцам писал, что это «поганые свиньи, которые своею нечистою жизнью пачкают, а грязными делами позорят вас». И еще на Шамиля при этом ссылался...

Стало бы, вероятно, понятно и то, почему старшина сел. Палиевского, Генуш, о котором «все говорят, что он никогда не воровал», известен каждому ингушу, но известен под именем «многогрешного»...

Стало бы понятно и то, каким образом абреки с ничтожными по численности шайками совершают столь громкие подвиги, и в конце концов остаются неуловимыми. Оказывается ведь, что кроме «разбойников», имеются еще «соучастники». Вот что, например, сообщает г. Ткачев:

*...Рассказывая об одном нападении и услышав от меня слово **разбойник**, ингуш запротестовал:*

- Нет, какой разбойник! Он был «соучастник».

Оказалось из его слов, что это для ингуша не одно и то же.

Разбойник - так то уж разбойник; а это - «соучастник», простой, мирный человек из народа.

- Когда разбойник идет воровать или грабить, - объяснил ингуш, - многим хочется получить барыши в его деле. И они идут с ним. Это соучастники.

- Но это не разбойники,- говорил он,- это мирный народ. Всякому хочется попользоваться...

И у прославленного Зелимхана, по имеющимся сведениям, шайка - тоже очень маленькая. Но когда нужно, он сколько угодно может найти себе сподвижников.

Туземцы отличают *разбойников* от *соучастников*, а властям они то кажутся на одно лицо, то соучастники принимаются ими за мирное население, ненавидящее разбойников.

Если бы, повторяю, отношения горцев к различным формам и видам посягательства на чужое имущество подвергнуть вдумчивому и тщательному изучению, то, несомненно, вскрылось бы много любопытного. Возможно, что удалось бы даже установить некоторые закономерности, за которые и можно было бы ухватиться. Даже те отрывочные материалы, какие имеются в моем распоряжении, дают право говорить о некоторых нормах и даже об институтах в этой области, выработанных жизнью.

Вот, например, передо мною лежит прошение 18 жителей сел. Бамат-Бек-Юрта Хасав-Юртовского округа, поданное ими Вербицкому 5 июня 1909 года. Просители-русские, прибыли они из внутренних губерний в 1901 и 1902 годах и в 1903 г. Терским областным правлением были зачислены «коренными жителями» с отводом им надела в с. Бамат-Юрте. Другая половина жителей этого селения - чеченцы. Русские переселенцы имели, таким образом, возможность и время присмотреться к последним. И вот что они пишут. Среди их односельцев - чеченцев не замечены ими в грабежах только двое. Перечисляя все обиды, какие они претерпели от своих соседей, авторы прошения, между прочим, рассказывают следующий случай:

...В 1903 г. выкрадены с база посредством пролома стены пара быков у Дениса Чепурного ночью времени (так в тексте – В.Ш.), следующего дня все туземное общество явно делилось говядиной по ровному паю каждому. Мы удостоверились, что производится подел говядины с быков Чепурного, о чем доложили бывшему начальнику 1 уч. Масальгову, который предложил туземному обществу уплатить Чепурному деньги за быков, то туземное обще-

ство без всякого принуждения добровольно изъявило желание уплатить деньги Чепурному по стоимости быков и об этом предмете постановили приговор; когда же приговор приводился в исполнение и туземцы слагивали деньги за быков, то в присутствии нашем решили: что с двоих не следует требовать платы, так как таковые не участвовали в краже и не получили паев говядины.

Как видите, грабеж в данном случае - дело мирское. И в этом деле имеются свои правила, соблюдается даже своя правда...

Имеются свои правила и в охране имущества от посягательства на него со стороны грабителей. Даже институты специальные для этого выработаны жизнью. Возьму хотя бы институт ответственных караульщиков. Вот, что писал, например, шт.-кап. Вакуловский начальнику экспедиции Вербицкому в рапорте своем от 25 апреля 1909 г. за № 26:

В колонии Гнаденбург и на многих хуторах по правому берегу Терека и притоку его Курпу, как-то хутора: Ганжумова, Сухоцкого, Василенко, Некрасова, 2 хутора Маздева, Денежкина и Ахловского состоят ответственными караульщиками ингуши сел. Кескема и Сагопша. Получают эти караульщики от обществ за охрану довольно большие деньги. Так колония Гнаденбург платит 900 руб. в год, хутор Сухоцкого - 450 руб., Ганжумова - 300 руб. и т. д. Из расспросов у самих же охраняемых мною выяснено, что охрана караульщиков состоит в том, что они в случае воровства лошадей и рогатого скота на охраняемых ими землях, находят всегда ворованное и возвращают потерпевшим, взимают с них еще за хлопоты по несколько рублей.

Надо сказать, что таких ответственных караульщиков имеют не только русские, но и туземцы. В моих материалах имеется приговор Базоркинского (ингушского)

сельского общества о найме караульщиков и формальное условие, заключенное с последними уполномоченными общества. Согласно этому условию, караульщики отвечают за кражи скота, лошадей и прочего имущества, совершенный из селения в ночное время, если эта кражи совершены со взломом, а также за воровские следы, если они будут доведены на юртовой надел и нести ответственность за украденное приходится обществу. В условии предусмотрены и другие виды краж. Например, за арбы и другие экипажи караульщики должны отвечать и в том случае, если они будут украдены без взлома; отвечают они и за кражи у приезжих к жителям гостей, но за кражи у лиц, «временно оседло проживающих в селении» они не отвечают. Общество со своей стороны обязалось, если при преследовании караульщиком злоумышленников он убьет кого-либо из них, то уплатить за него 310 руб. кровных денег, а также, если караульщик будет убит и убийцы его не будут обнаружены, то уплатить родителям караульщика такую же сумму. Словом, все предусмотрено - даже взаимные отношения между караульщиками регламентированы. Плата назначена по условию старшему караульщику 20 руб. в месяц и восьми младшим - по 11 руб. 25 коп.

Надо сказать, что ответственные караульщики прекрасно справляются с делом, за которое берутся. Порою, как говорят, они оказывают прямо магическое действие. Г.Ткачев передает, между прочим, такой случай:

Когда начальнику округа стало известно, что караульщик хутора, ингуш, лечится где-то от раны и его нет около трех месяцев, и он спросил, кто караулит хутор, то хуторяне отвечали, что отсутствующий караульщик сказал им, что он оставляет на хуторе свою шапку, которая предупредит их от краж и грабежей и что в действительности в хуторе за время отсутствия этого караульщика не было краж и грабежей... Является вопрос, - гово-

рит г. Ткачев, - каким образом шапка ингуша может окарауливать целое поселение?

Подобным же вопросом задается и шт. кап. Вакуловский в вышеупомянутом рапорте. *«Такое положение вещей, - пишет он, - по моему мнению, ненормально. Немыслимо одному и редко двум человекам охранять участки земли, часто разбросанные за несколько верст, в 4-5 тыс. десятин и отвечать за пропажу на них, не зная самому всех воров и не будучи с ними в сделке».*

Вполне возможно, конечно, что в «племенной профессии» чеченцев и ингушей происходит эта именно своеобразная эволюция: вместо спорадических военных набегов на соседей, они начали облагать их регулярною данью. И для этого «разбойники» становятся «караульщиками»... Но это только предположение, и заняться выяснением того, насколько оно основательно, я не имею возможности. Мне хотелось лишь отметить, что в интересующей нас сейчас сфере местных отношений имеются свои, как я выразился, «закономерности». И их далеко нелишне было бы изучить. Тогда, быть может, удалось бы для борьбы с разбойничеством найти более твердую почву, ухватившись за то, до чего население уже дожило, что оно уже выработало.

Но власти, если и натываются на такие закономерности, то только случайно. А, наткнувшись, хотя бы на тот же институт ответственных караульщиков, относятся, конечно, к нему резко отрицательно.

«С своей стороны, - пишет Вербицкий на рапорте Вакуловского, - считаю ответственных караульщиков страшным злом для области». И «население в большинстве - по его словам - держится такого же взгляда». *«Необходимо запретить населению, - продолжает г. Вербицкий, - нанимать таких караульщиков вообще, а русским и немцам особенно следует запретить нанимать сторожей - туземцев».* У г. Вербицкого, как у начальника экспедиции

по искоренению разбойничества, имелся в этом случае и свой расчет: тогда можно будет больше наловить грабителей. *«Можно с уверенностью сказать,- пишет он генерал-губернатору,- что большинство из них (караульщиков) поселится снова в своих аулах и по привычке продолжая воровать, очень скоро будут представлены своими обществами к выселению»*. План, пожалуй, верный: сначала лишить людей заработка, заставить их вернуться к «привычному» воровству, а потом поймать и выселить.

Из книжки г. Ткачева видно, что требования об удалении ответственных караульщиков уже предъявляются к населению, т. е. план г. Вербицкого осуществляется. Но из той же книжки видно, что в некоторых случаях население умоляет оставить им ингушей-караульщиков, так как иначе от грабежей не спастись: и воинская команда, по их словам, не помогает, и казачья тоже, а при караульщике-ингуше - все спокойно.

Можно, однако, понять, и точку зрения г. Вербицкого. Не может же в самом деле государство, наткнувшись на организацию, вроде ответственных караульщиков, примириться с ее существованием. Оно, конечно, вправе сказать им: воры или не воры вы, но убирайтесь! Охранять собственность - это моя задача...

Но в таком случае оно, конечно, должно эту задачу выполнить и дать населению лучшую охрану, чем какой являлись для него ответственные караульщики. Но что, если данная им охрана окажется не лучше, а пожалуй, в некоторых отношениях и хуже не только ответственных караульщиков, но даже воров и разбойников?..

VI

Как искореняют разбойников на Кавказе. VI. Инструкции, данные отряду Вербицкого, и отклики на них. VII. Набег на Гудермес. VIII. Поиск капитана Дудникова. IX. Как ограждалась жизнь населе-

Временно-охотничий отряд для уничтожения разбойничества в Терской области был сформирован приказом от 7 марта 1909 года. *«Уничтожение»* понималось при этом буквально - чересчур даже буквально. *«Нам нужно помнить,- говорилось в инструкции, данной отряду, - что наше дело не пугать разбойников, идущих на разбой, а истреблять их, по возможности до одного, чтобы не повадно им было в то время, когда действует отряд, разбойничать и проявлять пренебрежение к нам»*. Поэтому:

«Если разбойники засели в сакле, то в саклю отнюдь не бросаться, а засев от сакли подальше, занять их огнем; засесть надо так, чтобы можно было стрелять по выходам (по дверям, по окнам) и наискось: тогда разбойник в нас из сакли попасть не может. Один из выходов, устроив против него засаду, оставить без обстреливания и стараться таким образом выманить разбойников туда, чтобы бежать, и как только они из сакли будут выскакивать - подстрелить. Если выманить разбойников из сакли не удастся, то, заняв огнем с одной стороны, с другой - поджечь саклю. По мере того, как они будут выскакивать - убивать...».

Аналогичные инструкции даны были отряду и для всех других случаев (на случай встречи с «подозрительными людьми» в поле или лесу, при сопровождении захваченных лиц к месту заключения и т. д.). Вообще, *«всякий меткий выстрел, - наставлял г. Вербицкий, - есть верный шаг к победе и, наоборот, каждый промах ободряет противника, от чего силы его удесятерятся»*. Для того же, чтобы выстрелы были верными, стрелять нужно непременно в лоб:

«Каждый стрелок должен пристреляться к своей винтовке и знать, куда именно нужно целиться, чтобы

попасть в лоб противнику при всяком его положении. Для этого будет пройден особый курс стрельбы, по указанию и под руководством помощника моего, штабс-капитана Григорчука».

Впрочем, это требование г. Вербицкий считал возможным несколько ослабить. *«Разрешается попасть противнику - читаем мы в инструкции - не в середину лба, а, например, в бровь, в висок, но следует твердо помнить, что всякое отклонение вниз и вверх поведет к промаху обязательно».* Конечно, и ниже лба имеются достаточно важные для жизни органы, но терские военачальники опасались, нет ли у разбойников непроницаемых для пуль панцирей. *«Поговаривают, что Зелимхан имеет такой панцирь»...* Потому-то они и решили искоренять разбойников прямо в лоб: так оно будет вернее...²².

Одно, казалось бы, могло все-таки затруднить применение этой верной программы: на лбу ведь не написано, кто разбойник... Но это соображение, по-видимому, мало смущало терские власти. Начальникам команд была дана на этот счет такая инструкция:

«Гуманное, на первый взгляд нежелание оружием подчинять себе каких-нибудь мерзавцев или мерзавца может привести только к излишнему кровопролитию. Раз сопротивляются или не исполняют законного вашего требования, да еще вооруженные, -бейте...».

Бейте только оружием... В этом и заключается истинный гуманизм: *«люди— не скотина, и если они не повинуются словам, то против них должны быть пущены в ход штыки, шашки или пули, а не плети или кулаки»...*

Инструкции эти, очевидно, были выработаны уже заранее, прежде чем приказ о формировании отряда и о назначении его начальником г. Вербицкого был подписан. Немедленно же было опубликовано и цитированное мною «Воззвание к мирному населению и разбойникам Терской

области», в котором г. Вербицкий советовал последним не сдаваться ему живыми, так как их все равно уничтожат. Таким образом, общий характер, какой должна была получить деятельность временно-охотничьего отряда, определился сразу.

И ряд лиц тотчас же откликнулся, предлагая свои услуги г. Вербицкому. *«Я люблю,— писал ему, например, один хорунжий, — эту охоту по зверю, обороняющемуся равным оружием. Условия службы последних лет создали из меня цыгана и совершенно отучили от регулярной службы»...* Поэтому он и предлагал себя в начальники летучей команды. С более скромным прошением обратился некий отставной поручик (из казаков):

Мне, как человеку, не имеющему отца, матери и семьи и находящемуся не у дел,— писал он, — жизнь не представляет особой ценности. Возможность же заслужить Ваше внимание и чрез то впоследствии снова занять подобающее мне по чину и образованию место, в котором мне бывшим генерал-губернатором было отказано, заставляет покорнейше просить Вас о зачислении меня в ряды бойцов с хищниками. Напишите, когда, к кому и в какое место мне явиться, и Вы будете иметь в своих рядах не лишнего, здорового, преданного человека ...

Р. С. За неимением средств явиться могу пешим. Должностью не стесняюсь, согласен на всякую, по Вашему усмотрению, до рядового бойца включительно.

Само собой понятно, что каждое из таких лиц «вполне сочувствовало великой задаче», возложенной на Вербицкого, и горело «ревностью принести пользу отечеству». И каждый считал себя к искоренению разбойничества достаточно подготовленным. Так, упомянутый хорунжий уже «состоял в течение года фактическим начальником летучей команды и за это время познакомился со всеми дорогами, тропинками, хуторами, кочевками и кутана-

ми²³. *«Имею добавить, - писал он, - что действовал не безуспешно... Между прочим, имел серьезные столкновения и выходил с честью».* Другой проситель десять лет служил на персидской и турецкой границах и на Дальнем Востоке, между прочим, в пограничной страже («в безграничной краже», как он иронизирует в своем письме к адъютанту Вербицкого), и эта служба дала ему «немалый опыт, далеко не лишний в подобном деле». Но едва ли не лучше всех был подготовлен некий грозненский мещанин, подавший Вербицкому одно за другим два прошения. Он 6 лет прослужил объездчиком в казенном лесу, хорошо изучил, по его словам, места, где укрываются в летнее время абреки, встречался даже с самим Зелимханом и вдобавок ко всему сам имел «азиатскую физиономию».

Кроме того, - писал он в своем прошении, - считаю нужным доложить Вам, что я так хорошо владею чеченским языком, что... сами чеченцы даже не могут различить, что я русский, костюм я всегда ношу тоже местной азиатской формы, риск я имею тоже большой на все подвиги, даже один могу пойти, куда начальство мое прикажет, даже хотя бы к самому Зелимхану в лес. Огнестрельным и холодным оружием всех родов и систем также владею прекрасно. Все местности и трупщобы... мне известны, так как я рожден здесь, на Кавказе, и доводилось мне неоднократно проходить все упомянутые места в бытность мою в лесничестве, а до службы в оном я постоянно занимался охотой по горам и лесам на всякого рода зверей

Нетрудно догадаться, на какую должность при описанных познаниях, свойствах и талантах прочил себе этот мещанин. *«Я могу, - писал он, - все секреты горцев узнать и донести Вам, в виду этого я могу быть полезительным во вверенном Вам отряде и принести большую пользу и интерес в поимке разбойников и заслужить себе честь и славу и*

быть для Вас по долгу верноподданного честным гражданином».

Просьбу эту мою,- прибавлял он, - прошу держать в секрете, ибо я рискую своей головой, и чтобы состоящие при Вас телохранители не могли бы знать, а в особенности туземцы о том, что я буду находиться на службе в Вашем отряде, это для того, дабы мне легко было бы можно пойти близко к любому абреку, а в особенности к самому Зелимхану

Не случайно, как можно думать, все эти охотники, поспешившие предложить свои услуги Вербицкому, вели цыганскую жизнь, оставались не у дел, не имели места, подобающего их чину и образованию. *«Правда, - писал, например, о себе упомянутый поручик, - репутация замарана: был под судом, сидел не раз на гауптвахте и т. п. Молодость была буйная»...*

Кое-кем из этих добровольцев,- в частности, поручиком с «замаранной репутацией»,- г. Вербицкий воспользовался и предоставил им в своем отряде места, подобающие их чину и познаниям. Но вообще-то охотников, частью, по обязанностям службы, частью, по вольному найму,- и без них у него было уже достаточно.

Чем руководились власти при найме людей в партизанские команды²⁴,- я не знаю. Из моих материалов видно лишь, что в составе этих команд, как потом оказалось, были даже беглые, т. е. заведомо «порочные люди», сосланные в Сибирь и самовольно вернувшиеся оттуда. Да и вообще под командой г. Вербицкого достаточно, как увидим, нашлось людей, имевших «большой риск на все подвиги»...

VII

Отряд для искоренения разбойничества был сформирован, как уже сказано, 7 марта, а 14 марта он уже со-

вершил подвиг. Для этого было достаточно приказа по отряду, даже одного только пункта в этом приказе. В нем говорится:

Предписываю начальнику команды разведчиков 84-го Ширванского полка штабс-капитану Ардабьевскому прибыть 14-го марта поездом № 11 с командой разведчиков и командой хорунжеского Яицкого на ст. Гудермес, вызвать из станицы Кахановской находящуюся там на дневке 1-ю сотню 2-го Кизляро-Гребенского полка, оцепить сотней базар, а командам отобрать все огнестрельное оружие у чеченцев на базаре. По исполнении задачи возвратиться в Хасав-Юрт

Только и всего... Отдав этот приказ и дополнив его «словесными разъяснениями подъесаулу Суворецкому», г. Вербицкий «спокойно», по его словам, уехал во Владикавказ. Там предстояло более серьезное дело, и свое присутствие он считал необходимым, «так как я получил,- писал он потом в своих объяснениях - от Наказного атамана с нарочным секретные сведения о движении шайки Зелимхана к Владикавказу». «Руководство же Гудермесовским отрядом мною было поручено штабс-капитану Ардабьевскому, человеку боевому, выдающемуся, известному своим мужеством, выдержкой и распорядительностью»²⁵. Да и задача была дана ему, не бог весть, какая: обыскать базар..., на котором скопятся до пяти тысяч чеченцев.

«Секретные сведения» о движении Зелимхана к Владикавказу оказались, как и следовало ожидать, вздорными. В Гудермесе же разыгралась история, которую, конечно, не трудно было предвидеть.

Войска нагрянули туда внезапно, даже местные власти не были предупреждены о предстоящем обыске. Не был извещен не только аульный старшина, но и начальник участка (становой пристав), который должен был потом догонять отряд, чтобы узнать, что это за войска и с какою

целью приходили они в Гудермес. *«Предварять население Гудермеса об обыске, - писал потом в своих объяснениях г. Вербицкий, - я считал безусловно вредным, так как получил секретное сведение, что на Гудермесовский базар ожидалась шайка разбойников с нагребленным скотом, который тут же и должен был продаваться».* Поэтому же, нужно думать, не предупредил он о задуманной им операции и полицию. Да и по существу никаких предупреждений, по его мнению, не требовалось: «правила ношения оружия в области всем известны и приказ № 209 в сущности ничего нового не устанавливал, а только напоминал прежние распоряжения, которые население не исполняло, а низшая администрация не настаивала на исполнении». В действительности, однако, и напоминания гудермесовцам сделано не было. Номер «Терских Ведомостей» с приказом № 209 (о формировании временно – охотничьего отряда), по словам самого г. Вербицкого, был получен начальником округа (исправником) лишь 13-го марта, и последний, если бы даже хотел, не имел времени оповестить о нем жителей. Таким образом, собравшиеся на базаре чеченцы не только о предстоящем обыске, но и о самом Вербицком и возложенной на него миссии не имели ни малейшего понятия. В базарную толпу, не ожидавшую ничего подобного, вдруг ворвались солдаты, казаки, партизаны...

В моих материалах имеется протокол полицейского дознания, составленный на следующий день начальником участка, г. Берздниевым. Вот, как изображается в нем эта картина со слов почетных стариков и должностных лиц селения:

«Опрошенный житель селения Гудермес, мулла Муса-Хаджи Баталов, 60 лет, очевидец начала происшествия, показал: сего числа утром я стоял около места продажи скота, где было много народа. Вдруг к толпе народа подскочили человек десять казаков с офицером в серой

шапке (хорунжий Яицков), крича: давай кинжалы, давай оружие, стали таковое срывать. Многие из туземцев поспешно снимали и отдавали кинжалы; несмотря на это, офицер и казаки наносили удары плетью и прикладами ружей в начале тем, которые не могли быстро снять кинжалы, а потом стали бить всех подряд. Народ кинулся бежать в разные стороны, и казаки поскакали далее. Я увидел лежащими на земле без чувств трех туземцев, но узнал, что они еще живы, и побежал за казаками, которые продолжали бить и срывать кинжалы. Многие от ударов падали...».

Ту же картину нарисовал в своем показании и аульный старшина Анзор Дукаев:

Я приехал на базар для наблюдения за порядком. Вдруг услышал крик, плач детей и женищин и увидел общую суматоху народа. Подъехав к конному казаку, я узнал, что прибыл отряд для обезоруживанья. Тогда я, ходя по базару, успокаивал народ, прося быть спокойными и добровольно отдавать оружие. Когда оружие в этом месте было уже отобрано, я услышал шум в другом месте, что там бьют прикладами. Прибежав туда, увидел трех человек туземцев лежащими на земле без чувств. Видя это, спросил: что такое? А бывший тут же казачий офицер Яицков спросил: а ты кто? В ответ офицеру, что я старшина, офицер крикнул матерно: бейте его! и ударил меня три раза плетью по голове и плечу, после этого урядник стал бить плетью, а казаки - прикладами ружей, причем, ударом плети выбили один передний зуб на нижней челюсти и два зуба расшатаны от ударов прикладами и плетью. Я упал...

Данную властями инструкцию войска отряда усвоили, очевидно, плохо, истинною гуманностью ее не прониклись и начали, по установившемуся уже обычаю, с прикладов и нагаек. Скоро, однако, дело дошло и до огнестрель-

ного оружия... Кто начал перестрелку и даже были ли выстрелы со стороны туземцев, установить по имеющимся у меня документам довольно трудно. Если свести довольно противоречивые на этот счет показания воедино, не заподозревая ничьей добросовестности, то наиболее вероятной представляется такая картина. В одном месте чеченцы окружили казака, у которого в охапке были отобранные кинжалы, и стали требовать их обратно. На выручку казаку бросились солдаты и начали разгонять толпу прикладами. Тогда некоторые из толпы бросились к плетню и схватились за колья. Солдаты начали отступать, отбиваясь прикладами и штыками. Чеченцы, однако, все наседали и, наконец, один из них выстрелил из пистолета. Тогда солдаты, по команде офицера, открыли стрельбу из ружей... Урон, понесенный войсками, как и всегда в таких случаях, был подсчитан со скрупулезною точностью,- вплоть до зазубрины, которая оказалась на штыке одного из ружей. Легко ранеными при этом подсчете оказались: один солдат и одна лошадь. Что касается чеченцев, то кровоподтеков и выбитых зубов у них не считали. По официальным данным, на Гудермесовском базаре было убито трое и ранено десять туземцев. По слухам же, занесенным и в официальные документы, раненых было больше, но чеченцы успели развезти их по своим аулам...

Ни одного, однако, разбойника войска при этом не уничтожили. Шайки, о которой г. Вербицкий имел секретное сведение и для истребления которой он не нашел лучшего места, как многолюдный базар, на последнем не оказалось. *«Никаких абреков с трехлинейными винтовками, - говорится в полицейском протоколе, - в то время на базаре не было и не могло быть»*. Властям, видимо, однако, очень хотелось, чтобы убитые оказались разбойниками или, по крайней мере, порочными людьми, и, нужно думать с этою целью были затребованы справки об их «судимости, пове-

дении и образе жизни». Сведения, однако, получились такие: под судом и следствием не был, поведения хорошего, занимался честным трудом²⁶. Лишь об одном из убитых было «негласно дознано», что «лет 17 тому назад он был административно сослан на Чечень-остров»²⁷...

Огнестрельного оружия при обыске было отобрано, хотя отбиралось даже то, на которое имелись разрешительные свидетельства, - тоже немного: 6 берданок, 1 двустволка, 1 кремневое ружье и 2 револьвера. Гораздо больше отобрано кинжалов, - по начальству представлено их 98 штук, хотя отбирать их вовсе не полагалось, и на этот счет, помимо общей инструкции войскам, отправленным в Гудермес, было отдано еще специальное распоряжение. *«Кинжалы мною отбирались, - объяснил потом в своем рапорте шт.-кап. Ардабьевский, - потому, что они обнажались против казаков и разведчиков»*. Легко, однако, понять, что отобрать 98 обнаженных кинжалов нельзя, не поранив себе рук при этом. Впрочем, как отбирались кинжалы, мы уже видели...

По мнению участкового начальника, оружие можно было отобрать у чеченцев и без пролития крови. *«Я думаю, - говорится в составленном им протоколе, - что сопротивление со стрельбою туземцев не вызвалось бы, если бы с самого начала казаки не ворвались в базарную толпу и не принялись срывать у туземцев кинжалы... и если бы туземцам было предъявлено требование о сдаче оружия, хотя бы в присутствии местной сельской власти. Во всяком случае, я нахожу, что со стороны отряда была допущена, безусловно, нетактичность»*...

В этой «нетактичности» отряд зашел, в сущности, очень далеко. В действительности кинжалов было отобрано или сорвано значительно больше, чем представлено по начальству. При этом, как видно из объяснений г. Вербицкого, «обращалось внимание главным образом... на кинжа-

лы под серебром». А за одно уж отбирались и другие ценные вещи. Потом и кинжалы, и вещи исчезли...

«При расследовании, - записал начальник участка в своем протоколе, - мне пришлось выслушать заявившиеся претензии следующих лиц: 1) житель селения Гудермес Дабач-Хажии-Мануко-Хажиев, занимается хлебной ссыпкой, заявил, что уже после обыска в его амбаре он вышел во двор; стоявший на углу пост из 3-х солдат задержал его и из нагрудного кармана ограбил 415 руб. 50 коп., причем, разорвали карманы; 2) житель селения Аксай Хасав-Юртовского округа Нафулла Мирза-оглы заявил, что во время суматохи казаками взято 25 новых кинжалов, привезенных им для продажи, которые в отобранном оружии не найдены; 3) житель селения Гудермес Муса Эланбаев заявил, что при обыске вместе с отобранием кинжала казаками взяты из висевшей на стене черкески серебряные газыри, которые назад не возвращены; 4) житель селения Гудермес Иса Вагабов, служащий на станции Гудермес резервуарищиком, заявил, что еще до обыска на базаре, он, идя на водокачку с машинистом Федором Матвеевым встретился с казаками, ехавшими в оцепление базара, и они отобрали у него кинжал под серебром, стоящий 25 рублей, который не был ему возвращен и в отобранном оружии не оказался...».

И т. д... Всего записано в протокол таких претензий одиннадцать. «При расследовании этих претензий,- говорится дальше, - справедливость их подтвердилась, но установить, кто именно из казаков или солдат утаил пропавшие вещи и ограбил деньги, совершенно не представилось возможным...

Таков был дебют временно-охотничьего отряда, сформированного для искоренения грабежей и разбоев... Станьте на точку зрения туземцев, и пред вами окажется определенная картина: совершенно неожиданно напали

разбойники и начали убивать и грабить... *«Я 10 лет абреком,- писал потом Зелимхан,- и то не сделал такой страшный действий сделанной Вербицким один час»...*

VIII

Терские военачальники не прочь были, по-видимому, перенять кое-что у японцев. Как ловко, в самом деле, эти последние подобрались к нашей эскадре: совершенно врасплох, улучив самую подходящую для этого минуту... Да и вообще осведомленность у японцев была удивительная. Вот в чем секрет военной удачи: осведомленность и неожиданность.

Ту же, в сущности, тактику усвоил и г. Вербицкий. Раздобыв «секретное сведение», он организовал совершенно неожиданный набег - на чеченцев. Результаты только получились несколько иные... Остановлюсь еще на одной из подобных операций.

12 или 13 апреля, т. е. спустя месяц после набега на Гудермес, объехав Грозненский округ, г. Вербицкий вместе со шт.-кап. Григорчуком и подьесаулом Медяником возвращался во Владикавказ.

В том же вагоне 1-го класса,- рассказывает он,- ехал и капитан Дудников²⁸. Он говорил о том, что по приезде во Владикавказ сообщит мне особенно секретные сведения об общем деле. «Очень секретно» можно было сказать тут же, в купе, но на этот раз пересекретничали.

На следующий день Дудников явился к Вербицкому и показал ему «оригинальный, начерченный чеченцем, план или, скорее, схему долины р. Ассы», а вместе с тем сообщил и свои «особенно секретные сведения». Добыл он их довольно оригинальным путем. Впрочем, для офицера, несущего полицейскую службу, этот путь, пожалуй, не столь уж необычный.

Оказывается, как говорил капитан Дудников, он пошел с сотней в с. Хорохой, окружил кварталы родственников Зелимхана и объяснил им, что сожжет все их дома, если они не выдадут ему Зелимхана. Были даже разложены костры для этой цели. Родственники испугались, вызвали знакомого человека и под присягой дали сведения...

По рассказам этих невольных и запуганных «доказчиков», семьи Зелимхана, его отца и брата жила прямо в романтической обстановке. В верховьях р. Ассы, в горах, есть единственный в той местности сосновый лес. «В этом лесу имеется большая, версты в две квадратных, поляна, а на этой поляне стоят две жилые башни, в которых и сохраняются семьи Зелимхана. Может случиться, что и сам Зелимхан будет там»...

Таковы были секретные сведения г. Дудникова. Едва ли нужно даже говорить, сколь они были соблазнительны. Кроме семейных Зелимхана, в этих башнях хранятся, конечно, и его богатства. Главное же, и сам Зелимхан может быть там... Предприятие, конечно, трудное и опасное, но есть из-за чего рискнуть.

Как оказалось, Дудников уже выпросил у кн. Орбелиани (помощника наказного атамана) роту пехоты и сотню казаков, но этого ему показалось мало, и он пришел к Вербицкому, рассчитывая, что тот со своим отрядом примет участие в экспедиции и возьмет на себя командование. Но Вербицкий заболел и сам отправиться не мог, но он взял все-таки экспедицию под свою высокую руку. Он хорошо, однако, понимал, что с Дудниковым трудно рассчитывать на удачу. «Я уверен был,- пишет г. Вербицкий, - что у Дудникова с командирами роты и сотни возникнут непременно трения». Поэтому он позвал к себе шт.-капитана Григорчука, передал ему все, что узнал от Дудникова и приказал ему вместе с подъесаулом Медяником²⁹ отправиться в экспедицию. При этом:

«Я приказал Медянику, - пишет он, - приготовить предписание, в котором предлагал шт.-кап. Григорчуку, как только он заметит замешательство и вообще неправильные действия всех трех капитанов, немедленно, не смотря на старшинство, принять начальство на себя и с присущей ему опытностью в деле борьбы с разбойниками вступить в командование отрядом».

Это - тоже, как в романах..., в которых действующими лицами являются иезуиты: святой отец и при нем лакей или послушник, - другой иезуит для подглядывания. В случае какого-нибудь неправильного действия святого отца послушник вынимает бумагу из кармана и говорит: ну, теперь я буду святым отцом, а ты - послушником... *«Я не мог, - объясняет г. Вербицкий эту свою выдумку, - поехать к кн. Орбелиани и переговорить с ним о назначении кого-нибудь из более подходящих по способностям, а главное по старшинству, офицеров. Впрочем, «относительно нападения на отряд жителей,- пишет далее г. Вербицкий, - я особенно не беспокоился, так как странно было бы придавать значение, хотя бы и большому по количеству, но плохо и разнокалиберно вооруженных ингушей, которые бы осмелились выступить против отряда, как боевая сила. В горах трудно одолеть часть, которая обладает инициативой и знаниями, а ведь учимся же мы хоть кое-чему.*

К сожалению, в конце концов, оказалось...»

Что, в конце концов, оказалось, мы сейчас увидим. Пока же - по порядку. Отряд выступил 14 апреля. При одной сотне и одной роте в нем было девять офицеров (три капитана, один есаул, два штабс-капитана, три подьесаула) и еще юнкер,- по крайней мере, вдвое больше, чем обыкновенно бывает. Пройдя 12 верст и дойдя до станицы Тарской, отряд устроил дневку. Дальнейший план был такой: выйти с вечера, ночью дойти до горы Баракчи, где предпо-

лагался Зелимхан, и на рассвете внезапно захватить шайку. Дошли, однако, только до хутора Цорха.

«Перед последним заворотом тропы, с которого самого хутора еще не видно,- писал потом в своем рапорте шт.-кап. Григорчук,- капитан Дудников предложил сделать обыск, так как получил сведение, что здесь находится постоянный укрыватель Зелимхана – Габисов и легко допустимо присутствие самого Зелимхана. Этот обыск не входил в наши расчеты... Но когда капитан Дудников на мой вопрос стоит ли всему отряду терять время на обыск ничтожного хутора и не лучше ли идти прямо к цели, оставив здесь несколько казаков при опытном офицере, ответил, что присутствие Зелимхана здесь так же вероятно, как и в Борахчи (а за последнее он и раньше не ручался), и что, имея путь через Цорх, мы обнаружим себя все равно, то и я твердо решил, что Цорх надо взять и, захватив всех его обитателей, немедленно трогаться в Борахчи... Я предложил, раз уж решено Цорх взять, не ожидать отставших... Все согласились со мной и, взяв по несколько казаков и наметив себе пункты, мы с места в карьер бросились к хутору».

Читатели, конечно, представляют себе эту картину. Совершенно неожиданно даже для себя, «перед последним заворотом тропы», офицеры решают «взять» попавшийся им на дороге хутор, и казаки с места в карьер бросаются к саклям, дело происходит на рассвете, когда сон бывает особенно крепок. Но жизнь в области приучила население к внезапным нападениям,- и из одной сакли нападающих встретили выстрелами. Очевидно, там засели абреки... Такой случай, как мы знаем», был предусмотрен, в инструкции, войска знали, что делать...

В непродолжительном времени перестрелка утихла, и оставалось только решить, перебиты ли абреки или затаились, ожидая удобного случая закончить достойным об-

разом последние минуты... Посланный в расстрелянную саклю ингуш возвратился с извещением, что все убиты; тут же выскочила из сакли обезумевшая от страха и ярости женщина, которой и было приказано выносить оружие...

Для того же, чтобы принудить ее к этому, подожгли саклю. В действительности, как оказалось, убиты были лишь двое, сыновья Габисова; сам же Габисов и ночевавший у него житель селения Сурхохи Хадышко, найдены были на дворе смертельно ранеными. «Будущий зять Габисова», Бек-Султан Гониев, выскочил во время перестрелки из сакли и бросился в реку, но был убит прежде, чем достиг противоположного берега. «Дело пока шло блестяще», хотя один «зазевавшийся» казак и был смертельно ранен. Дальше, однако, начались затруднения...

Подъесаул Вертепов в своем донесении потом находил, что вся вообще экспедиция была проведена донельзя скверно. Дневка в Тарской, после 12-ти верстного перехода, была излишней и лишь повредила сохранению секрета, «цель секретного движения не достигалась: разговор, громкие команды, горящие факелы мешали». «Отряд шел без охраны, без глаз и ушей». «Как перед выступлением, так и перед действием не был обсужден план, люди не были распределены на группы и не поручены офицерам». Время движения вообще не было рассчитано, в частности для пехоты и конницы не было согласовано. Рота связала сотню, замедлила ее движение, сама переутомилась и опоздала. Когда она подоспела и вступила в дело, то в цепи не оказалось офицеров; последние остались в резерве. «При вторичной перестрелке командир сотни пошел на выручку пешком и опоздал; не имея при себе конных, он делал распоряжения через пеших посыльных, что и замедляло исполнение приказаний». «Отсутствие начальника отряда, - заключает г. Вертепов, - ярко сказалось».

Уже нападение на хутор представляло беспорядочную картину: люди перепутались, офицеры не находили себе мест, некоторые растеряли лошадей. Вот, что писал, например, шт.-кап. Григорчук в своем рапорте:

«Не доскакав шагов ста до нижней сакли, куда я держал направление, конь мой, не перескочив камней, преграждавших тропинку, полетел через голову вместе со мною, перебив при этом ложу моего ружья. Оправившись и поскакав дальше, я увидел, что сакля эта окружена даже в более чем достаточном количестве, а напротив, близь левой сакли, - беспорядочная толпа людей и лошадей; верхняя же и вовсе не оцеплена, а потому я выскакал сюда, и в эту же минуту началась стрельба. Не разбирая в точности, из какой именно сакли открыт огонь, я, подъесаул Вертепов и Медяник решили, переправившись через Ассу, обскакать со стороны леса, дабы не дать возможности абрекам уйти по Алкунской дороге. Однако от речки я увидел, что, забравшись в лес, мы вовсе лишимся кругозора; а потому, выскакав снова к левой сакле, я бросил там коня казаку и пешим побежал к верхней сакле, которая совсем оцеплена не была... Попавшийся по дороге казак уверял, что из этой сакли производились выстрелы, а потому мы бросились к ней, но, убедившись, что кроме перепуганных двух женщин и мальчугана никаких абреков там нет, я солдат оставил здесь в виде оцепления, а сам перескочил к нижней сакле, откуда все время продолжалась по нам стрельба...»

Но «все шло блестяще», пока приходилось только расстреливать саклю... Случилось, однако, осложнение. Во время перестрелки тринадцать лошадей, напуганных беспорядочной стрельбой, вырвались у коноводов, и ушли по Алкунской дороге. По окончании «дела» в погоню за ними был послан разъезд, который в версте от Цорха попал под выстрелы. Началась новая перестрелка с противниками,

которых не было видно. Во время этой перестрелки один казак был убит и два ранены, после чего стрелявшие горцы ушли, никем не преследуемые. Сначала думали, что это Зелимхан устроил засаду; в действительности, как выяснилось потом, Зелимхана в этом округе вовсе не было и перестрелку, по слухам, устроил единственный оставшийся в живых сын Габисова, который успел призвать на помощь жителей соседнего Сарали-Опиевского хутора. Как бы то ни было, охота идти дальше сразу исчезла, и отряд спешно вернулся во Владикавказ.

«К сожалению, в конце концов оказалось,- писал Вербицкий,- что страх смерти взявшего на себя командование отрядом капитана Дудникова парализовал силы и знания отряда и вместо того, чтобы уничтожив Цорх, двинуться на юг для овладения семьей Зелимхана, отряд торопливо пошел через роковое ущелье, где был расстрелян разъезд 1-ой сотни Кизляро-Гребенского полка, и отправился восвояси». Судя по донесению Вертепова, страх смерти охватил не только Дудникова. Описывая вторую перестрелку, он то и дело упоминает: «своим примером я не мог заставить солдат выйти из балки», «солдаты не шли за мной, оставаясь в балке», «капитан Дудников сам не идет с ротой и не пускает коноводов». «Прошло еще немало времени», прежде чем рота вылезла из балки и «показалась по одному на дистанции»...

Впрочем, идти дальше не имело даже смысла. «Особенно секретные сведения», добытые Дудниковым, оказались вздорными. *«Башни, да и вообще весь представленный вам план,- доносил потом Вербицкому Григорчук, - действительности не отвечал. По крайней мере, я слышал, что сосновые леса, поляны, и самые башни находятся не в этих окрестностях, а в направлении к хамхинскому обществу»...*

Г. Вербицкий и после этого продолжал верить в пресловутую «сосновую рощу с башнями на поляне» и только полагал, что отряд ошибся в направлении, что башни находятся не со стороны Цорха, а со стороны Доли. Поэтому, быть может, в мае месяце, выпросив у генерал-губернатора подкрепление своему отряду, он предпринял новый поход к горе Барахчи и обыскал ее со всех сторон. В своей докладной записке начальнику Терской области (от 30 апреля 1909г.) г. Вербицкий мотивировал этот подход необходимостью для поддержания престижа «устрашить население», которое «почти со времени завоевания Чечни не видело войск в их полном и грозном виде». *«Помимо желательного эффекта для населения, разведка эта, - продолжал г. Вербицкий, - может дать и другие практические результаты. Известно, например, что во многих обществах составлены приговоры о высылке порочных лиц и о выдаче оружия, но, тем не менее, все это осталось буквой, а к делу населения не приступает. Мало того, сбор числящихся за ним недоимок, податей и штрафов затягивается на неопределенное время, подчеркивая лишний раз несостоятельность администрации, и устрашающе появление всегда готовых поддержать свои законные требования оружием войск, окажется ясным и своевременным».* О башнях в этом докладе не упоминается вовсе и лишь глухо сказано: *«Кроме того, необходимо теперь же посетить и обыскать, насколько это окажется возможным, ту глухую и мало посещаемую властями местность, где жители не постеснялись 14 апреля огнем встретить отряд».* Доводы г. Вербицкого показали начальнику области убедительными, и он одобрил поход, найдя лишь участие артиллерии в нем излишним (даны были лишь пулеметы). Но ни башен, ни Зелимхана он не нашел. Теперь мы хорошо уже знаем, что никаких башен нет и не было. Прошлой осенью семья Зелимхана была, наконец, найдена и

захвачена. Жила она в самой обыкновенной сакле, в селе-нии Нельхе, откуда успела бежать перед приходом войск. Последние нашли ее *«в пещере, на границе вечного снега, полузамерзшую и истощенную вследствие недостатка съестных припасов»*³⁰...

Таким образом, в основе всего «поиска капитана Дудникова», как в официальной переписке называется первый поход к Барахчам, лежала, в сущности, басня. Но и за всем тем поход этот, по мнению г. Вербицкого, не был бесплодным: *«отряд, - писал он потом, - отлично преодолел все трудности чрезвычайно тяжелой и опасной дороги... и истребил всю шайку абреков и их укрывателей»*. На этот раз справок о судимости убитых, по-видимому, не собирали. Ясно ведь было и так, что все это - разбойники и укрыватели...

В результате такого рода выводов и соответствующих донесений 27 апреля был издан приказ по Терскому казачьему войску (№ 196). *«Сердечно приветствую вас, дорогие терцы, - писал в нем наказной атаман, - со славным делом у хутора Цорх Назрановского округа. Все чины полусотни как бы щеголяли друг перед другом сметливостью и выполнили возложенную на отряд задачу... Вам, живым участникам означенного дела, низкий поклон от всего Терского войска. Спасибо вам, что не посрамили казачества и седой славы предков своих... О соответствующем награждении особенно достойных г.г. офицеров и нижних чинов мною вместе с сим испрашивается разрешение»*... В числе, «прекрасно показавших себя» офицеров значится в этом приказе и «руководивший действиями полусотни казаков капитан Дудников».

Для жителей Цорха и Сарали-Опиева «поиск капитана Дудникова» имел иные последствия. В моих материалах имеется копия с дешифрованной телеграммы Кавказ-

ского наместника начальнику Терской области следующего содержания:

«26.09. Согласно вашему ходатайству разрешаю: жителей хуторов Цорх и Сарали-Опиево расселить по местам приписки и сверх того самые постройки хутора Цорх уничтожить. Номер 1599. Граф Воронцов-Дашков».

Исполнить это поручено было поручено Вербицкому...

Таков оказался для Цорха эпилог басни о башнях. Была, очевидно, сожжена и та сакля, в которой «кроме перепуганных двух женщин и мальчугана никаких абреков не было»...

IX

«Ставится в обязанность всем начальникам команд,- говорилось в данной им инструкции,- не стоять только в известных пунктах, но постоянно делать, совершенно неожиданно для населения, набеги в различных направлениях по окрестностям своего расположения. Закладывать секреты на воровских тропах и собирать всякими способами сведения о ворах и разбойниках. Если случай укажет, то замеченных арестовывать и доносить мне, указывая причины и источники, откуда почерпаются сведения».

Таким образом, набеги, два образчика которых я привел, были не случайные эпизоды, а система. Туземное население во всякую минуту могло подвергнуться нападению, обыску, аресту. Оно не было от этого застраховано не только дома, на базаре, на вечеринке (этому я уже приводил примеры), но и в поле, на работе, в лесу, на пастбище. С какою грубостью производились подчас эти обыски, ясно из того, что в донесениях об их результатах мы встречаем такие, например, фразы: «патроны были спрятаны у же-

ны Джамбулатова между ног»³¹. Даже в такие места заглядывали и, конечно, вовсе не считались с тем, что женщина, по мусульманским обычаям, даже лица не может открыть при постороннем мужчине. В каком громадном числе производились аресты, видно, например, из того, что уже 24 марта, т. е. через 10 дней, как отряд приступил к действиям, хорунжий Яицков рапортовал Вербицкому:

«Выдача и арест порочных людей Хасав-Юртовского округа приостановлены за неимением мест в хасав-юртовской тюрьме. Помещений же помимо переполненной тюрьмы нет. В виду необходимой экстренности арестов прошу об удалении из хасав-юртовской тюрьмы лиц, отбывающих по суду наказание, в тюрьмы других городов.»

Чтобы показать, с какою легкостью, по каким ничтожным поводам производилась подчас эти аресты, приведу один эпизод, записанный в дневнике Вербицкого под 8 мая и имевший место в Ялхоройском обществе:

Пехота арестовала двух жителей хутора Анки за обман, так как один из них, при указании на найденный у него шомпол для чистки ружья, показал сначала на пистолет, а когда ему не поверили, принес кремневое ружье, сходя за ним куда-то. Потом пришел другой чеченец, его сосед и брат, и заявил сейчас же, что это ружье его. Вот за этот-то обман штабс-капитан Оже отобрал у них всякое оружие и арестовал их. Ко мне пришло все селение просить за арестованных, так как один из них „немножко мулла“, он же режет скотину, а как раз нужно резать. Под конвоем муллу привели, скотину он зарезал и потом его снова засадили, пока придет штабс-капитан Оже с командой и выяснит причину ареста

Трудно даже понять в чем тут был усмотрен обман, если один брат куда-то сходил за ружьем, а другой пришел и сказал, что это его ружье... Поэтому, быть может, г. Вер-

бицкий и предоставил штабс-капитану Оже «выяснить причину ареста»? Начальник отряда посмеялся над тем, что арестованный «немножко мулла», доставил даже себе удовольствие посмотреть, как он режет скотину, но не счел возможными отменить безусловно незаконный арест,- незаконный не только по общим законам, но и по тем приказам и инструкциям, на основании которых действовал отряд (и которые, к слову сказать, вовсе не были объявлены, как установил г. Вербицкий, жителям этого участка). *«Наслышавшись о Ялхорое самых невероятных рассказов по дороге,- читаем мы в том же дневнике,- я решил остановиться здесь и придавить ялхоройцев так, чтобы они долго помнили прибытие отряда»*. Может быть, и эти двое были оставлены под арестом, чтобы ялхоройцы лучше запомнили «карающую силу»?

Но не в Ялхорое только имели место подобные аресты. «Оставить под арестом впредь до выяснения причин ареста» - эта бессмысленная, на первый взгляд, но крайне характерная для русского режима фраза, только что промелькнувшая перед читателями, не раз встречается в лежащих передо мной документах. Аресты на этом основании практиковались отрядом очень широко. Когда же общая администрация, которой передавались арестованные, требовала надлежащих постановлений о каждом из них, то обращались к содействию начальника области. Он ведь снабжен достаточными полномочиями для этого:

«Указанных в этой переписке лиц,- читаем мы, например, в надписи от 27 апреля 1909 г. за №128 на имя вр. генерал-губернатора,- прошу зачислить за Вашим Превосходительством и посадить в тюрьму сроком на один месяц, дабы я мог выяснить все обстоятельства этого дела».

Не сказано даже какого дела... И так зачислят.

Беспрестанные набеги, повальные обыски, массовые аресты – такова была эта система искоренения грабежей и разбоев. Но если бы только это! Читатели помнят, конечно, задачу, которая была дана отряду: истреблять разбойников... Помнят и то, кто считался разбойником: «кто после опубликования настоящего приказа будет замечен за пределами своего юрта с холодным или в селении с огнестрельным оружием, тот будет почитаться за разбойника»... Помнят, наконец, и истинную «гуманность», которую должен был проявлять в своих действиях отряд: «попытки к сопротивлению чинам отряда при исполнении ими своих обязанностей считаю достаточным поводом к применению в дело оружия»... Больше того: «объезжая потом Чечню и Ингушетию - пишет г. Вербицкий, - я объявлял открыто, что кто не послушает приказания остановиться, будет убит». Если, с другой стороны, читатели примут во внимание внезапность набегов и неизбежность при этом всяких недоразумений, в особенности, когда стороны не только разнó смотрят на вещи, но и говорят на разных языках, то для них ясно станет, что указанная система не могла проводиться без пролития крови.

И крови было пролито более, чем достаточно. Ее проливали, так сказать, походя:

«8-го мая,- доносил, например, шт.-кап. Перепелкин,- команда из сел. Экажево двинулась на стан. Фельд-маршальскую. Начальник команды, разделив команду на дозоры и, имея на левом фланге младшего офицера, сам же на правом, двинулся на сел. Сурхохи, предварительно объяснив цель такого движения³². Не пройдя и трех верст, один из дозоров наткнулся на ингуша с револьвером Смитта и Вессона и приказал ему отдать, согласно приказу по Терской области о правилах ношения оружия. Ингуш долго отказывался отдать, затем вынул револьвер из кобуры и выстрелил в урядника Тонкогубова и ранил его,

затем зашел за кусты и стал стрелять в нижних чинов, но был убит и оказался жителем сел. Сурхохи Эльбертом Гогиевым; кроме Гогиева, тогда же убит житель того же селения Мухахит Аушев, оказавший сопротивление выстрелом из берданки в рядового Беспалого, а затем, когда у Аушева отняли винтовку, он бросился на рядового Мороза с целью отнять винтовку. Мороз взял его на штык»

Одна только прогулка,- и вот уже двое убитых... Имея перед собою показания одной стороны - убивавших - трудно сказать, сколько в таких случаях было подлинных сопротивлений и сколько - простых недоразумений. О только что приведенных эпизодах мы имеем два рапорта г. Перепелкина и если сопоставить только их, то окажется, что дело было не совсем так просто, как изложено в цитированном донесении. Гогиев, например, отказывался отдавать револьвер потому, что тот принадлежал Сурхохинскому старшине (а должностным лицам, по правилам, разрешалось иметь огнестрельное оружие, приобретенное на общественный счет). Да и выстрелил Гогиев в тот момент, когда «конь урядника загорячился и повернулся в сторону». Может быть, не только конь, но и урядник разгорячился? И то ведь, может быть, что Гогиев выстрелил нечаянно... Еще труднее представить себе сцену, предшествовавшую убийству Аушева, который «оказал сопротивление выстрелом». Известно только, что у него «застрял патрон в ружье, и он не мог выстрелить»...

Подобные кровавые эпизоды имели место не только при обысках и арестах, но и потом - при сопровождении арестованных к месту заключения. И на этот случай дана ведь была инструкция, как вернее истреблять разбойников. При этом чины отряда, с одной стороны, предупреждались «об их ответственности, важности преступников и особенной осторожности при сопровождении», а с другой - категорически им заявлялось, что «в отряде, состоящем из

охотников и разведчиков, такого позора (как бегство арестантов) быть не должно». Чины отряда и не срамились...

24 августа, - читаем в донесении шт.-кап. Перепелкина, - оба абрека, после опознания их потерпевшим армянином из Эдиссии, были отправлены под конвоем 6 разведчиков в тюрьму в гор. Владикавказ через ст. Муртазово, но не доходя ст. Муртазова 2 1/2 верст при попытке бежать, убиты.

Чукиев (арестованный), - описывает в своем рапорте поручик Голенищев-Кутузов другой случай, - попросился на двор. Солдаты остановились, а он, сделав вид будто садится, вдруг бросился к кустам, бросив свой узелок. Тотчас солдаты хватились за ним крича "стой". Видя, что в кустах он может свободно уйти, солдаты открыли огонь, после которого он скоро упал, не успев уйти. Оказалось в нем три смертельных раны в затылок и две в спину.

И в этих случаях мы должны довольствоваться показаниями убивавших. А между тем и в такого рода делах возможны недоразумения и даже еще более ужасные вещи. В других местностях, как мы хорошо знаем, таковые за последние годы бывали неоднократно. И в Терской области на этот счет, по-видимому, не без греха было. По крайней мере, среди местного населения ходили глубоко его волновавшие, зловещие слухи. Вот, например, какое прошение было подано тремя ингушами терскому генерал-губернатору 5 июня 1909 года:

23-го и 24-го минувшего мая месяца чинами отряда Войскового Старшины Вербицкого около хуторов Мужич и Семиогач арестованы были родственники наши Албаст Аулугов (Чебарзаев), Оси Берлячиев (Албаков) и Саги Терпиев (Молохоев), которые, отправляясь на горные пастбища, имели при себе для защиты скота от нападения зверей оружие. Арестованные были доставлены в сел.

Сурхохи, где находятся и по настоящее время, причем об основаниях их задержания до сего времени подлежащим властям не сообщается.

В одно приблизительно время с нашими родственниками были задержаны некий Осман Дудаев (Дуда-Хаджиев) и Вураман Гумыков, возле Тарского хутора. Хотя казаки, сопровождавшие их, и говорят, что убиты были Дудаев и Гумыков при попытке бежать, но в народе ходят упорные слухи, что никакой попытки бежать сопровождаемыми сделано не было, и что убийство это произошло совсем при других обстоятельствах.

Страх за судьбу близких к нам людей заставляет нас обратиться теперь к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой приказать кому следует о принятии мер к тому, чтобы действия казаков., сопровождающих арестованных, были поставлены под какой-либо контроль, чтобы не было вновь убийства при их попытке бежать, каковой наши родственники не сделают.

Родственники наши не совершали никакого преступления, страх ответственности за которое мог бы побудить их к бегству, но ввиду упорных слухов о том, что случаи, подобные происшедшему около Тарского хутора, часто повторяются при сопровождении арестованных, почтительнейше просим Ваше Превосходительство ради человеколюбия принять меры к тому, чтобы подобные случаи, столь волнующие ингушское население и так подрывающие доверие к власти и чинам экзекуционного отряда, не нашли себе дальнейшего подтверждения.

Не о том уж они просят, чтобы людей, «не совершивших никакого преступления», освободили, а о том, чтобы их, по крайней мере не убивали, чтобы на этот счет была какая-нибудь гарантия.

Думаю, что приведенных мною данных, об этом отношении чинов временно-охотничьего отряда к жизни ту-

земного населения уже достаточно... Впрочем, прибавлю еще одно: в моих материалах я не встретил ни одного указания, чтобы отряд спас кому-либо жизнь, предупредив или отразив нападение разбойников. Усиленная деятельность, какую проявила государственная власть по искоренению разбойничества, не только не ослабила, но, пожалуй, и усилила «беспокойство за свою жизнь среди мирного населения». И если бы это мирное население спросить, то оно, вероятно, предпочло бы обойтись без услуг Вербицкого и делегировавшей его государственной власти, остаться наедине с разбойниками...

X

И для имущества туземного населения, с появлением временно-охотничьего отряда, которому поручено было искоренить грабежи, опасности умножились.

Мне приходилось уже упоминать, что видною и ценною частью этого имущества является оружие. Не из-за щегольства только, как мы уже знаем, носит его туземец и не для разбоев только оно ему нужно. Условия таковы, что самый мирный человек нередко только силой оружия может отстоять свою жизнь и имущество от лихих людей и диких зверей. Само собою понятно, что население, желая лучше себя обеспечить, стремится обзавестись «усовершенствованным» оружием. Вынужденное приобретать его контрабандным путем, оно платит за него прямо бешеные деньги, - например, за винтовку туземцы платят по 200 — 300 рублей. Имеется немало ловких людей, которые на торговле оружием, - раздобываемом нередко в казенных складах³³, - наживают большие деньги...

И вот это-то дорогостоящее оружие войска отряда отбирали без всяких разговоров, отбирали «на законном» основании». «Оружие холодное, - говорилось в инструкции, - мы можем не замечать. Огнестрельное дедовское, т.

е. кремневое и пистонное, кроме двустволок, можно оставить жителями только в домах или... когда вне дома ношение его вызывается хозяйственными надобностями, а не пустым щегольством». Но и холодное оружие, как мы уже знаем, солдаты и казаки очень и очень замечали, - особенно, если оно было отделано серебром. И с «хозяйственными надобностями» войска не очень-то считались...

Отбиралось даже то оружие, на которое администрацией дано было разрешение, которое она сама продала туземцам. При «набегах», в «почти боевой обстановке» трудно было в этом разбираться, а потом... не менее трудно было отыскать неправильно отобранное оружие. Иногда за туземцев вступались в таких случаях административные учреждения:

Житель сел. Ст. Чиркой Малочияв Исаев,- читаем мы, например, в «экстренном» отношении управления Темир-Хан-Шуринского округа от 8 декабря 1909 г. за № 5133,-на право ношения оружия: кинжала, револьвера и берданки имеет свидетельство от 18 февраля сего года за № 3477, выданное ему военным губернатором Дагестанской области и имеющее силу на всем пространстве Кавказского края, в том числе и Терской области. Поэтому прошу распоряжений Вашего Высокоблагородия о возвращении названному Малачияву означенного оружия, неправильно отобранного у него начальником партизанской команды сотником Яицковым.

Но и в таких случаях, когда неправильными действиями задеты бывали близкие администрации люди, не сразу удавалось разыскать их имущество. К отобранному оружию, даже к тому, которое дошло до казенных складов, относились довольно бесцеремонно:

Прошу распоряжения о выдаче мне из конфискованного оружия револьвера системы Нагана, шапки и кинжала без оправы. Поручик Куличевский.

У меня имеются такие рапорты на имя начальника отряда не одного только поручика Куличевского, но в подпоручика Вилько, и поручика Перепеловского, и штабс-капитана Григорчука, и штабс-капитана Оже, и капитана Вакуловского... чуть ли не всех офицеров, входивших, хотя бы и на время, в состав отряда. Кто просил себе винтовку «для целей охоты», кто браунинг, «так как револьвер мой неисправный»... Некоторые просили, кроме того, по несколько ружей для команды - тоже «в целях охоты». И, очевидно, просьбы эти удовлетворялись. Еще бесцеремоннее распоряжались с отобранным оружием, нигде еще не зарегистрированным. Понятно, что поиски неправильно отобранного оружия оказывались при таких порядках затрудненными.

Между тем, у населения отбиралось не только оружие, отбирались и деньги. Тоже «на законном основании»...

В основу внезапных набегов, как мы видели, клались «секретные сведения». Но такие сведения не всегда ведь можно получить по способу капитана Дудникова; обыкновенно они добываются при содействии «сотрудников», или «доказчиков», как называются шпионы из среды туземного населения. А для этого нужны деньги... И вот найден был довольно легкий способ добывать последних:

Некоторые аулы, - читаем мы в инструкции начальникам команд, - постановили приговоры о вознаграждении указавшим невыдававшего оружие по 50 руб. за каждый образец. Желательно, чтобы все аулы постановили такие приговоры, чтобы г. губернатор не штрафовал их, когда кто-нибудь из их однообщественников попадается нам с запрещенным оружием. Однако можно быть уверенным, что почти никто не решится выдать своего однообщественника, укрывшего оружие. Поэтому следует не объявлять имени доказчика, а если по его указанию

оружие будет найдено, то деньги требовать от общества и выдавать их доказчикам самому.

Само собой понятно, что добиться желательных приговоров от аульных обществ было не трудно, в особенности под угрозой губернаторских штрафов, с одной стороны и под давлением «карающей силы» - с другой. Дальше же оставалось только «требовать деньги от обществ» и «выдавать», «не объявляя имени доказчика». Так начальники команд и поступали. К высшему начальству они обращались, как можно думать, в тех лишь случаях, когда между лицами, имевшими возможность вытребовать деньги, возникали какие-либо недоразумения.

...Прошу ходатайства, - писал, например, Вербицкому шт.-кап. Вакуловский в рапорте от 4 января 1910 г. за № 3,- об истребовании и передаче мне для уплаты доказчикам за указанные ими винтовки ста рублей... В сел. Сагопи, как заявил мне старшина селения. 50 руб. были взяты начальником округа для передачи мне 16-го августа, но я их до сего времени не получил, а между тем, рассчитывая получить их через несколько дней, для пользы дела выдал доказчику мои собственные деньги.

Вообще, добывать деньги от туземцев было там легко, что само собою явился соблазн расширить эти операции. Г. Вербицкий вздумал даже частные претензии удовлетворять таким путем.

Войсковым старшиною Вербицким,- говорится в циркуляре начальника Грозненского округа от 10 апреля 1909 г., - передано словесное распоряжение о взыскании по одному рублю со всех порочных жителей одного селения в пользу потерпевших жителей сего селения, у которых пропали лошади и скот... Мера, предложенная войсковым старшиною Вербицким, а именно, наложение денежного штрафа на порочных жителей пока никаким распоряжением высшего начальства не установлена... По док-

ладу мною о сем 15 апреля, Его Превосходительство приказал меру, предложенную войсковым старшиною, в исполнение не приводить.

Имелись и другие формы, в которых войсками отряда отбиралось имущество у туземцев, отбиралось опять-таки «на законном основании». Укажу хотя бы на экзекуции, которые практиковались для «наказания» и «устрашения» жителей. Поводы для этого найти было, конечно, не трудно. Мы видели, например, прогулку, которую совершил по полям сел. Сурхохи г. Перепелкин со своей командой,- прогулку, во время которой было убито два жителя этого селения. Прибавим к этому, что в селении нашли «абрека» и у этого абрека был гость с винтовкой. Этого было уже вполне достаточно, чтобы наказать и всех прочих сурхохинцев. *«Прошу, - писал после этого Вербицкий начальнику области,- поставить в сел. Сурхохи на экзекуцию все команды моего отряда на месяц или хотя бы на две недели на полное довольствие. Селение очень богатое»...*

Легко понять, что такое довольствие не трудно было превратить в удовольствие, и действительно, как видно из моих материалов, начальники команд во время экзекуций легко переходили черту, которая отделяет условно законное от безусловно незаконного.

«Мне известно, - говорится в предписании временного генерал-губернатора Терской области и наказного атамана Терского войска от 9 июля 1909 г. за № 11.687,- что за три дня экзекуции³⁴ от жителей сел. Кий было истребовано: 7 штук крупного рогатого скота (т. е. около 28 пудов), 1 баран (1¹/₂ пуда) и 7 барашков (для офицеров), 18¹/₂ ф. масла, 22¹/₂ меры кукурузной муки, 35¹/₂ пуда сена, 22 пуда ячменя и деньгами взамен приварка 10 руб. 60 коп. Следовательно, принимая во внимание состав экзекуционной команды в 70 нижних чинов, 22 казака и 30

вольнонаемных всадников при 5-ти офицерах, на каждого нижнего чина истребовано 3¹/₄ фун. мяса, т. е. свыше положенной дачи и сверх того излишне истребовано масла 18¹/₄ ф. и 7 барашков.

Кроме того, доставленные жителями дрова частью были забракованы и на топливо был взят строительный материал, заготовленный для крыши.

За счет же жителей были удовлетворены суточными: офицеры по 4 рубля, прапорщики по 2 руб., унтер-офицеры и урядники по 25 коп. и рядовые по 15 коп., всего на сумму 126 рублей».

Такое «хозяйничанье» начальнику области показалось «безмерным». «Во всяком случае я нахожу,- писал он,- такие действия незаконными и подрывающими всякое уважение к составу отряда, на который возложена высокая миссия - защищать жителей от произвола и насилия и вселять уважение к русской власти». Остается прибавить, что как только что описанную, так и некоторые другие экзекуции начальники команд производили «самовольно», без соблюдения установленных правил, не спрашивая разрешения начальника области или не дожидаясь его согласия.

На то, как продовольствовались себя войска, когда не было экзекуции, тоже, судя по моим материалам, имелось не мало нареканий.

Отряд штабс-капитана Вакуловского, прибывший 6 сего июня в сел. Ваучи (Акки),- говорится, например, в рапорте начальника Грозненского округа от 15 июня 1909 г. за № 56,- за три барана, 2 мешка муки за зерно и одну арбу сена (всего на 18 рублей) уплатил лишь 5 рублей, тогда как одни бараны стоили 9 рублей.

И наряду со всем этим, чинами отряда допускались ещё такие действия, которые уже ни с какою законностью не соприкасались и для характеристики которых даже в

официальных документах приходилось прибегать к таким терминам, как «грабеж» и «воровство». Не только в Гудермесе такие факты имели место...

В только что упомянутое селение Акки отряд шт.-кап. Вакуловского был послан Вербицким, «чтобы захватить двух разбойников». Прибыв туда, войска «сделали обыски, - говорится в полицейском протоколе, - почти во всех дворах», причем вскрывали сундуки во всех жилых и нежилых строениях». Разбойников шт.-кап. Вакуловский не нашел, но в результате обысков в сундуках «у Раиса Умарова пропали деньги 25 руб.». На этот раз не в пример другим случаям, - и может быть потому именно, что отношения у отряда с местной администрацией уже обострились, - деньги были найдены и даже виновный в похищении был предан суду. Обыкновенно же такие претензии признавались «дутыми». «Дутыми» нашел г. Вербицкий и те претензии, которые были заявлены в Гудермесе и которые по полицейскому дознанию были признаны справедливыми. Правда, с одним из пострадавших, а именно, с торговцем, у которого пропало 25 кинжалов, г. Вербицкий пытался даже покончить дело миром. Но и это объяснить он потом не затруднился: «дал я ему 30 рублей, - писал он, - из сожаления к его бедности»...

Даже в тех случаях, когда вещи и деньги «отбирались», т.е. брались въявь определенными лицами, получить их обратно, по-видимому, было не всегда легко. Приходилось, как видно из следующего, обращаться к содействию других властей. *«Вместе с тем, - говорится в цитированном уже мною отношении управлении Темир-Хан-Шуринского округа, - прошу не отказать уведомить меня, какое дано направление по жалобе названного Малачилия-Исаева об отобрании у него 500 руб.»*

Что было делать населению, у которого в той или иной форме отбиралось и расхищалось имущество? Жало-

ваться? Но, не говоря уже о том, как мало еще горское население освоилось с этой формой самозащиты, на кого оно стало бы жаловаться? «Установить, кто именно из казаков или солдат утаил пропавшие вещи и ограбил деньги,- писал, как мы видели, начальник участка в своем протоколе,- совершенно не представилось возможным». Явились никому неизвестные люди, одетые в однообразную форму, - и потом исчезли. Как тут найти виновного?

Жаловаться на всю команду или на весь отряд? Но отписаться их начальникам было нетрудно. По поводу упомянутой фуражировки в сел. Акки шт.-кап. Вакуловский отписался, как нельзя лучше: оказывается, что бараны были совсем маленькие, сено совершенно негодное... Он еще переплатил 1 копейку «так как у старосты не было сдачи». А г. Вербицкий и надлежавшее освещение всему инциденту дал: *«в данном случае,- писал он генерал-губернатору, - следовало бы внимательнее отнестись к этой кляузе, так как зрителям, когда к тому же они боятся быть оштрафованными за скрывание берданки и присутствие в их среде двух абреков, необходимо было по азиатской изворотливости придумать что-нибудь против отряда».*

Мог он и иначе ответить. *«Дознание о действиях хорунжего Яицкого..., - писал он в другом случае генерал-губернатору, - производилось уже неоднократно и в данном случае является совершенно излишним. О действиях сотни есаула Дерезлазова я сам попрошу полк произвести дознание, как только найду это своевременным».*

Г. Вербицкий, как видно из имеющихся у меня документов, вообще не допускал вмешательства других властей в действия своего отряда и склонен был в таких случаях немедленно ставить «кабинетский вопрос». Только что цитированное письмо г. Вербицкого было написано им начальнику области по поводу вопросов, возбужденных

полковником Яковлевым, который посетил те части своего полка, которые входили в состав отряда г. Вербицкого и, очевидно, поделился потом с наказным атаманом вынесенными им впечатлениями. Отказываясь произвести дознания, которые находил необходимыми Яковлев, г. Вербицкий далее пишет: «Кроме того, полковник Яковлев позволил себе делать разъяснения казакам по поводу их деятельности против разбойников, проповедуя христианские принципы, а главное, советуя иногда и офицеров не слушаться. Считаю это не воспитанием части, а разложением ее... Это дело мое, и я не менее христианин и ничего против христианства не проповедую. Если Ваше Превосходительство найдете меня неспособным исполнить возложенную на меня задачу, то поручите, быть может, ее полковнику Яковлеву».

Время ли, в самом деле, заниматься всякими кляузами, когда отряд искореняет грабежи и разбои?!

Если бы жалобщики и убедили, в конце концов, высшее начальство в справедливости своих претензий, то еще не значит, что последние были бы удовлетворены. «Безмерное хозяйничанье» войск при «самовольной экзекуции» в сел. Кий хорошо было известно, как мы видели, начальнику области. И вот к какому решению он пришел: *«не желая дискредитировать действия отряда в глазах населения, я на этот раз воздерживаюсь подымать вопрос о возмещении наказанным жителям расходов по экзекуции»*. Да и вообще: хотя ему известны были «довольно часто повторяющиеся случаи самовольных действий со стороны нижних чинов отряда»; хотя до него доходили «слухи о недоразумениях, возникающих на почве обысков»; хотя к нему поступали «жалобы, в которых указывалось на незаконные и безнравственные действия нижних чинов по отношению жителей»; но он - по его собственным словам - «не придавал, конечно, большого значения всем

этим слухам и жалобам по существу». Если же он и выражал свое неудовольствие по поводу того, что «в действиях команд нет, по-видимому, строго установленного порядка», то потому, что «отсутствием такового пользуются разные порочные элементы, находя себе пищу для распускания слухов и возбуждения жалоб». Жаловаться при таких условиях было, пожалуй, и небезопасно: как раз обратят внимание на «клязузу» и зачислять в «порочные люди»...

И жалоб со стороны населения было, в сущности, немного. По всему видно, что жалобы приносились туземцами почти исключительно в тех лишь случаях, когда они находили себе поддержку у полиции. И это, конечно, понятно. Грань, отделяющая законное от незаконного, для них оставалась, в сущности, совершенно неясной. Да и не всякий нашел бы эту грань, находясь в их положении.

В самом деле: если власти могут отобрать без всяких рассуждений 200-рублевое «усовершенствованное» ружье, то почему бы они не могли отобрать более дешевое «дедовское»? или почему бы они не могли отобрать две-сти рублей прямо деньгами? Если они могут отобрать продукты, назначив одну цену, то почему бы им не отобрать их, назначив другую цену, а то и вовсе бесплатно? Ведь отбирают же их при экзекуциях бесплатно и ещё деньги требуют в придачу. А сами экзекуции... Если бы шт.-кап. Ардабьевский дождался ответа от генерал-губернатора, то экзекуция, произведенная им в сел. Ачхой, была бы «законной», но так как он не дождался ответа, то она оказалась «самовольной». Но откуда же туземцы могли узнать, получил ли он или нет какую-то бумагу?.. Да и вообще: ведомства и инстанции могли еще вступать в препирательства между собою относительно пределов их власти (в этом ведь и заключается русская «законность»), но в глазах населения все их действия сливались в один поток произвола, с неудержимой силой лившийся откуда-то сверху.

Сила ломит и соломушку... Ингуши и чеченцы, судя по моим материалам, довольно скоро усвоили определенную тактику: раз сопротивление бесцельно и нельзя уклониться, то остается одно - поблажать отряду. Достаточно в этом случае привести, как встретили отряд хотя бы ялхоройцы, которых, наслышавшись о них самых «невероятных рассказов», г. Вербицкий «придавить» собирался.

«Старишина, старик лет 70, - рассказывает г. Вербицкий, - встретил нас верст за 15 от Ялхороя, послал вперед помощника предупредить своих сельчан о прибытии отряда и чтобы они выслали лошадей на случай подвезти больных или отсталых. Два мальчугана со свежими лошадьми встретили нас версты за две от селения и были посланы к оставшим вьюкам. Оказалось, что квартиры, сено, мясо и дрова приготовлены в достаточном количестве и население встретило отряд с полной готовностью служить, в чем бы это ни потребовалось».

Ялхоройцы были уже достаточно придавлены. «Начальник 1-го участка, шт.-кап. Томаев, сам кумык, - пишет далее г. Вербицкий, - еще в Шаложках удивился, как чеченцы съезжились при виде силы и пулеметов. Здесь, в поднебесье, переводчик отряда казак Захаров, походив между чеченцами, так же поразился их запуганностью... Сила для азиата - заключает г. Вербицкий - оказывается еще очень важным средством в наших руках».

Не право, а сила... В одном из своих докладов генерал-губернатору г. Вербицкий выражался на этот счет еще определеннее. Настаивая (в июле 1909 г.) на необходимости сохранить в четырех округах военное положение и усилить отряд, он писал: «до сих пор все свои недоразумения горцы решали и решают перестрелкой из своих башен, и вообще предпочитают более или менее важные недоразумения решать оружием, а не обращаться к русской власти, которую почти совсем не признают без во-

енной силы». Крайне характерно, что слово «почти» вставлено было уже потом в имеющемся у меня черновике, а сначала и его не было.

Таким образом, по признанию самих агентов государственной власти, туземцы в ее отношениях к ним только и видят, что силу. Но ведь к силе же сводится все дело и в отношениях их к разбойникам и грабителям, - к тем подлинным разбойникам и грабителями, защищать их от которых взялась государственная власть. Разница та лишь, что там есть надежда отстоять свою жизнь и имущество; здесь же - всякая борьба безнадежна. Встаньте на точку зрения туземцев, и для вас ясно станет, что эта разница отнюдь не в пользу государственной власти...

Я задался вопросом: насколько удачно последняя выполняет свою основную задачу - охранять безопасность граждан и их имущество? Лучше ли для этого созданные ею учреждения и практикуемые ею методы, чем первобытные институты, сохранившиеся у населения, и самобытные способы, какими оно сохраняет свою безопасность? Я счел даже возможным поставить этот вопрос в крайне острой форме: но что, - писал я, - если даваемая государством охрана окажется не лучше, а, пожалуй, в некоторых отношениях и хуже не только ответственных караульщиков, но даже воров и разбойников? Поставить вопрос в этой форме, как видят читатели, я имел некоторое основание.

XI

Целый очерк я посвятил «временно-охотничьему отряду»... И вот теперь боюсь, не ввел да я читателей в недоразумения. Боюсь, что я не в меру возвеличил в их глазах Вербицкого с его командами, фиксируя на них все внимание, и не в меру умалил остальные органы власти,

отодвинув их на задний план. Возможно и другое недоразумение, так сказать, исторического характера. Деятельность временно-охотничьего отряда ограничена всего была двумя годами, а под руководством г. Вербицкого продолжалась даже менее года, - и читатели вправе подумать, что это случайный и исключительный эпизод в истории борьбы с кавказским разбойничеством, что ни раньше, ни позже ничего подобного не было... В виду этого я чувствую потребность теперь же, не откладывая, хотя бы в самых общих чертах, отметить подлинные размеры и действительную перспективу описанных мною фактов.

Г. Вербицкий, по официальным отзывам, - «выдающийся офицер», настоль выдающийся, что другого такого не нашлось, по-видимому, во всей Терской области. Администрация последней выписала ведь его из Кубанской, где он был начальником отдела. По отзывам же людей, лично его знающих, это вместе с тем доброжелательный человек, доброжелательно относившийся, в частности, к туземному населению и искренно увлекавшийся возложенной на него миссией. Во всяком случае, это - не злодей какой-либо, лишь случайно и по недоразумению получивший огромную власть и огромную силу в свое распоряжение. Это был испытанный уже офицер, когда ему поручили искоренить разбойничество.

К сложной культурной задаче г. Вербицкий подошел по-военному и, если не всю ее целиком, то в главных и неотложных ее частях, рассчитывал разрешить вооруженною силою. Но в этом не было ничего исключительного. Все время ведь край находился и находится под военным управлением: во главе области стоит генерал, начальниками округов состоят полковники и подполковники, начальниками участков - капитаны и штабс-капитаны... Больше того: охотничьи и партизанские команды, посту-

пившие в распоряжение Вербицкого, и до него действовали, и сейчас действуют.

И те же применялись и применяются методы... При всей своей изобретательности, г. Вербицкий придумал, в сущности, не так уже много. Может быть, ему первому, действительно, пришла мысль воспользоваться кровниками; изобрел он какой-то особый способ экзекуций, называемый в документах «способом войскового старшины Вербицкого»; быть может, несколько шире, чем это было до него, развил он в войсках взаимное подглядывание... Вообще, как можно думать, он несколько усовершенствовал систему, но в основных своих частях она до него была придумана и до сих пор продолжает действовать.

Те же «секретные сведения», получаемые по способу капитана Дудникова или при помощи доказчиков; те же внезапные набеги, те же обыски, те же аресты... И то же отношение к имуществу туземного населения: те же экзекуции «с целью наказать жителей материально», те же штрафы, налагаемые властью более или менее высокого начальства, то же беззастенчивое добывание денег, нужных для системы... Словом, тот же произвол... И те же, конечно, злоупотребления. Не столь грубые, пожалуй, но зато более систематические.

«Если пристав ворует,- иронически спрашивал на Грозненском съезде представитель ингушей Хангихой Ахметханов,- то можно ли его записывать в число порочных?» В таком случае, по его мнению, всех приставов придется выслать. *«Пятьдесят лет,— говорил он,— служу русскому царю и еще не видал такого пристава, который довольствовался бы царским жалованьем. Дайте нам таких начальников, которые будут служить за царское жалованье, и нас не будут обирать».*

Не останавливаясь сейчас на том, как местная администрация «обирает» туземцев, отмечу лишь, что даже к

разбоям и грабежам некоторые из входящих в нее лиц имеют, по-видимому, касательство. «К нашему сожалению, - говорится, например, в одном из заявлений, поданных начальнику области в марте 1909 г., - начальство ловит только мелких воров, а с крупными, действующими на крупные суммы, состоит в доле». И это думают не только чеченцы. Порою уличают в этом друг друга сами начальники. Вот, например, какой протокол имеется среди моих материалов:

«19 мая 1909 года. Сел. Сурхохи... Месяца за два до пленения Месяцева мне во Владикавказе, где я был тогда приставом 1-й части, - говорил аксаевский житель Абиль-Хасбулат Аджиев Бабоков, - что у начальника Хасав-Юртовского округа полковника Котляровского готовится пленение овцевода Архипа Месяцева. Я не верил и высказывал ему это. Мне казалось невероятным, чтобы начальник округа, полковник и будет такие дела делать. Бабоков убеждал. По словам Бабокова на мельнице у жителя с. Аксай Кафура Кабардиева собираются тайком шайки абреков и советуются, кого взять в плен, а Котляровский указывает им на Месяцева, говоря, что если его возьмут или возьмут его жену, то можно будет получить с них хорошую сумму денег. Действительно, как предсказывал Бабоков, так и случилось: примерно через два месяца Месяцев был взят в плен. Бабоков приехал во Владикавказ и заявил мне: что! не верил? вот видишь сам... Оказалось верно. Все это может подтвердить тот же Бабоков. Если Бабоков подтвердить мои слова не пожелает, то прошу дать мне с ним очную ставку. Подписал начальник 2-го участка Назрановского округа А. Аджиев»³⁵.

Не раз и г. Вербицкий доносил начальнику области о «преступном бездействии» разных должностных лиц в деле поимки разбойников - доносил в такой форме и с такою настойчивостью, что генерал-губернатор должен был

догадаться, что речь идет не о бездействии только, но и о попустительстве.

Таким образом, в деятельности временно-охотничьего отряда, даже в «похищениях», какими сопровождалась эта деятельность, не было, пожалуй, ничего, что решительно шло бы вразрез с установившимся у агентов государственной власти отношениями к туземцам.

Г. Вербицкий, как мне пришлось уже упоминать, находится теперь под судом. Но он отдан под суд не за злоупотребление властью и даже не за превышение ее, а за бездействие и притом проявленное им уже в бытность атаманом Кизлярского отдела. В подвигах, какие совершил отряд под его командой, высшее начальство не нашло ничего такого, за что бы его следовало привлечь к ответственности. Что же касается системы, какую применял г. Вербицкий, то с введенными им усовершенствованиями, она посейчас действует на Кавказе.

ХП

Меры предупреждения и пресечения. ХП. Административная ссылка и порочные люди. ХП. Проектируемые и практикуемые меры розыска ХП. Идейные союзники ХП. Проекты поголовного выселения; агитация овцеводов ХП. Как плодят абреков и как служат порочные люди ХП. Судоводители и дикая вира. Заключение ХП. Где граница между, разбойниками и мирным населением? ХП. Когда окончится кавказская драма?

Предыдущий очерк я озаглавил: «как искореняют грабежи и разбои на Кавказе». Я имел в виду, главным образом, то радикальное средство, которое употребляется кавказскими властями в борьбе с застарелою болезнью и которое особенно широко практиковалось временно-охотничьим отрядом под командой г. Вербицкого. Состоит оно в том, что разбойников просто-напросто истребляют -

истребляют где возможно и как возможно. Но это средство — не единственное...

Помимо хирургического вмешательства, если выразиться в медицинских терминах, администрацией применяются и другие средства, так сказать, профилактического, симптоматического и даже симпатического характера. С кое-какими из этих средств мы попутно уже познакомились.

Так, среди профилактических мер одною из самых полезных издавна считалось и до сих пор считается обезоружение туземного населения. Некоторые думают даже, что в оружии, какое имеется у туземцев, заключается все дело: отобрать его — и разбои прекратятся. Даже такой специалист по разбоям, как г. Вербицкий, в одном из своих докладов так объяснял их происхождение.

Дебри Чечни и Ингушетии, — писал он, — находясь почти вне контроля, дают полную возможность заводить и сохранять оружие — вещь для туземца, в большинстве бездельничающего, самую дорогую. Отсюда соревнование, похвальба, целый спорт, а научившись владеть оружием, останется только применить его в дело... Если прибавить сюда и то обстоятельство, что на приобретение оружия зачастую укладываются последние гроши, то ясным становится желание дикого и не умеющего трудиться туземца возместить свои убытки упрощенным способом. Важен первый шаг, и так как в большинстве случаев преступление остается безнаказанным, то и продолжение неминуемо: малый вор становится большим, от угрозы переходит к убийству, затем — абрек, герой, а следовательно, и новый пример для подрастающего, жаждущего подвигов, поколения.

Видите, как просто... Впрочем, другие рассуждают и того проще:

С палкой или дубиной,- писал, например, атаман станицы Слепцовой, рекомендуя совершенно обезоружить туземное население,- туземец на разбой не рискнет, а с оружием кремневым или кинжалом может посягнуть на всякую преступность из-за легкой наживы.

Руководясь подобными соображениями, кавказская администрация издавна принимает всякие меры, чтобы стеснить приобретение и ношение оружия туземцами и даже отобрать то, которое у них уже имеется. Но читатели, как мне кажется, достаточно познакомились с мероприятиями этого рода и достигаемыми при их помощи результатами, и вновь к этому предмету я могу теперь не возвращаться.

Другая мера, широко практикуемая кавказскою администрацией с целью обезвредить население и предупредить грабежи и разбои, это - высылка «порочных людей» из пределов области. Для ссылки туземцев прежде имелось даже особое место — Чечень-остров; теперь, как и прочих российских обывателей, их отправляют в Сибирь и северные губернии. В предыдущем изложении мне пришлось упоминать об этой мере лишь мимоходом, и теперь не лишне будет несколько остановиться на ней.

Прежде всего необходимо отметить те затруднения, с какими приходится считаться в этом случае администрации, и ту изобретательность, которую проявляет она, чтобы обеспечить планомерное и целесообразное действие административно-ссылного механизма.

Одно из главных затруднений заключается в том, как в общей массе населения найти тех людей, которых в интересах общественной профилактики надлежит отправить в места отдаления. Единственный объективный признак, которым могла бы руководиться администрация, это - опорочение по суду. Нередко она им и пользуется, но вполне он, видимо, ее не удовлетворяет. Судебный аппарат

действует в области крайне плохо, нередко им опорочиваются совершенно невинные люди и еще чаще, как можно думать, от него вовсе ускользают наиболее порочные элементы. Если русская администрация вообще не считает возможным положиться на судебную квалификацию, то на Кавказе это и подавно ей представляется рискованным. Приходится изыскивать другие средства.

Сама собой явилась мысль обратиться к содействию населения, которому все порочные люди, конечно, известны.

Мне пришлось уже упоминать, что по вопросу о разбойничестве в 1909 г. в Терской области был созван ряд съездов: участковых, окружных и областной (в г. Грозном). Протоколами, журналами и докладами этих съездов я и пользуюсь. Кроме того, в том же году по вопросу о мерах борьбы с разбойничеством были затребованы мнения станичных и аульных властей, каковые мнения имеются у меня в подлинниках и на которые я тоже в некоторых случаях ссылаюсь.

Чтобы читатели представили себе характер и значение материалов, которыми я пользуюсь, не лишне будет дать по поводу их некоторые объяснения. На съездах, кроме представителей администрации (участковых, окружных начальников и т. д.), присутствовали и представители от населения, «назначенные и выбранные». Как выбирались представители, я не знаю. Во всяком случае, на съездах решительно преобладали и играли безусловно руководящую роль должностные лица. Другие представители должны были прилаживаться к заданному ими тону. Особенно стесненными чувствовали себя, как можно думать, туземцы, - тем более, что некоторые из них не владели даже русскою речью. *«Что, как не грубую насмешку над бессилием чеченского народа, - пишет теперь г. Ткачев, - могут представлять эти шумливые последние съезды, где к связан-*

ному по рукам и ногам народу правители обращались с вопросом, какие бы меры посоветовал он сам, чтобы излечить его от болезни. Что это, как не издевательство?" (Г. А. Ткачев. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Стр. 60). Этот отзыв, к слову сказать, человека очень близкого к терской администрации,— несомненно нужно признать утрированным. Объясняется он, как можно думать, тем, что администрация уже отказалась от мысли призвать само население к участию в разработке одного из самых наболевших вопросов. «Что может вам сказать,— пишет г. Ткачев,— народ, лишь вчера вышедший из колыбели?» Ответ сам собою, конечно, подразумевается: ничего путного сказать он не может, без народа начальство лучше справится... С нашей точки зрения, попытку привлечь народ к борьбе с угнетающим его злом можно было бы только приветствовать. Все дела в том, что эта попытка была сделана в данном случае в крайне неудачной форме и в результате в трудах съездов сказалось не столько независимое общественное мнение, и тем более не столько мнение широких слоев населения, сколько мнение довольно тесного административного круга и близких к нему лиц. Но и неудачные съезды были не совсем бесполезны: многое на них все-таки вскрылось. Кое-что вскрылось в совсем наглядной форме. Упомяну хотя бы о таком эпизоде, разыгравшемся на одном из съездов: одно из начальствующих лиц щеголяло с дорогим кинжалом на поясе; туземцы присмотрелись и узнали кинжал, отнятый у одного из них Зелимханом; таким образом, совершенно наглядно вскрылась близость одного из начальствующих лиц к последнему...

Что касается материалов, доставленных станичными и аульными правлениями, то и в них, конечно, отразилось не столько мнение населения, сколько мнение низшей администрации, старающейся попасть в тон высшему начальству, а то и просто отписывающей по установивше-

муся уже шаблону. В некоторых случаях были доставлены приговоры обществ, но и в них нельзя видеть результат свободного и независимого обсуждения вопроса. Между прочим, в моих материалах имеется приговор Гудермесовского сельского общества, в котором содержится детально разработанная система всяческих репрессий (штрафов, высылки и т. д.), которым должны подлежать не только абрики, но и все их родственники и даже все общество. Читаешь этот приговор, и прямо диву даешься: вот ведь до чего дошли люди - сами себя со света сжить хотят... Ларчик открывается, однако, просто: приговор составлен 20 марта 1909 г., т.е. через 6 дней после устроенной в Гудермесе бойни, причем, как сказано в приговоре, правила «выработаны нами по указаниям г. Начальника участка Берздниева и принципиально одобрены г. Начальником округа»... По отношению к мнениям, высказанным аульными старшинами, следует кроме того отметить, что очень часто, как можно думать, это не мнения самих старшин из туземцев, а мнения русских писарей, помощью которых они должны пользоваться. При рапорте Атажукинского старшины (Нальчикского округа) от 11 июня 1909 г. за № 1102,- при рапорте, в котором рекомендовались всевозможные меры, начиная от награды сыщикам и вплоть до смертной казни - я нашел даже приложенную записочку буквально следующего содержания: *«Еще многое, способствующее развитию и существованию краж и других преступлений мог бы я изложить, но насилу склонил старшину и к доложенному донести Вашему Высокоблагородию. Остальное, может быть, я доложу Вашему Высокоблагородию, когда будете здесь с отрядом. Писарь М. Ермоленко»*. И писарям ведь хотелось выслужиться...

В общем, как видят читатели, материалы сами по себе не могут считаться особенно ценными, но для местной администрации и господствующих в ее среде взглядов,

они, несомненно, являются характерными. В отдельных же случаях в них прорываются, как можно думать, и живые нотки, нотки, которые донеслись из жизни и которых не в силах оказались заглушить административные суждения и отписки.

По мнению кн. Капанова, высказанному им на грозненском съезде, «в каждом ауле известны не только настоящие, но и будущие воры, т. е. те, которые могут сделаться ворами». Вот их и надо «зарегистрировать». Терская администрация так и поступает: время от времени она требует от аульных и станичных обществ, чтобы те представили ей списки своих порочных членов. Такие списки, как увидим дальше, нужны администрации не только на предмет ссылки, но и для других надобностей...

Но на этом пути имеются свои препятствия, особенно ощутительные как раз среди туземного населения, содействие которого в данном случае представляется особенно нужным.

Среди туземного населения, - пишет нальчикское слободское правление, - с исторических времен установился обычай не выдавать единоверцев-виновников другим нациям, стараясь скрывать своих людей от преследования... Это обстоятельство подтверждается тем уже, что неоднократно правительству приходилось ставить экзекуции с требованием выдачи воров и порочных лиц и, несмотря на эту меру, общества оставались твердыми в своем решении и говорили начальству, что порочных у них нет, и кто занимается кражами и разбоями, - не знают.

Кроме естественного нежелания выдавать своих одноклассников для административной расправы, не менее сильно дает себя знать и боязнь мести со стороны тех, которые были бы выданы. Особенно боятся этого опять-таки туземцы, и боятся не без основания. Прежде всего, предназначенный к высылке односельчанин, как они

по опыту знают, можешь откупиться взяткой, уклониться таким путем от высылки и жестоко отомстить тем, кто его выдал. Но если бы он и был выслан, то останутся все-таки его родственники, которые могут отомстить за него. Наконец,- и этого особенно бояться,-высланный может возвратиться из ссылки, а вернется он не только не с угасшим, но и с разгоревшимся еще более после перенесенных испытаний чувством мести. Это чувство настолько властно, что у некоторых из ссыльных оно является чуть ли не главным стимулом для возвращения на родину.

- «Как же сделать, чтобы они не возвращались?» - спрашивал на Грозненском съезде помощник наказного атамана, генерал-майор Орбелиани.

«Если высылка в Сибирь не гарантирует от воров, то пусть их ссылают,- предложил Яхшаат Загдаев, - хоть в Турцию, откуда труднее возвратиться». По мнению урядника Бычкова, «надо обязательно высылать с семьями: тогда им не будет предлога возвращаться обратно». Войсковой старшина Вербицкий предложил свой план: «желательно,- говорил он, - всех подозреваемых преступников выселить с семьями в особый ауле под особый надзор». «Неисправимых же,- продолжил г. Алиев,- ссылают на острова»...

Предлагались и другие средства. Но найти такую форму ссылки, чтобы ссыльный не мог возвратиться, администрации до сих пор не удалось. Наиболее верным, судя по моим материалам, в ее кругах считается средство, предложенное урядником Бычковым: ссылают с семьями... Но и против этого имеются возражения. «У нас,- заявил на грозненском съезде представитель ногайского народа, Аракчиев, - ссыльные преступники находят поддержку. Если высылать с семьями, то они еще больше будут находить сочувствия». В результате, добиваться выдачи порочных людей станет, пожалуй, еще труднее, а возврат их

на родину, в виду сочувствия, на которое они могут рассчитывать, сделается, быть может, даже легче.

Надо изобрести что-нибудь другое. «Шагуип Алиев заявил, что все разговоры будут излишни, если он выскажет свое мнение. Поэтому пусть он говорить первым», - предложил г. Вербицкий после одного из перерывов на грозненском съезде. Слово было предоставлено Шагуипу Алиеву и тот предложил такой план:

1) Для выбора старшины собрать выборных по одному от каждых десяти дворов. 2) Этим выборных перед выбором старшины привести к присяге. 3) Выбранный таким образом старшина составляет список всех неблагонадежных, опрашивая помощников, муллу и пр. Выборные десятские опять приводятся к присяге, что не будут скрывать воров. Затем они созываются в правление, где предъявляется им список воров. 4) Список составили. Ставят ящики: черный или белый. Правление освобождается от всех, остаются только старшина и мулла. Затем подтверждается данная присяга и происходит баллотировка.

Ящик раскрывают при всех. В список заносят в порядки количества полученных шаров. Список этот представляется начальнику округа...

Сам Шагуип Алиев придавал, по-видимому, особое значение присяге. Но в его плане была и другая мысль, давно уже разрабатываемая администрацией: обставить выдачу так, чтобы порочные люди не знали, кто их выдал. Такой способ составления списков порочных людей и был принят в конце концов грозненским съездом; только старшину и муллу, предложенных Алиевым, съезд заменил более надежным в глазах администрации лицом - начальником участка.

Надо, однако, сказать, что и этот способ далеко не вполне гарантирует от мести. С одной стороны, трудно со-

хранить тайну баллотировки, особенно в небольших обществах, где легко по пальцам высчитать, кто куда положил свой шар; а с другой стороны, мстить ведь можно не только отдельным лицам, но и всему обществу.

Более легкой задачей представляется администрации справиться с нежеланием туземцев выдавать своих одноплеменников. Этому вопросу на обсуждение съездов она даже не ставила. Когда же на грозненском съезде зашла речь об этом, то г. Вербицкий объяснил, что средства против упорствующих у администрации имеются. И привел такой пример:

- В горной части мне сказали, что воров не выдадут. «Когда, мол, найдете сами, тогда их и высылайте». — «Да, я воров найду и помимо выдачи сбором; но знайте, если я найду, например, четырех воров, то вместе с ними вышлю такое же количество самых влиятельных выборных как укрывателей...».

Один из чеченцев, г. Чермоев, подал, было, на это такую реплику:

- Зачем ссылать наших почетных стариков в Сибирь? Если В. С. Вербицкий имеет такую власть, то пусть лучше сошлет всех воров, и мы будем благодарны...

Но в том-то и дело, что найти воров администрация не может. За то она в силах навести такой страх на туземцев, что они сами порочных людей выдадут. Г. Вербицкий достаточным считал для этого демонстрацию вооруженной силы. Если этого мало, то власти могут и, действительно прибегают, к экзекуциям. В крайнем случае, имеется и еще средство, издавна практикуемое русскими властями, когда масса не выдает «зачинщиков»: можно взять первого, пятого, десятого...

«Если виновные не будут обнаружены, - предлагает в своем рапорте бавтугаевский сельский старшина, - общество по жребию обязано выдать в руки администрации

двух подозрительных для удаления». Ссылка «по жребию» встречается и во многих других проектах, в проектах, принимавшихся и обсуждавшихся с должною серьезностью. Входила она и в план Шагуипа Алиева, цитированный мною выше. В случае какой-нибудь кражи, по его проекту:

«начальник округа вызывает к себе внесенных в список воров и опрашивает их по одиночке о том, кто украл. При этом предупреждает, что если виновный не найдется, то будет сослан в Сибирь один из них по жребию. Кто-нибудь да и выдает. В противном случае бросают жребий, и двое из вынужденных ссылаются в Сибирь на два года. Тогда оставшимся родственникам предоставляется право розыска настоящих виновников и выдачи их».

Не знаю, практиковала ли уже терская администрация ссылку по жребию или дело не шло пока дальше проектов... Косвенных указаний на то, что такая ссылка практикуется, имеется немало. Например, в конце октября наместник распорядился выслать «семь наиболее вредных шейхов с семьями». Степень вредности, очевидно, еще не установлена, а число уже назначено... Известны случаи, когда в число высылаемых назначались малолетние и даже покойники. Объяснить это можно одним только: пятый-десятый определялись, очевидно, по списку, какой подвернулся под руку. Во всяком случае средств, чтобы сломить «упорство», в ее распоряжении имеется достаточно. И так или иначе, но списки порочных лиц от обществ она получает...

Но за тем остается вопрос, кто в эти списки попадает. В газетах было как-то рассказано, как составлялся список порочных членов (для ссылки в Сибирь) в слободе Нальчик:

Собрался общественный сход. Мироеды, почти все члены союза русского народа, кричали: «Прежде всего на-

до выселить толстовцев, потому что они выдумали новую веру, икон не признают и молятся на портрет графа Толстого. Потом следует хорошенько пощупать жидов; они мошенники, да и бунтовать любят. Затем надо среди русских поискать воров, пьяниц и развратников». Является слободской старшина; на стол ставятся баллотировочные ящики и начинается чтение заранее составленного списка порочных лиц, но при этом ни одним словом не объясняется в чём состоит порочность каждого из них.

- Николай Самотопов! - кричит старшина, - Господа кладите шары: налево за порочность, направо за непорочность.

- Самотопов - вор и пьяница, его давно следует вышвырнуть, - кричат «союзники».

Слобожане переминаются в нерешительности:

- Да верно ли, что Самотопов - вор? Как бы греха на душу не взять...

Однако, после, некоторого колебания «вышвыривают» Самотопова из среды общества.

- Горский еврей Тампу Дыгилов,- читает старшина.

- Жида надо упечь!- Кричит «союзник» Озерцов. – Он - вор, мошенник и бунтовщик.

Но оказывается, что многие из слобожан лично совсем не знают Дыгилова.

- За что будем губить человека: может, он честный человек! Если бы вор был, тогда совсем другое дело... Мы его совсем не знаем.

- За то мы знаем, что он вредный человек! - Кричат «союзники». - Надо воздух очистить от вредных газов, чтобы верным сынам русской земли жилось легче. А тем, кто заступает за жидов, не поздоровится.

В число «вышвырнутых» попал и Дыгилов, а с ним вместе несколько человек горских евреев и русских.

А вслед за тем разыгрывается другая сценка, финал которой получил впоследствии судебную квалификацию.

Покончив с порочными, «союзники» отправились в ресторан «Курорт», выпили изрядно и принялись упрекать один другого «в разной подлости»: оказывается, один не так давно украл у кабардинца бурку, другой - друг и приятель конокрадов, третий «сбондил» хомут и т. д. Началась ругань, и дело едва до драки не дошло. А к этому времени хозяин ресторана обнаружил пропажу у себя восьми штук кур. Принялся искать их, заглянул под коридор и видит: сидит там «союзник» Озерцов, под мышкой держит хозяйского петуха, а в руках связанных нога за ногу 7 кур.

Как составляются списки порочных в ингушских и чеченских селениях, мы не знаем, ни один корреспондент нам об этом не расскажет.

Нам известно, что там имеются свои мироеды, свои секты и партии; возможно, что имеются даже, свои «союзники», хотя бы и не столь шумливые, во всяком случае там есть ненавидящие друг друга кровники. Возможно, что и там при составлении списков сводятся всякие счета и притом не всегда в пользу добродетели. Во всяком случае местной администрации кое-что на этот счет известно.

«Были случаи, - говорил помощник наказного атamana на грозненском съезде, - когда в селениях записывали в преступники бедных, одиноких людей, а богатых из больших семейств воров скрывали из боязни мести». Надо было выдать кого-нибудь начальству, ну, и выдавали тех, кто постоять за себя не в силах и вступиться за которых некому.

«Были случаи, - заявил генерал-майор Орбелиани в одном из следующих заседаний, - когда старшина выдавал людей из личной мести... Были случаи, что общества не-

справедливо нападали на какое-нибудь лицо». По словам одного из участковых начальников, шт.-кап. Розалион-Сошальского: «при определении (внесении в списки) порочных людей для желающих наживы настает самое благоприятное время». А такие желающие, конечно, всегда имеются.

Бывает даже так, по-видимому, что заносятся в списки порочных и предназначаются к высылке как раз те люди, которые помогают начальству искоренять разбойничество. По крайней мере, в моих материалах имеется несколько прошений предназначенных к высылке лиц, которые уверяют, что их высылают по злобе за то, что они ловили воров и убивали разбойников. Для примера приведу прошение казака ст. Щедринской Петра Дорошенко от 3 апреля 1909 г. Раньше он служил в партизанской команде и вел, по его словам, энергичную борьбу с преступниками: он поймал Алексея Шаповалова, когда тот воровал войсковой лес, поймал Андрея Зеленского с похищенным им сеном, захватил Ивана Пономаренко с похищенными им баранами и т. д. и т. д. *«Все совершенные этими лицами преступления, - продолжает Дорошенко, - могу подтвердить фактически, которые я сам лично открывал; в сем 1909 г. лица эти состоят выборными на сборе, в виду изложенного питая на меня зло и, когда поступили, стали уговаривать других выборных, с которыми состоя в родстве, а с некоторыми в тесной дружбе, выдали меня правительству, не имея против меня никаких улик. Я же не только не вел свою порочную жизнь, а напротив, состоя в партизанской команде, открывал таковых, а в 1907 г. убил в лесу станции Щедринской 2-х злоумышленников, за что общество мне выдало 50 руб. вознаграждения. Общество веских доказательств против меня не имеет...»*

Видите, какой заслуженный человек: даже убил двоих злоумышленников - и вдруг его приговаривают к

ссылке... Имея в руках такое прошение, а оно до начальства ведь дошло, приходится признать одно из двух: или правительство в борьбе с грабежами и разбоями пользовалось услугами известного всему населению вора, или население (в данном случае - казачье население) включило в список порочных людей верного слугу правительства.

Но если бы таких случаев и не было, администрация, в силу указанных уже причин, не может быть уверенной в доброкачественности списков, составляемых сельскими обществами, и тем более списков, составляемых под угрозой военной силы, экзекуций, штрафов и т. д.

И этой уверенности, видимо, нет у нее...

«Вам, может быть, покажется, господа, странным, - говорил на областном съезде начальника грозненского округа, полковник Стрижев,- услышать от меня, старшего начальника окружной полиции, тот вывод, к которому я пришел, а именно: число лиц, подвергнутых административной ссылке, обратно пропорционально коэффициенту умелой деятельности чинов полиции. Я смело говорю: там, где больше административно-ссылных, там менее искусны агенты полиции и тем хуже ее организация. Вы не забывайте, г.г., что ссылке подвергаются не преступники с ясными уликами содеянного ими преступления, а только лишь подозреваемые, в числе которых могут быть и невинные, в то время как виновные, оставаясь на свободе, продолжают свою преступную деятельность. И к этому способу (ссылке) администрация прибегает лишь тогда, когда чины полиции бессильны добыть ясные судебные доказательства, причем когда даже и в этом направлении неумелые действия полиции не дадут никаких результатов, дающих право лишь „подозревать“ кого-либо виновным содеянного преступления, раздаются беспомощные жалобы, что „население не выдает воров“.

Вывод, к которому пришел старший начальник грозненской окружной полиции, хотя и мог показаться странным другим деятелям терской администрации, в существе своем, несомненно, правильный. Столь же правильным, если «взглянуть на вопрос под углом зрения, выработанным теорией полицейского права», представляется и другое общее положение г. Стрижева, который, видимо, не прочь был щегольнуть полицейским образованием. «На опыте дознано, - говорил он, - что никакие репрессии, никакие кары не уменьшают числа преступлений, если таковые не будут обращены на непосредственных виновников». Это положение представлялось столь бесспорным, что подтвердить его счел не лишним и председатель грозненского съезда генерал майор Орбелиани - человек тоже не без образования:

«Криминалисты пришли к заключению, - говорил он, - что помогает уменьшению преступлений не строгость наказания, а то, чтобы каждое преступление было открыто, а наказание пало на преступника. Например, если бы за кражу быка установили смертную казнь, но преступников ловили бы очень редко, то это было бы не так действительно, как назначить наказание за кражу быка 26 руб. штрафа, но при каждом случае воровства ловить преступника...».

Из этого, однако, отнюдь не следует, что терская администрация, усвоившая такие истины и по опыту убедившаяся, что такое представляет из себя административная ссылка, отказалась впредь от применения последней и всех других видов административной расправы; из этого никак не следует, что отныне она никого не накажет иначе, как при наличии «ясных судебных доказательств». Нет! К такому решению нигде еще не приходила и, конечно, сама собой не придет русская администрация. И в данном случае из посылок, развитых гг. Стрижевым и Орбелиани,

был сделан более узкий вывод. «Поэтому надо так организовать преследование,-продолжал последний свою речь,- чтобы преступнику трудно было ускользнуть». Вот и весь вывод...

Если нельзя положиться на содействие населения, которое «не выдает воров», то стало быть нужно проявить изобретательность в другом направлении: нужно расширить административный механизм, усилить полицию, развить сыск в достодолжных размерах. Вот плодотворный путь для административного творчества.

С планом усиления полиции и выступил полковник Стрижев. Конечно, «за счет местного населения»... Не превышая «меры возможности», «не выходя из пределов своей власти», «опираясь на циркуляр наместника», он считал, что для необходимого усиления полиции, если иметь в виду один его округ, потребуется «ежегодный расход в 18.540 руб., а в первый год—34.000 руб.». *«И вот, - говорил он, - если представители чеченского народа хотят доказать на деле, что все возгласы, которые мы слушали здесь о желании прийти на помощь администрации в истреблении врагов спокойствия не пустые слова, они, несомненно, руководствуясь упомянутым выше циркуляром наместника, не преминут убедить пославших их сюда составить надлежащие общественные приговоры об ассигновании необходимых средств».*

Убедить им общества тем легче, что «средства потребуются небольшие... в первый год потребуется около 83 коп. с дома, а в последующие годы ежегодно - около 65 коп."... Начальник одного из участков того же грозненского округа шт.-кап. Розалион-Сошальский, предложил со своей стороны план улучшения сельской администрации, для чего выборных старшин, по его мнению, следует заменить назначенными, а для увеличения им жалованья - обложить население по 1 рублю с дыма. «Кроме того, над старши-

нами надо иметь известный контроль, для чего следует в распоряжение участкового начальника назначить несколько полицейских урядников», которыми, ради экономии, можно заменить сельские правления. Еще «надо, чтобы и мулла был агентом правительства». Кадиев же можно прямо зачислить в стражники... Словом, улучшить и усилить полицейскую организацию не трудно, даже без расходов со стороны казны это можно сделать. В моих материалах имеется целый ряд таких проектов, в разных вариантах, конечно. Между прочим, кроме жалованья, в некоторых проектах предлагается установить для полицейских чинов еще вознаграждение или так сказать, сдельную плату за каждого пойманного ими преступника и даже просто «подозрительного» человека, которого они захватят.

Но одной наружной полиции, как бы ее много ни было, даже с прибавлением полицейских собак, обзавестись которыми рекомендовал полковник Стрижев, все-таки недостаточно. По опыту уже дознано, что наружная полиция очень хорошо может хватать людей, но нужно еще, чтобы кто-нибудь ей указывал. Нужны «доказчики». Для этого писарь Ермоленко «склонил» атажукинского старшину установить секретный сыск, в виде назначения для сего самих жителей - «с выдачей наград», конечно, «хотя бы в 3 руб.». Свой план г. Ермоленко надлежащим образом мотивировал:

«Насколько замечено, - пишет атажукинский старшина, - жители и вообще туземцы жадны до денег и среди них развито доказчество по секрету, следовательно, каждый житель, а в особенности враг, будут следить один за другим, в чаянии получить 3 руб.. тем более, что имя сообщившего останется в секрете.

По-видимому, жадность туземцев к деньгам в этом проекте сильно преувеличена и за 3 рубля, пожалуй, предателя не получишь. В действительности, как мы видели,

власти платят доказчикам по 50 руб.,- и платят не за преступника даже, а только за то, что они спрятанное ружье укажут. Но и при этой повышенной цене в доказчиках ощущается явный недостаток, услуги их являются случайными. Отсюда стремление сделать сыск более планомерным и для доносов найти более сильный стимул, чем денежная награда. Один из участников грозненского съезда напомнил, что лет 15 тому назад аул разделялся на кварталы. На каждый квартал назначался квартальный, который следил за подозрительными людьми и знал, кто когда отлучился. Он проверял каждую ночь их наличность. Если кого-либо не оказывалось дома, то он передавал о том старшине.

Вот и теперь следует восстановить эту планомерную слежку. Ее можно и нужно развить еще шире: не только в каждом квартале должен быть подглядыватель, но в каждой семье нужно, чтобы брат следил за братом, отец за сыном и все друг за другом. Кое-где такая система уже введена. Так, приговором Гудермесовского общества, составленным 20 марта 1909 года «по указаниям начальника участка», первым делом установлена такая мера:

Все члены каждой отдельной семьи, числящейся в нашем обществе, являются ответственными друг за друга, а равно и за других лиц, живущих с ними в одной семье, за поведение и хороший образ жизни. Если кто-либо из семьи не пожелает принять ответственность за кого-либо из членов семьи, имеющего склонность к совершению преступлений, обязан заявить об этом надлежащим властям...

Даже о склонности к преступлениям члены семьи обязаны доносить друг на друга. Конечно, «выдачей награды» к этому их, пожалуй, не побудишь. Поэтому в данном случае пущено в ход другое средство: «лица, сделавшие таковое заявление, говорится в приговоре, от ответст-

венности за этого члена семьи освобождаются»; иначе же они отвечать должны, а как отвечать - об этом говорится в следующих пунктах приговора:

По уходу кого-либо из жителей нашего общества в абреки, семью его и лиц, живших с ним в одном доме, высылать в места по усмотрению начальства; имущество семьи скрывшегося абрека конфисковать и обратить в капитал на его же поимку...

*Лицу, убившему этого абрека, выдавать вознаграждение из капитала, образовавшегося от имущества его дыма, а при несостоятельности из наших общественных сумм две тысячи рублей; за поимку абрека живым, выдавать из тех же источников одну тысячу рублей.*³⁶

Не донесшие заблаговременно должны отправиться «в места по усмотрению начальства», а их брата или сына все равно уничтожать и еще за их же счет убийцам заплатить. Стимул для доносов придуман достаточно сильный...

И это - не проект только; это - приговор, вошедший в законную силу... Впрочем, при том произволе, какой царит в отношениях к туземцам, между проектом и законом, нет, в сущности, разницы. Например, замена выборных старшин назначенными - это только проект, осуществить который, казалось бы, можно не иначе, как законодательным порядком. Но такая замена давно уже практикуется кавказскими властями. Вот и теперь: наместник распорядился «назначить правительственных старшин во всех сельских обществах, составляющих район деятельности Зелимхана»³⁷. А район этот не маленький, - несколько округов в него входят...

Взыскание с населения денег на улучшение и усиление полиции - это тоже только проект, но этот проект уже давно осуществляется. И при том еще так: деньги с населения взыскиваются, а полиция не улучшается и не усиливается. «При приеме мною команды 1-го участка (Вве-

денского округа) - доносил, например, штабс-ротмистр Кужуев - мне заявлено было, что у них числятся ингуши, которые никакой службы не несут, а жалование получают с населения участка; таких оказалось двое, родственники начальника участка... Партизанская команда 4-го участка состояла из 14 человек, на которых в месяц следовало взыскивать по 30 руб., всего 280 рублей, а взыскивалось значительно больше»³⁸. Г. Кужуев приводит целый ряд таких случаев. Когда эти переборы обнаружились, то администрация потребовала от некоторых сельских обществ полномочия в виде приговоров. И, конечно, такие приговоры получила...

Во многих ли селениях составлены приговоры, подобные гудермесовскому, - я не знаю. Но и без приговоров администрация пользуется всеми средствами, чтобы заставить туземцев доносить друг на друга. Практикует она и ссылку родственников, - особенно, когда тот или иной абрек долго не дается ей в руки. Жена и малолетние дети Зелымхана, например, отправлены в Сибирь, как только были разысканы. Теперь наместник распорядился отправить в ссылку и других его родственников, а заодно и семь шейхов с их семьями...

Результаты, однако, получаются все время неудовлетворительные. «Секретные сведения», получаемые при помощи доказчиков, как мы видели, нередко оказываются ложными, порочные люди остаются неразысканными, абреки - не пойманными... Хуже того. Имеются основания думать, что система доказничества привела уже к тем последствиям, к каким неизбежно ведет вообще система «сотрудничества». Под покровом тайны государственная организация переплелась уже с разбойничьей, и как раз самые порочные люди нередко являются агентами государственной власти. С указаниями на такой симбиоз нам уже

пришлось встречаться, а в дальнейшем и еще таковые нам попадутся.

XIV

«Серьезным препятствием к поимке Зелимхана, - говорится в последнем, только что цитированном распоряжении наместника, - служит особая секта под названием Зикра, комплектующая шайку Зелимхана своими последователями мюридами, доставляющими ему оружие, патроны и проч.» О сектах среди туземцев мне пришлось уже упоминать в предыдущем изложении. По литературным данным (относящимся к началу 90-х годов) таких сект две.

Одна из сект, основатель которой Батыл-хадж живет в ауле Сыхарки, отличается джигитством, выражающимся в бесстрашном удалстве, убийствах, воровстве и т.п., крайней нетерпимостью, вследствие чего ее последователи прерывают сношения даже со своими родными, не примкнувшими к секте... Другая секта, основатель которой Кунт-хадж скрывается неизвестно где и которая пользуется общими симпатиями, имеет гораздо более последователей... Они выделяются своим смирением, набожностью и незлобивостью, не пьют, не курят и гнушаются воровства...

В моих материалах встречаются указания на несколько сект, а по словам местных деятелей, с которыми мне приходилось беседовать, теперь имеется целый ряд их. Судя по этому, идейная жизнь не только не замерла у чеченцев, но, напротив, отличается в последнее время особою интенсивностью. Во всяком случае, в их среде имеются разные идейные течения, и между представителями последних идет оживленная борьба. Для сторонних наблюдателей эта борьба представляется не вполне понятной, но

несомненно все-таки одно: к разбойничеству различные секты относятся неодинаково. Одни из них, по-видимому, дают ему идейное оправдание, другие - считают грехом. Уже одна принадлежность к той или иной секте, по мнению туземцев, может служить доказательством участвовало или нет данное лицо в разбойничьем нападении. Приведу хотя бы такой пример.

13 апреля 1909 г. в с. Урус-Мартане был арестован житель этого селения Нукка -Домбаев, 40 лет, подозревавшийся в том, что он участвовал в пленении овцевода Месяцева. Отец арестованного, Домбай Богаев, на допросе, между прочим, показал:

Нукка в молодости воровством занимался, но потом он вступил в секту Накишубан; от главы секты он посвящения не принимал, а только принял все обязательства секты. Поэтому я считал его очистившимся от порока.

Нукке это не помогло, и он был в конце концов повешен...Может быть, принадлежность к секте и нельзя считать достаточным судебным доказательством. Легко, однако, понять, что наличность указанных идейных разногласий в чеченской среде существенно облегчает задачу государства в его борьбе с разбойничеством. Во всяком случае эта задача предоставляется менее трудной, чем была бы она, если бы приходилось иметь дело с отвердевшим, не вызывающим сомнений и разногласий мирозерцанием целого племени. Государственная власть имеет возможность принять участие в идейной борьбе и обеспечить себе сочувственную поддержку.

Наличность сект и борьбы между ними не ускользнула от внимания кавказской администрации. Последняя, видимо, не прочь была бы использовать этот фактор в своих видах. Но делает она это в высшей степени своеобразно. Например, на зикристов, считающих Зелимхана святым, она обрушивается репрессиями, совершенно упуская из

виду, что гонения приобретают в этом случае религиозный характер, а такие гонения, как известно, если и могут дать результаты, то прямо обратные тем, которых добиваются.

Еще своеобразнее относится администрация к тем сектам, среди которых рассчитывает найти себе сочувствие. Не идейной поддержки она у них ищет, а шпионских услуг от них требует и на их физическую силу возлагает надежды. Как будто войск у государства недостаточно! Приведу хотя бы такой эпизод.

Приступая к искоренению разбойничества, г. Вербицкий посетил основателей крупных религиозных сект и просил их содействия. Глава одной секты, Бамат-Гирей Хаджи Митаев, дал ему слово оказать такое содействие и даже обещал в непродолжительном времени представить голову Зелимхана. Но для этого Бамат-Гиреев просил вооружить бердановскими ружьями от 30 до 40 его последователей. Г. Вербицкий выхлопотал разрешение у генерал-губернатора для 36 человек, из которых и сформировалась особая добровольческая команда.

Эти сведения я почерпнул из «весьма секретного» рапорта штабс-ротмистра Кужуева, который, напомнив обо всем этом Вербицкому, далее пишет:

«Команда эта не оправдывает принятых на себя обязательств, а данным Вами правом ношения скорострельного оружия пользуется для своих сектантских целей, злоупотребляя при этом Вашим именем. Для этой цели команда Бамат-Гирей-хаджистов производит обыски только у влиятельных представителей других сект и мулл, не признающих Бамат-Гирея святым».

Г. Кужуев приводит ряд случаев, как Бамат-Гирей-хаджисты обыскивали уважаемых населением лиц, отбирали у них книги, избивали их самих и т. д. Судя по этому перечню, больше всего страдали от них последователи упомянутой выше наиболее мирной секты Кунт-Хаджи. Не

обходилось дело и без денежных посягательств. «Представитель секты Кунт-Хаджи, Саи Хаджиев,- пишет г. Кужуев, - между прочим, обвиняет команду в краже ста рублей». Ну точь-в-точь русские «союзники», вооруженные револьверами для активной борьбы с революцией... В конце концов двое из Бамат-Гирей-хаджистов встретились с конно-охотничьей командой, которая и отобрала у них ружья,-отобрала, однако, после сопротивления, едва не кончившегося кровопролитием.

Таким образом, своих идейных союзников г. Вербицкий успел превратить в настоящих разбойников. Впрочем, таковыми они были, может быть, и раньше. При тех методах, какими пользуется администрация для искоренения разбойничества, найти себе поддержку она может, пожалуй, лишь у тех сект, которые дают разбойничеству идейное оправдание и даже вменяют в обязанность своим последователям это занятие.

XV

В разных формах, как мы видели, добивается государственная власть поддержки со стороны населения: требует она содействия у сельских обществ, просит помощи у религиозных сект, вербует себе на службу доказчиков и кровников... И разными средствами она пытается обеспечить себе, эту поддержку; требует ее во имя идеи, покупает ее за деньги, вынуждает ее страхом... Однако, и за всем тем содействие населения оказывается явно недостаточным. Без его же помощи администрация в громадном большинстве случаев бессильна найти и захватить преступников, - тем более бессильна она предупредить их посягательства. Поэтому в решительную минуту власти обрушиваются репрессиями на тех, кто подвернется под руку, а то и на все население.

Даже высылка нередко практикуется ими в массовой форме. Убедившись в своем бессилии отличить порочных людей от мирного населения, администрация начинает высылать целые аулы или целые категории населения. Не далее как нынешней весной, в Сибирь были отправлены жители аулов Нельх и Кек в числе 98 семейств. Теперь наместником предписано войти с представлением о расселении хуторов, жители которых уличены в укрывательстве Зелимхана», а это значит, что вновь целый ряд селений будет подвергнут более или менее отдаленной высылке. В проектах же и мечтах высылка представляется местной администрации полезной и необходимой в еще более широких размерах. *«Всего лучше,- рекомендовал, например, атаман станицы Вознесенской,- если возможно расселить туземцев по русским селам, городам и станицам, где они обрусели и отвыкнули от своих дурных наклонностей»*. Не только низшие, но и высшие должностные лица терской администрации носятся с такими же грандиозными планами. Напомню хотя бы такой случай.

В 1909 году после ряда разбойнических нападений, владикавказская городская дума обратилась по телеграфу к высшему правительству и отправила депутацию к начальнику области с требованием о принятии энергичных мер для защиты города. Нашлись гласные, которые потребовали у начальника области поголовного выселения горцев в коренную Россию, где они „растворятся" и сделаются безвредными... Генерал Михеев согласился даже на такую меру и сознался, что подобное ходатайство уже давно им возбуждено было, но потерпело фиаско, и на него последовал ответ, что горцев нужно „переселять", а не „выселять", а для этого нужно дать им землю и деньги. Однако, он обещал возобновить свое ходатайство и просить о переселении горцев на персидскую границу³⁹.

Но и на эту комбинацию правительство, очевидно, не согласилось. Да едва ли когда и согласится: земли и денег на осуществление любого из подобных грандиозных планов, действительно, потребовалось бы слишком много. Собственными же силами осуществить такие проекты кавказская администрация, при всей «полноте ее власти», конечно, не может. Волей-неволей ей приходится от них отказаться и удовлетвориться высылкой, хотя бы и массовой, но в более скромных размерах.

Между прочим, в начале 1909 г. терский генерал-губернатор распорядился выселить всех чеченцев-скотоводов с левой стороны Терека. Таких скотоводов оказалось около 50, причем каждый, в среднем, имел кроме коней, около 200 шт. рогатого скота и до 500 шт. овец. Нечего и говорить, что все они оказались в ужасном положении, - тем более, что распоряжение о выселении застигло их в самое неудобное время.

От бескормицы и продолжительной зимы, - писал, например, один из них, - у меня скот произошел в худобу, пять коров новотельных лежат на подъеме, три лошади - тоже, и не более пяти дней, как начался обкот баранов; я неминуемо понесу громадный ущерб от падежа скота, если он не поддержится выкормом на месте моего кочевья месяца три ⁴⁰.

Да и помимо этого найти корм и пастбища для такого громадного количества скота на другой стороне Терека можно было не сразу. Чеченцы волей-неволей должны были продавать свой скот за бесценок русским скотоводам.

Само собой понятно, что высылка мотивировалась необходимостью борьбы с разбойничеством. Но так как в данном случае администрация обрушилась на самую зажиточную часть чеченского населения, то дело не обошлось без протестов. Чеченцы-скотоводы представили грознен-

скому съезду доклад, в котором историю своего поселения на казачьей стороне и затем выселения отсюда излагают в таком виде:

После войны с Шамилем правительство всеми мерами стремилось приохотить чеченцев к занятию земледелием и скотоводством и успело достигнуть в этом отношении заметных результатов: «в продолжение 40—50 лет поля стали неузнаваемы, овцеводство и скотоводство приняло солидные размеры». Чеченцы-скотоводы стали арендовать землю у казаков, и некоторые из них перебрались на другую сторону Терека. Таких насчитывалось одно время до 200 человек. При этом «чеченцы и казаки жили, как одна дружная семья, одождая друг друга всем необходимым». Так продолжалось «до нашествия тавричан, лет 15 тому назад». С появлением тавричан, между двумя группами скотоводов началась конкуренция из-за пастбищ, причем тавричане начали агитировать среди казаков против чеченцев, обвиняя всех их вообще, в том числе и скотоводов, в разбойничестве и укрывательстве. Чеченцы начали ликвидировать свои дела и в конце концов из 200 скотоводов осталось лишь около 50. Но в последнее время чеченцы вновь были допущены казачьими обществами на торги и начали довольно успешно конкурировать с тавричанам.

На торгах Щедринского участка, шедшего всего за 5000 рублей,- говорят они в своем докладе, - наши чеченцы догнали этот участок до 20.000 руб. и получили в аренду. Тавричане увидели, что мы, чеченцы, поняли, какую ценность составляет аренда участков, и, видя в нас сильных конкурентов, начали действовать на предмет изгнания нас с насиженных мест. Не знаем, каким путем, но они этого достигли, и теперь мы... должны все отдать тавричанам и уйти ни с чем.

Между тем они, чеченцы, всегда отличались лояльностью и *«во время общих внутренних смут в России проявили самую горячую преданность своему царю»*; в частности, чеченцы-скотоводы ни в чем плохом замечены не были, и их нельзя мешать с порочными людьми, которых они сами изгоняют из своей среды, а русские овцеводы с какой-то «тайною целью» принимают их к себе на службу. *«Где искать правды? восклицают авторы доклада.- К кому обратиться? У кого просить милости не разорять нас?»*. На съезде этот доклад не был, однако, заслушан. Когда же один из туземцев, г. Яндаров, попытался все-таки поднять этот вопрос, то председатель заявил, что скотоводы высылаются по распоряжению генерал-губернатора, обсуждать которое тут не место

Между тем, русские конкуренты развили, по видимому, еще более широкую агитацию. «По соседству оставалось много земель, принадлежащих туземцам. На эти земли и обратили внимание овцеводы». Они «начали систематический поход против туземцев в виде настойчивых указаний на свои убытки от разбоев и, вместе с тем, в виде ходатайств о выселении туземцев с их земель». По крайней мере, в этом именно смысле газетные корреспонденты комментировали один из характерных эпизодов этого похода, имевшего место в 1910 году.

Преследуя крупную шайку по изготовлению и сбыту (главным образом, туземцам) фальшивых кредиток, владикавказская полиция явилась в одну из гостиниц к некоему Филатову, который считался видным участником шайки. В его номере она застала крупного местного овцевода - миллионера, по словам газет,- Гр. Мамонтова и еще двоих овцеводов Калмыкова и Курьянова⁴¹. Все они были арестованы; Филатов был отправлен в кандалах в Ростов, где о нем велось дело, остальные вскоре были выпущены. Но при обыске, произведенном по этому случаю, у Ма-

монтова было найдено несколько вымогательских писем, составленных от имени Зелимхана, но написанных рукою Мамонтова и адресованных некоторым из местных овцеводов с требованиями, под угрозой пленения, уплатить от 10 до 50 т. рублей. Как оказалось, некоторые из овцеводов уже получили подобные письма. Преданный за вымогательство суду, Мамонтов объяснил, что он писал письма исключительно с целью напугать овцеводов и заставить их таким путем принять деятельное участие в борьбе с разбойничеством. Суд удовлетворился таким объяснением и оправдал Мамонтова.

Прежде, однако, чем состоялся суд, овцеводы, чувствуя себя скомпрометированными всем этим делом, выступили с опровержением газетных разоблачений и отреклись от Мамонтова. *«Он среди овцеводов, - писал председатель их комитета, - далеко не пользуется уважением, репутация его всем нам известна; председателем наших собраний и съездов никогда он не был и если допускался на наши собрания, то только вследствие свойственной всем нам излишней деликатности. Его терпели скрепя сердце... По одному ему нельзя судить о всех, как нельзя судить о семействах, в котором волею судьбы оказался урод»*⁴². По-видимому, это категорическое опровержение чуть ли не всецело было основано на том, что газеты смешали «общество овцеводов Северного Кавказа» с «организацией терских овцеводов», к которой «принадлежат гг. Мамонтов и К°.»⁴³. Во всяком случае, среди терских овцеводов Мамонтов был «излюбленным человеком» и, например, на грозненском съезде являлся их представителем. А его агитацию против туземцев и после оправдания его судом ни в коем случае нельзя, конечно, считать добросовестной.

Я не берусь с уверенностью судить, насколько были правы чеченцы-скотоводы, всецело объяснявшие свою вы-

ссылку подобной же агитацией. Достаточно того, что такая агитация возможна, в действительности имеет место и, что главное, не остается безрезультатной. Читатели видели, какой сложный переплет отношений может получаться при этом: сбыт фальшивых денег, конкуренция из-за пастбищ, борьба с разбойничеством - все это сплетается в один клубок. Действуя вслепую, применяя репрессии без «ясных судебных доказательств», государственная власть легко может оказаться - и во многих случаях, несомненно, оказывается,- простым орудием в руках всяких хищников. Очень часто это хищники иной формации, но по существу - те же разбойники. По своим же размерам иные из них превзойдут всякого Зелимхана: до таких «грандиозных мошенничеств», какие удастся подчас им осуществлять, тому даже не додуматься...

XVI

После сказанного, я думаю, легко понять, что меры предупреждения и пресечения, применяемые терской администрацией, не столько предупреждают и пресекают грабежи и разбои, сколько поддерживают и плодят хищников и разбойников. В некоторых отношениях это настолько ясно, что сама администрация это отчетливо видит.

Возьму опять ссылку. Удаление порочных людей из среды населения самое верное, казалось бы, средство для его профилактики. По отношению к горцам эта мера является вместе с тем одной из самых жестоких, почти равносильной для многих из них смертной казни. Попадая в совершенно иные климатические, топографические и бытовые условия, кавказские горцы, как известно, очень плохо переносят сибирскую жизнь и довольно быстро сходят в могилу: одни сгорают от грудных болезней, другие тают

от тоски по родине, третьих доканывают нужда и недоедание.

Вполне понятно поэтому, что ссыльные ингуши и чеченцы так упорно стремятся возвратиться на родину. И администрации, как я уже говорил, до сих пор не удалось придумать средств, чтобы предотвратить самовольное возвращение сосланных туземцев. Само собой понятно, что возвратившихся ловят и вновь высылают, но они вновь возвращаются. По свидетельству начальника 2-го участка Хасав-юртовского округа, г. Абдулкандырова, «на практике много случаев истребования от обществ дважды и даже трехкратно одного и того же преступника, выданного обществом иногда по собственной инициативе, но возвратившегося из ссылки».

Не всегда, однако, общества, если даже и хотели бы, могут выдать. Вернувшиеся из ссылки в большинстве случаев переходят на «нелегальное положение» и делаются «форменными абреками».

Опыт показывает, - читаем мы в особом мнении д-ра Руттенберга, кн. Орбелиани и полковника Стрижева - что ссыльный элемент, находясь не под достаточно сильным надзором, бежит с мест ссылки к себе на родину. Это и понятно, если иметь в виду особое тяготение горца к Кавказу, а равно и чрезвычайную трудность материального их обеспечения на местах ссылки, в виду их незнакомства с русским языком. Возвращаются же они в качестве нелегальных лиц, а следовательно, должны скрываться и заниматься абречеством, иначе говоря, предназначенная мера высылки⁴⁴ способствовала бы увеличению контингента абреков, с которыми и без того борьба чрезмерно трудна.

Легко понять, что не только «предназначенная мера», но и вообще высылка приводит к тем же результатам: «порочные люди», имеющие «наклонность к совершению преступлений» и просто «подозрительные» по возвраще-

нии становятся несомненными разбойниками. По общим отзывам, это - распространенное явление.

Надо, однако, сказать, что уход в абреки - не единственный выход для «нелегальных лиц», которых плодит своими мероприятиями терская администрация. Некоторым из них удастся устроиться... на полицейской службе. В моих материалах имеется любопытная на этот счет переписка, начинающаяся прошением двоих самовольно вернувшихся чеченцев разрешить им остаться на родине. При этом они приложили одобрителный приговор от своего общества. Получив это прошение, генерал-губернатор отдал распоряжение немедленно арестовать просителей. Но в обществе их не оказалось: один вовсе не показывался в своем селении и просил о приговоре через родственников, а другой, как выяснилось, служит в партизанской команде, т.е., занимается искоренением разбойничества. Начальник команды, упоминавшийся уже штабс-ротмистр Кужуев, объяснил, что беглый чеченец был принят на службу начальником участка.

Что касается администрации Веденского округа, - продолжал г. Кужуев, - то она считала вполне нормальным принимать и держать на службе в этих командах самовольно вернувшихся из ссылки, что подтверждается, что в команде 2-го участка того же округа служили таковые Ибрагимов, Витуев и Удиев... Кроме всего этого, в этих командах были и другие порочные лица, но когда я высказался, что их... придется сменить, начальники участков подняли шум, а старшина Сайханов и переводчик Чумаков посоветовали мне не спешить с этим вопросом, чтобы не вооружить против себя всю окружную администрацию.

Был даже случай, по словам г. Кужуева, что начальник округа добился отмены судебного приговора, чтобы сохранить на своей службе преступника, причем последний был произведен в старшие урядники и получил выс-

ший оклад жалованья. Имеются на службе порочные люди в писарских и других должностях. В своем рапорте г. Кужуев объясняет это явление тем, что при таких служащих администрации легче обдeldывать свои делишки и, в частности, получать денежные расписки, не выдавая денег, и собирать деньги, не выдавая расписок. Но так как и порочным людям чем-нибудь жить надо, то в конечном счете платят за все казна и население. Г. Кужуев приводит длинный ряд фактов неправильного расходования казенных денег и незаконных поборов с населения.

Местной же администрации, сумевшей заручиться беглыми и порочными людьми в качестве служащих, живется недурно. В частности, начальник округа чувствует себя владетельным князем и пользуется подобающими почестями. «И мне, - пишет г. Кужуев, - пришлось раз удостоиться этой чести за компанию»:

Когда мы выехали из Грозного, на опушке подъехал начальник 4-го участка г. Бердзиев со своей участковой партизанской командой и с трехцветным флагом. Команда эта по грязи конвоировала нас до Устар-Гордоя; здесь нас должен был встретить начальник 3-го участка г. Госташев, но он почему-то не сделал, чем капитан Дудников (начальник округа) остался весьма недоволен... Но за то на станции Эрсеной оказалась стянута вся партизанская команда 3-го участка... Не доезжая до Ведено семи верст, около Ца-Веденской сельской мечети, нас, т. е. капитана Дудникова, встретил с хлебом-солью старший помощник колл. советник Михайлов со штатом своим в полном составе... и с партизанской командой 4-го участка в полном составе, но без флага, что было поставлено на вид заведующему командой; тут же расположилось Ца-Веденское общество со своим старшиной... После рапорта и кратких взаимных приветствий расположились за столом, накрытым холодной закуской, вином и водкой около

самой мечети для „обмена“ мыслей и впечатлений под громовые возгласы „ура“, оглашавшие окрестные горы... Потом, окруженный живописной толпой свиты, капитан Дудников тронулся в Ведено.

Едва ли нужно говорить, что борьба с разбойничеством в этом владетельном княжестве ведется не очень успешно. Но деньги на эту борьбу расходуются весьма энергично, причем «главной статьей,- по словам г. Кужуева,- является Зелимхан»...

XVII

Разбойничество не только не мешает, но, быть может, даже помогает представителям местной администрации жить на всей своей воле и в полном довольстве. Но кроме разбойников и администрации имеется ведь еще мирное население.

Не полагаясь на государственную власть, которая бессильна искоренить разбои, бессильна предупредить их, бессильна даже потом отыскать истинных виновников, население, как я уже говорил, пытается собственными силами оградить свою жизнь и имущество. Туземцы не расстаются с оружием и упорно держатся за свои первобытные институты, доверяя им несравненно больше, чем государственным установлениям. «Русский человек, даже казак, не любит оружия и старается обходиться без него»⁴⁵. Но и русское население в значительной его части,- прежде всего казаки, - ходит вооруженным. И русское население во многих случаях больше полагается на свои собственные силы и выработанные местною жизнью институты, чем на государственные.

В качестве примера я указал в своем месте на институт ответственных караульщиков, которым население гораздо больше доверяет в охране имущества, чем войскам

и полиции. После того, как соответствующей очерк⁴⁶ появился в печати, я получил письмо от одного из тульских помещиков, А. В. Афанасьева, который 9 лет вел хозяйство на Северном Кавказе и успел за это время достаточно хорошо ознакомиться с условиями тамошней жизни. *«Вот что поучительно,- между прочим писал он,- станция Суворовская (вблизи которой он жил) очень большая, представляющая чуть ли не полк очередных казаков на службу, в ней есть много георгиевских кавалеров, есть лейб-казаки... и она тоже нанимает в пастухи кабардинцев и с такою же ответственностью»*. Г. Афанасьев оспаривает допущенное мною предположение, из которого исходит в своих мероприятиях терская администрация, - а именно, что ответственные караульщики находятся в стачке с ворами и грабителями, благодаря чему их деятельность и является успешной. Предпочтение, оказываемое населением в этом деле туземцам, г. Афанасьев объясняет тем, что они лучше, чем русские, сторожат скот, а главное, в случае кражи или грабежа погонятся за грабителями и даже вступят в бой с ними, отбивая вверенное им имущество. При этом, исполняя свои обязанности, они опираются на содействие остального населения, и на этот счет имеются свои обычаи, свои «законы».

В качестве примера г. Афанасьев приводит такой случай. Однажды ему доложили, что одну из лошадей необходимо зарезать, так как рана загноилась и в ней завелись черви... Откуда взялась в имении раненная лошадь? Выяснилось следующее:

В каком-то табуне за 60 или более верст украли лошадей. Тамошний ответственный табуник гнался за ворами, но гнался не по дороге, а по степи, от табуна к табуну. Во всяком табуне он бросал усталую лошадь, получал свежую и, наконец, на нашей лошади догнал вора и подрался с ним на кинжалах в результате чего наша ло-

шадь и получила несколько ран. Хотя неписанный, - продолжает г. Афанасьев, - но это закон: всякий табуницик в погоне за вором имеет право на свежую лошадь в соседнем табуне. И этот закон исполняется свято. Не один раз были случаи, что и у нас пропадали лошади и наш табуницик так же гнался, разыскивал и получал свежих лошадей у других.

Таков закон, свято исполняемый населением. Имеются и другие такие же «законы». Судя по моим материалам, наибольшую роль в деле розыска похищенного имеет институт следоводительства. Состоит он в следующем:

В случае кражи или грабежа население само начинает розыск. Последний производится по следу, какой могли оставить грабители. Если след удастся вывести на землю соседнего селения, то вызываются его должностные лица с понятыми, которые должны «принять» след и «вести» его дальше. Так и ведется розыск от станицы к аулу, от аула к станице, - иногда через всю область. Техника следоводительства разработана весьма тщательно, - имеются даже особые специалисты-следоводители, особенно искусные в этом деле. В некоторых случаях по следу удастся дойти до самого двора, в котором спрятано похищенное или до стада, к которому присоединен угнанный скот.

Само собой понятно, что следоводительство не обходится без недоразумений, но и для их разрешения имеются свои правила. У ингушей имеется даже особая организация—«отцовский суд». Состав и функции последнего мало известны, но одной из задач его является, как можно думать, разбор претензий, связанных с розыском похищенного. Известны случаи, когда даже казаки обращались к «отцовскому суду» и получали удовлетворение.

Государственная власть к мерам, принимаемым самим населением для охраны своего имущества, относится, как я уже говорил, в общем, отрицательно, а к некоторым

и резко враждебно. Ответственных караульщиков, например, она теперь запрещает. Что касается «отцовского суда», то это - строго конспиративная организация, о которой представители администрации говорят не иначе, как с неодобрением... «Я затрудняюсь допустить даже мысль,- говорил, например, на грозненском съезде его председатель, г.-м. Орбелиани, - чтобы на нашем съезде разбирался вопрос об этой тайной организации. Тайный судья, никем не выбранный, это - преступник». «Это - государственное преступление, говорил он в одном из следующих заседаний, а вы его хотите узаконить». Напрасно один из туземцев, г. Куриев, доказывал, что «отцовские суды это - суды примирительные, которые мирят кровников» и что «суды эти вовсе не тайные». Председатель твердил одно: «но все-таки это есть незаконная организация».

Однако сознание некоторой ответственности перед мирным населением все-таки остается. В самом деле, если государственная власть не в силах обезопасить жизнь и имущество граждан, то должна же она предоставить им какой-нибудь способ получать хотя бы вознаграждение за вред и убытки. Пусть даже всех туземцев поголовно она считает разбойниками, но и за всем тем остается мирное население: казаки и прочие русские. Бывает ведь, что даже близкие начальственному сердцу люди терпят вред и убытки. Нельзя же их оставить без вознаграждения.

Ничего, однако, лучшего русские власти не придумали в этом случае, как вернуться ко временам Ярослава Мудрого, к тому средству, какое применялось на пороге русской государственной истории. Он ввели круговую ответственность и при помощи «дикой виры» стали вознаграждать частных лиц за вред и убытки.

Сначала это практиковалось sporadически: рассердится соответствующее начальство и предпишет взыскать вознаграждение потерпевшим с аула, на земле которого

произошло убийство или жители которого заподозрены в краже. Но потом, в 1879 г., были введены и общие правила на этот счет. Для того же, чтобы облегчить себе задачу, власти легализовали следоводительство. Потерпевшим достаточно было довести след до земли туземцев, и с соответствующего аула, если он оказывался не в состоянии разыскать и выдать виновников, административным порядком взыскивалась стоимость похищенного или пеня в пользу семьи убитого. В результате туземцы из года в год платили в пользу остального населения своего рода многотысячный налог.

Едва ли нужно даже говорить, что круговая ответственность нисколько не содействовала уменьшению разбойничества. Можно даже думать, что она способствовала его развитию. «Ловкий вор,- говорил на грозненском съезде полковник Стрижев, - может себе красть, а все население обязано за него платить. Наконец, я сам могу украсть у себя плохую скотину и получить за нее с селения, на которое наведу следы, большую плату как за хорошую». И туземцы подтвердили, что, действительно, это и наблюдается. «Воры, - говорил, например, Хадис Худабердов, - начали действовать свободнее, потому что за них платили мирные жители, а казаки, обеспеченные уплатой за уворованное, перестали охранять свое имущество». И то, конечно, действовало, что невиновный должен был платить за виновного: «раз я внес в кассу один рубль, - говорил, один из членов съезда,- я обязательно пойду воровать, чтобы вознаградить себя». Круговая ответственность обществ за уголовные преступления сделалась даже орудием мести. По свидетельству участкового начальника Абдулкандырова, если занесенный в список порочных людей «не мог установить главных инициаторов его выдачи при удачной закрытой баллотировке, то месть обществу производится путем совершения тем разбойником ряда вопиющих пре-

ступлений на юртовском наделе того общества, чтобы оно, по существующим административным мерам, понесло материальное и карательное наказание».

В 1905—1906 гг. - под влиянием, быть может, освободительного движения - в описанную систему была сделана попытка внести некоторое улучшение. Круговая ответственность была сохранена, но разрешение спорных вопросов (о достоверности следов, о размерах убытков и т. д.) было решено передать суду. На съездах в станице Червленной тогда же были выработаны правила об особом смешанном суде из представителей как казачьего, так и туземного населения, причем самая ответственность была сделана взаимной, т. о. не только туземцы должны были отвечать перед казаками, но и казаки - перед туземцами. При этом, для облегчения взысканий, туземные общества, примкнувшие к постановлениям червленских съездов, обязаны были внести заранее по рублю с дыма в особый фонд, за счет которого и должны удовлетворяться потерпевшие.

Казачье население, судя по моим материалам, осталось очень довольно новым порядком и, главное, быстрою, с которой, при наличности фонда, удовлетворялись его претензии. В ином положении оказались чеченцы, и на грозненском съезде они подняли прямо вопль против червленских постановлений, согласно которым «за воровство платят авансом все мирные жители».

- Чеченцы почему-то считают, - говорил подполковник Морданов, - что этот суд направлен только против них, а не против казаков. Сколько помню, был, кажется, один или два случая, когда к казакам не применили по какому-то обстоятельствам суда...

Но чеченцы таких случаев, по-видимому, знали больше.

- Мы убеждены, - говорил мулла Сугаиб Гайсумов, - что эти суды полезны только для казаков, но вредны для

туземцев и не искореняют разбоев. Жизнь при смешанных судах, по его словам, «походит на мир, заключенный между волком и бараном».

Со своей стороны, туземцы умоляли об одном только, «чтобы честным людям не мешали жить, а разбойников преследовали» (Ахшаат Дзагаев), «чтобы наказание было направлено по возможности на самих преступников, а не на мирное население» (Чермоев). Они соглашались на самые тяжкие наказания: пусть даже отрубают руки и головы, но только действительным вора и разбойникам, а не тем, кто подвернется под руку.

Но казаки, поддерживаемые администрацией, ни в коем случае не желали отказаться от круговой ответственности. В конце концов остановились на компромиссе. Были выработаны новые правила о «народно-примирительных» судах, согласно которым отвечать друг за друга должны были лишь «порочные люди», заранее внесенные в списки.

Наместник тогда же в «принципе» одобрил эти правила, и новые суды были кое-где уже введены. Но в следующем, 1910, году приказом по Терской области, с согласия наместника, они были упразднены, в виду «обнаружившейся неподготовленности населения к проведению в жизнь основных принципов третейских судов и неоправдания возложенных на эти суды надежд»⁴⁷. Какими соображениями в действительности руководилась администрация - я не знаю. Возможно, что одни «порочные люди» оказались не в состоянии вознаградить за все убытки. Возможно и то, что в списках «порочных людей» оказались слишком уж очевидные нелепости.

Так или иначе, но администрация для вознаграждения частных лиц от грабежей и разбоев сочла за лучшее вернуться к дикой вине в ее первобытной и даже еще более грубой форме... Не так давно Зелимхан со своей шайкой

напал на инженерную комиссию, причем, убил двоих инженеров и истребил почти весь их конвой. Произошло это в андийском округе Дагестанской области. Помимо других кар, какие посыпались по этому случаю на туземцев Терской области, наместник распорядился: взыскать со всего чеченского населения веденского и грозненского округов штраф в 100.000 рублей, назначив эти деньги в пособие семьям убитых и пострадавших при нападении на дорожную комиссию.

Власти никак не могут искоренить Зелимхана... Ну, так пусть расплачивается за него мирное чеченское население.

XVIII

В личном всеподданнейшем отчете начальника Терской области и наказного атамана терского казачьего войска на 1903 год, между прочим, было сказано:

На материальное благосостояние казаков Терского казачьего войска оказывает самое губительное влияние соседство хищных горцев. Не говоря уже об отсутствии личной безопасности казака, принужденного работать в поле с оружием в руках, конокрадство и скотокрадство положительно разоряют население, особенно Сунженского и Кизлярского отделов.

На этих словах государем была положена такая резолюция: «По-моему, именно это соседство поддерживает в Терских казаках старую удаль».

Заимствую эти сведения из книги, составленной Г. А. Ткачевым и изданной войсковым штабом терского казачьего войска под заглавием: «Гребенские, Терские и Кизлярские казаки. Книга для чтения в станичных и полковых школах, библиотеках и командах». Старой казачьей удали в этой книге уделено очень большое внимание, да

это и понятно, ввиду ее назначения. «Книга для чтения» имеет целью поддержать старый доблестный дух в современном казачестве и прежде всего в подрастающих его поколениях.

Автор не скрывает от своих читателей, каково было прошлое казачество:

Главным занятием вольного казачества, - пишет он, - было «молодечество», т.е. попросту говоря - разбой; только разбой этот производился над людьми чужой веры и чужого племени, потому вольные казаки в нем греха не видели и считали его войной с неверными.

В частности, терские казаки «также грабили и обирали проезжих купцов и охотившихся инородцев, у которых отнимали не только добычу, но и мелкую рухлядь и оружие». И в других отношениях нравы у казаков были разбойничьи, если не хуже:

Так как жен своих казакам приходилось отвоевывать, воровать или покупать, то у них существовали сначала жены «невенчальные», при чем, если казаку попадалась жена от другого мужа, то, чтобы не вводить в свою семью чужого отродья, первых рожденных детей от таких жен казаки убивали... Такие нравы существовали в то время.

Да и по происхождению своему казаки - тем более терские казаки - были, главным образом, разбойники, и притом отнюдь нельзя сказать, чтобы русского только происхождения. В значительной мере ряды казачества пополнялись «перебеглыми» местными народами - чеченцами, кабардинцами, ногаями, кумыками, которых казаки охотно в свои городки принимали и крестили. Само собой понятно, что этот процесс не был односторонним. Казаки, как можно думать, тоже в значительном числе уходили к туземцам, принимали их веру и язык, совершенно, так сказать, очеченивались. Судя по сохранившимся преданиям,

имеются целые аулы, населенные такими перебежчиками и в названиях некоторых из них сохранилось указание на их русское происхождение. Даже в совсем недавние времена - во время войны с Шамилем, например, солдаты и казаки дезертировали к чеченцам, о чем в солдатской среде до сих пор сохранились рассказы.

Уже в сравнительно поздние времена - при Петре Великом, например, и даже при Анне Иоанновне, - по сохранившимся сведениям, среди терских казаков насчитывалось около трети инородцев. В более же ранние времена казачество было, несомненно, еще более разноплеменным. Даже атаманами у терских казаков нередко бывали инородцы. В сущности, это была интернациональная разбойничья организация, сложившаяся на закраине государства, куда не достигала власть последнего.

«Разбойничья» - конечно, в ином несколько смысл, чем какой обычно вкладываем в это слово мы, уже сжившиеся с государственной формой. В нашем обычном понимании, разбойник - вместе с тем обязательно преступник, т.е., человек, нарушающий установленные государством законы. Казаки таких законов вовсе не знали; это были безгосударственные люди (каковыми до известной степени остаются и теперь ингуши и чеченцы).

Когда государство распространило свою власть и на земли, занятые казаками, то оно не прочь было искоренить их так же, как теперь «искореняет» кавказских «разбойников». Не располагая достаточными для этого силами, оно, как можно думать, готово было сделать это даже чужими руками. Например, в 1584 году царь Феодор Иоаннович велел передать турецкому султану Амурату, что в городе на Тереке «завели себе притон безгосударственные люди, волжские казаки», и что «хотя вы их и всех побии, нам стоять за них не за что».

Государство нашло, однако, способ, чтобы использовать в своих видах казачью удаль. Прежде всего, она пригодилась ему для «войны с неверными», как казаки и раньше называли свои разбойничьи набеги. А в дальнейшем эта удаль стала применяться и в борьбе с внутренними врагами, так как для казаков, в сущности, было безразлично, на ком показать свое «молодечество». Например, когда приверженцы Стеньки Разина овладели Астраханью, то «гребенские и терские казаки, с князем Каспулатом Муцаловичом, пошли против бунта открытою силою. Они подошли к Астрахани и оказали важную услугу правительству, захватив главного коновода астраханских мятежников Федьку Шелудяка и передав его воеводам государевым, двигавшимся из Казани с ратью».

«Казаки мало-помалу перестали быть вольными и перешли на царскую службу, стали все государевы». На этой службе они и до сих пор числятся и так же, как раньше, их удалью государственная власть пользуется для «войн с неверными» и для борьбы с «внутренними врагами». Впрочем, порою и этой последней борьбе, для успокоения совести, удается, как известно, придать смысл войны с неверными, - с «жидами» и иными «инородцами».

Я воспользовался официозным изданием, чтобы показать отсутствие какой-либо существенной разницы между прежним казачеством и теперешними «разбойничьими племенами». И в крови, и в нравах, и в отношениях к государству у них, несомненно, можно найти много общего. Можно, пожалуй, прибавить, что государственная власть проявляет все время стремление использовать удаль «разбойничьих племен» так же, как она пользуется казачьей. Когда была война с японцами, кавказских туземцев попробовали, использовать в качестве военной силы, но, при нынешних способах ведения войны, их удаль оказалась ничемной. Когда началась «смута», ингушей и чеченцев вы-

пустили на «внутренних врагов», и здесь они оказались как нельзя больше у места.

Можно даже сказать, что не только в прошлом, но и теперь нет резкой и непреходимой грани между казаками и туземцами. «Перебеглые народы» в довольно значительном числе поступают на государственную службу и служат вместе с казаками, а казаки, случается, уходят в «безгосударственные люди» и разбойничают вместе с чеченцами. Приведу хотя бы такой факт.

В 1909 году в с. Алисхан-Юрт милиционерами был захвачен некий Хаджи-Мурат (ничего общего с героем повести Л.Н.Толстого «Хаджи-Мурат» этот человек не имеет – В.Ш.), у которого оказалась краденая лошадь. В действительности это был казак станицы Червленной, Пимен Макарович Мартынов, который за несколько лет перед тем, уклоняясь от воинской повинности, бежал из станицы и скрылся в Чечне. На допросе Хаджи-Мурат, он же Мартынов, показал:

Жил я раньше в Кизляре, у пристава Лебедева, там я научился говорить по-кумыкски. Учился в церковной школе в Червленной, знаю и по-скорописному. Когда мне стало 16—17 лет, я ушел из станицы в с. Гудермес; здесь встретил одного молодого чеченца, фамилии его не знаю, хорошо говорил по-русски. Он повел меня в с. Миюртуп и устроил меня к чеченцу Ибрагиму Цимхаеву.

По уверениям Мартынова, он служил у Цимхаева работником и помогал ему в торговых делах. Дознанием, однако, это не подтвердилось. Так, по словам старшины с. Миюртуп, «у Ибрагима Цимхаева бывал, но не служил в годовых работниках, казак, по имени Хаджи-Мурат. Он заходил только к Цимхаеву на несколько дней, но подолгу не жил, уходил к другим. Хаджи-Мурата принимали у себя все, так как он считался перешедшим в мусульманство. Дарили ему - то черкеску, то бешикет и т.п. Но я никогда

не видел, чтобы он работал». То же, в общем, показал и сам Ибрагим Цимхаев:

Я не отказывал Хаджи-Мурату в куске хлеба. Он ходил так по всем аулам Чечни. Водился с молодежью, ходил по свадьбам, но чтобы работал где-нибудь когда, я не видел. Учился он в школе с. Миюртуп по-арабски-чеченски, а затем учился в хуторе Билиты около с. Ялхой-Мох.

Из этого видно, что казак Мартынов совсем очеченился, даже образование свое закончил по - чеченски.

Еще труднее провести какую-либо грань между «государственными» и «безгосударственными» людьми в отношениях их к разбойничеству. Мы хорошо знаем, как ведут себя ингуши и чеченцы на государственной службе. Были случаи, что даже офицеры из «перебеглых народов» оказывались руководителями разбойничьих шаек. С другой стороны, давно числящиеся на государственной службе казаки тоже не безвинны в кавказском разбойничестве. В моих материалах имеется не мало на этот счет указаний. Вот какие, например, сведения войсковой старшина Вербицкий собрал об уряднике ст. Щедринской Гаурове:

Высланный из области, казак ст. Щедринской Никита Мингалев года четыре тому назад говорил в Кизлярской тюрьме, что он, Мингалев, продал Гаурову семнадцать лошадей по 10—12—15 рублей. Очевидно, лошади ворованные. У Мингалева никогда своих лошадей не было.

Четыре-пять лет тому назад Гауров отсылал в горы четырех лошадей, якобы пригулявших к табуну Гаурова. На дорогу дал 50 рублей.

Табуником у Гаурова, во всем ему помогавшим, был ногаец Абассаур. Когда на сборе в станице Щедринской поднялся вопрос о высылке, как неблагонадежного, Абассаура, то за него заступился атаман Канчерин и Гауров. Так вопрос о высылке и не был осуществлен.

Жена Ивана Хомутова рассказывала, что Гауров совершенно испортил её мужа: придет с Мингалевым и требует закуски, заводит пьянство в доме, седлают лошадей и все трое уезжают; иногда возвращаются скоро, а иногда пропадают дня три; вернутся - новая попойка...

У вдовы Прасковьи Канаткиной была украдена со двора ночью буйволова кожа. Через несколько дней приехал к Канаткиной Гауров и потребовал с неё три рубля за находку кожи, говоря, что он израсходовался на розыски кожи. Та дала три рубля. Тогда Гауров отправился в нежилой дом Юкина и вытащил из-под лавки кожу.

И т. д., и т. д. Словом, выясняется вполне определенная картина: не об одном лишь подозрительном человеке надо говорить, а о целой шайке - и притом о шайке, захватившей в свои руки станичную власть. В приведенной выдержке упоминается, между прочим, атаман Капчерин. Надо сказать, что он довольно часто упоминается в моих материалах. Фигурирует он и в деле Дорошенко, прошение которого я привел выше. По сведениям, собранным г. Вербицким, Дорошенко, это - всем известный вор, хотя он и служил в партизанской команде. И вот:

На сборе 12 марта, - показывали казаки Кисель и Пономаренко, - при баллотировке Петра Дорошенко к высылке, атаман станицы Капчерин ставить его на баллотировку не хотел, а затем при самой баллотировке пытался переложить шары из черной половины в белую.

Хищнические инстинкты, несомненно, далеко не вполне еще заглушены в казачестве. Не заглушены они и в остальном русском населении. Конечно, русские хищники чаще, чем чеченские пользуются более культурными, так сказать, формами. Поэтому то они не прочь были бы «замирить» инородцев, заключить «мир между бараном и волком»...

Надо, однако, сказать, что и чеченцы проявили уже склонность и способность усвоить эти, менее грубые и кровавые, формы хищничества. В массе же своей чеченцы, как и русские, являются, конечно, мирным трудящимся населением. Во всяком случае и в их среде гораздо больше тех, которых грабят, чем тех, которые грабят. И если это не всем ясно, то только потому, что:

там, - как говорил один из участников грозненского съезда, - следов выводить не к чему, там и запротоколировать краж не для чего. Казаки делают это ради получения вознаграждения; аулам взыскивать не с кого, и там «следы» смываются горькими слезами и безвозвратно гибнут для истории и потомства

Граница между разбойниками и мирным населением, которую должна найти государственная власть, проходит совсем не там, где она ее ищет. Племенная грань, грани веры, языка, обычаев тут не при чем. Хищничество такими гранями не очерчивается, оно выходит далеко за них и поднимается высоко над ними. Хищники, как мы видели, нередко являются агентами государственной власти или пользуются ею, как орудием. Опираясь на нее, они осуществляют наиболее грандиозные свои планы. От давних времен они унаследовали свои инстинкты, но и до сих пор они опираются на «старую удаль», отстаивая свои интересы. До сих пор они пользуются ею, не брезгуя ни казачьей удалью, ни чеченской...

Искоренить хищничество во всех его видах, это - громадная социальная задача, над которой уже многие тысячи лет бьется человечество. И разрешена она будет не прежде, чем настанет трудовое царство...

XIX

Но кавказская проблема в обычном её понимании - гораздо уже. Вопрос, как мы видели, заключается не в том, чтобы совсем искоренить хищничество, а в том, чтобы оно прекратилось хотя в таких грубых и кровавых формах, как грабежи и разбои... Легко понять, что и эту, сравнительно узкую, задачу нельзя разрешить теми методами, какими пользуется русская администрация. Единственно верные средства для этого - культура и право.

И нельзя сказать, чтобы местные деятели не понимали этого, чтобы не понимала этого сама администрация. Во всех проектах мало-мальски общего характера, кроме «мер немедленного воздействия», обязательно фигурируют и «меры длительного характера». Например, в «Памятной записке от временно-охотничьего отряда» рекомендуются такие длительные меры: 1) устройство дорог; 2) устройство школ; 3) устройство духовного училища для подготовки мулл; 4) борьба с обычаем кровничества; 5) борьба с обычаем калыма; 6) введение воинской повинности, и 7) введение земских учреждений. Таким образом, даже в этом отряде понимали, что одною стрельбою, хотя бы и прямо в лоб, разбойничество не искоренить.

Все дело в том лишь, что с «мерами длительного характера», как представляется местным деятелям, можно не спешить: все равно они будут действовать медленно. Прежде всего нужно принять «меры немедленного воздействия»: они сейчас же скажутся. Но на этих мерах администрация обыкновенно и останавливается.

Идеалом для неё до сих пор остается полковник (впоследствии генерал-майор) Беллик, бывший начальником чеченского народа во второй половине 50-х годов прошлого века. Чтобы читатели могли судить об этом идеале, приведу несколько выдержек из его приказов:

1858 г. Апреля 26. № 15... Из крепости в короткое время уведено две лошади и корова, следы которых прове-

дены по-над стенами вашего аула. Лошади и корова стоят 264 руб. 50 коп. серебром; деньги эти представьте ко мне для удовлетворения обиженных воровством, и с настоящего времени я возлагаю на вас ответственность за все воровство на расстоянии, начиная от Саранчи-Юрта до вашего аула, на том основании, что земля эта принадлежит вам.

1858 г. Мая 14. № 16... Чеченцы не перестают воровать и я объявляю вверенному мне народу, что всякий из чеченцев, обвиняемый в воровстве за Терекон ...будет ссылаться в Сибирь навсегда.

1858 г. Июля 21. № 20. Ко мне поступило множество жалоб, что мальчики Староюртовской деревни выходят толпами на дорогу и бросают камни в проезжающих. Объявите, князь, народу староюртовскому, что если и после этого я услышу жалобы от проезжающих, то для того, чтобы дорога была свободна от разбойников-мальчишек, я переселю всю Староюртовскую деревню на другое место.

1859 г. Января 14. № 6. Куларцы! Вы не исполнили моего приказа в том, что не выехали на арбах помогать бедным покорившимся чеченцам... и я лучшего наказания не нашел, как сменить вашего доброго старшину Батуку и назначить строгого Гамбулата. Он научит вас порядку.

1859 г. Ноября 21. № 25... 2) Никто из чеченцев не должен отлучаться из аула в другой аул без спроса у старшины...

4) Если чеченец имеет надобность продать свою лошадь или скотину в своем наместе, то должен иметь свидетельство от старшины (в другом наместе - от наиба)...

9) Объявляю...что если чеченцы будут там (в Кабарде, Назрани, на Кумыкской плоскости и т. д.) являться

без билетов, то заарестовывать их и присылать ко мне в кандалах за караулом. Люди, пойманные в тех местах без билетов, будут ссылаться в Сибирь.

1860 г. Апреля 9. № 13. Приказ в Шалинский аул. На вашей земле... убит русский человек. По правилам, объявленным уже вам об ответственности за землю, вы обязаны заплатить 1.000 руб. серебром или поймать и представить ко мне виновного в убийстве. Деньги штрафные начать теперь же взыскивать с аула⁴⁸.

Слов нет, кое в чем нынешняя администрация не достигла этого идеала, но кое в чем она и превзошла его. Во всяком случае, несомненно, что она создана по образу и подобию Беллика. Приведу еще две-три черты сходства.

«Объявляю народу...,- писал Беллик, - что доказчик за открытие какого-либо преступления пользуется данью уважения, и народы только этою мерой достигают искоренения дурных пороков, вредных обществу. Я желал бы, чтобы и чеченцы перестали держаться вредного для самих себя обычая поощрять воровство и упрекать доказчика» (1857 г. № 21)... И нынешняя администрация очень бы этого хотела, особенно, чтобы побольше было доказчиков...

«Ко мне доходят слухи, что некоторые наибы позволяют себе брать взятки и за то скрывают от меня мошенников и воров». (1858 г. № 12). И до нынешнего генерал-губернатора доходят такие слухи об окружных и участковых начальниках.

В довершение сходства остается прибавить разве одно: приказы, которые издает терская администрация, как мы видели, часто остаются вовсе неизвестными туземному населению; до него доходят только кары. То же наблюдалось и с красноречивыми приказами Беллика.

Я многих чеченцев спрашивал, - пишет он, - читали ли вам мои бумаги, которые я присылал в продолжение

1855, 1856, 1857 и 1858 гг. в каждый аул о том, как должен жить народ. Мне отвечают, что никто не читал.. (1859 г. № 13).

Более пятидесяти уже лет действует одна и та же система - система «мер немедленного воздействия. За это время и «меры длительного характера» могли бы сказаться. Но и до сих пор осуществить их не удалось. Даже пустяков не сделали. Возьму хотя бы такой пример. «Я знаю,- писал Беллик,- во многих деревнях таких мулл, которые не только неграмотные и непонимающие обязанности своей, но они отличаются еще особою бездарностью ума» (1857 г. № 18), «Поверьте мне, что я Коран знаю больше, как ваш мулла» - писал он в другом приказе (1858 г. № 21). Муллы и до сих пор остаются невежественными. «Немножко мулла» - как подсмеивался г. Вербицкий в Ялхорое. Даже духовных наставников народа просветить не позаботились. Впрочем, что муллы... Даже переводчиков для своих учреждений за пятьдесят лет правительство не подготовило.

Это, конечно, не случайность - не случайность, что дальше репрессий русская администрация не пошла в борьбе с разбойничеством.

Культура и право, - сказал я, - необходимы, чтобы, по крайней мере, кровь перестала литься на Кавказе. Но разве культуру, и тем более, право может внести полицейское государство?

Поэтому-то я и назвал то, что происходит на Кавказе, драмой... Кончится она, по-видимому, не прежде, чем полицейское государство уступит место правовому. А это—вопрос общероссийский.

Примечания

1. Русские солдаты не очень разбирались в местных национальностях и всех горцев называли попросту тата-

рами – прим. А.В. Пешихонова.

2. В частности и горцы наиболее беспокойного чеченского племени играют видную роль в капиталистическом преуспевании. В Грозном, например, чеченцам принадлежит 31 торговая фирма с оборотом в 1.368 тыс. рублей (из общего числа 196 фирм с оборотом в 4.779 тыс. руб.); в среднем, обороты чеченских фирм оказываются самыми крупными (44,1 тыс. руб.; у русских – 16,4 тыс. руб., у других национальностей – 23,3 тыс. руб.) и у некоторых из них достигают 100-200 тыс. руб. В том же Грозном чеченцам принадлежит 91 недвижимое имущество стоимостью по городской оценке в 443.800 руб. (См. приложение к «Записке терского об-ва любителей казачьей старины» по поводу запроса наместнику кавказскому от 22 декабря 1910 г.) - прим. А.В.П.

3. *jupes culottes* (франц.) – нижние юбки

4. Автор имеет в виду русскую революцию 1905-1907 годов.

5. Речь идет о практике привлечения горцев в карательные отряды в революционные и последующие годы, а также на службу к богатым хозяевам в качестве охранников, стражников.

6. Приказ по Терской области от 7 марта 1909 года - прим. А.В.П.

7. Зелимхан Гушмазукаев (Харачоевский) – знаменитый чеченский абрек, прославившийся дерзкими налетами на правительственные учреждения.

8. Октябристы – члены думской фракции партии «Союз 17 октября», образованной после провозглашения манифеста о даровании политических и гражданских свобод в октябре 1905 г. Защищала интересы крупных промышленников, землевладельцев и финансистов.

9. Намек на ту роль, которую казаки играли при подавлении революционных выступлений в городе и дерев-

не.

10. Г.А. Ткачев. *Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области*. Стр. 87-88 (Труды Терской о-ва любителей казачьей старины. Вып. 2-й. Владикавказ. 1911) - прим. А.В.П.

11. См.: *Терские ведомости*, 1907, №114 или у Ткачева, стр. 32-34 - прим. А.В.П.

12. Изворотливый «джентльмен» - капитал , капиталистические отношения.

13. См.: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т XIII (25 полутом) С. 58-61 («Ингуши»); Т XXXVIII (76 полутом) С. 785-786 («чеченцы»).

14. Любопытно отметить: по расчетам г. Ткачева с 1900 по 1908 в Терской области только лошадей и крупного рогатого скота было уворовано на 2.009 тыс. рублей; за то же время оброчной подати со всего горского населения причиталось 2.370 тыс. руб. (Г.А. Ткачев. *Казаки и туземцы в Терской области*. Владикавказ, 1910) - прим. А.В.П.

15. Юрт – территория, владения семьи, рода, общины.

16. *Divide et impera* (лат.) - Разделяй и властвуй.

17. Вербицкий вообще проявил немалую изобретательность . В том же, например, предписании Кужуеву он предписывает ставить посты наполовину из казаков, наполовину из чеченцев. «Чеченцам, - говорит он, - тогда удобнее применять в дело оружие против разбойников, так как убийство последующих в случае столкновения можно будет сваливать на казаков. Да, кстати, удобно это будет и в том отношении, что облегчится назначение старших на посты из урядников или приказных казаков». Стало быть, и за честными кровниками присмотр будет. - прим. А.В.П.

18. Цитирую по книге «Ингуши и чеченцы» -

прим. А.В.П.

19. Прим. к ст. 1256 Уст. Уг. Суд. Кроме похищения женщин, этим примечанием для горцев Терской области изъяты из подсудности окружным судом и отнесены к числу проступков, подлежащих ведению мировых учреждений, ещё следующие преступления: нанесение ран, увечья и смерти в ссоре или драке, начавшейся без всякого намерения совершить убийство или причинить увечье и рану; нарушение пределов необходимой личной обороны; кражи со взломом и кражи при оружии, если цена похищенного менее 300 руб. и если кража совершена в первый или во второй раз - прим. А.В.П.

20. *Et tutti guanti* (лат.) – и всякие другие; и пр. и пр.

21. Г.А. Ткачев. Ингуши и чеченцы. Стр. 29 - прим. А.В.П.

22. Не моё, конечно, дело входить в оценку, насколько эта инструкция стрелять в лоб являлась верной с военной точки зрения. В качестве бывшего солдата могу лишь засвидетельствовать, что не во всякой роте найдутся стрелки, которые даже на смотре в неподвижную мишень на точно вымеренном расстоянии могли бы наверняка попадать в лоб. Думаю, что и специальный курс стрельбы под руководством шт.-кап. Григорчука не мог довести солдат до такого совершенства. Возможно, поэтому, разрешение попадать не в середину лба, а в бровь или висок на лиц, знакомых с военным делом, произведет прямо комическое впечатление...— прим. А.В.П.

23. Кочевка (кочевье) – месторасположение кочующих людей; кутана – возможно от слова кут – закоулок, тупик, глухое место или от куть – дальний угол леса, поля (по В.И. Далю).

24. Партизанские, партизаны – добровольческие, добровольцы.

25. *Надпись Вербицкого на рапорте генерал-майора Павлова по поводу столкновения на Гудермесовском базаре. — прим. А.В.П.*

26. *Рапорт Мескер-Юртовского сельского старшины от 17 марта 1909г. — прим. А.В.П.*

27. *Рапорт Цацан-Юртовского старшины от того же числа — прим. А.В.П. Чечень (Чечен) — остров — остров в Каспийском море напротив устья Терека. Место ловли рыбы и проведения спортивных состязаний чеченцев, позднее — место ссылки чеченцев.*

28. *Начальник Веденского округа - прим. А.В.П.*

29. *Адъютант Вербицкого - прим. А.В.П.*

30. *«Русское слово». Цитирую по «Речи» от 28 сентября 1910 г. - прим. А.В.П.*

31. *Рапорт шт.-кап. Вакуловского - прим. А.В.П.*

32. *В другом рапорте (от 8 мая за №70) эта цель объяснена так: «по обеим сторонам дороги были пущены группами нижние чины для обыска жителей, находящихся на полевых работах». Надо сказать, что обыск жителей на полевых работах производился шт.-кап. Перепелкиным, по-видимому, систематически... Искал он, конечно, оружие. И находил...Помимо других, уже указанных мною причин, заставляющих население области ходить при оружии, имеется ещё специальная надобность в нем при полевых работах и на пастбищах: оружие, и при том огнестрельное, усовершенствованное, необходимо для защиты себя, скота и полей от диких зверей и, в частности, от диких кабанов, которые сильно портят посевы - прим. А.В.П.*

33. *Не мало было отобрано оружия и патронов самого последнего образца, которые «находятся в частях в неприкосновенных складах». Очевидно, между этими неприкосновенными складами и чеченскими аулами имеются достаточно хорошо проторенные и довольно прямые*

тропки. - прим. А.В.П.

34. *Экзекуция – здесь, наказание в виде постоя войск, содержать и обеспечивать всем необходимым которые должны были жители того или иного селения.*

35. *Упомянутый в этом протоколе полковник Котляревский был в конце концов устранен от должности и отдан под суд, но покончил с собой, не дождавшись приговора. Весной нынешнего года по просьбе его родственников, желавших реабилитировать покойного, дело было все-таки рассмотрено судом. Обвинение в пленении Месяцева, по-видимому, Котляревскому не было предъявлено, но, между прочим, он обвинялся в том, что отпустил абреков, обвинявшихся в этом преступлении. Судившая покойника палата признала обвинение доказанным - прим. А.В.П.*

36. *Читатели, может быть, удивятся, но такова уж кавказская политика: за убийство преступника, правильнее сказать, подозреваемого в преступлении, платят дороже, чем за его поимку. И это пожалуй, понятно: с живым ещё возиться надо, доказательства собирать, деньги на него тратить, а убит – и кончено дело. Сразу полная ликвидация - прим. А.В.П.*

37. *Телеграмма С.-Петербургского телеграфного агентства в Тифлисе от 27 октября 1911 г. - прим. А.В.П.*

38. *Рапорт начальника 1 уч. Кизлярского отдела атаману отдела от 3 ноября 1909 г. за № 768 - прим. А.В.П.*

39. *«Речь», 3 декабря 1909 г. - прим. А.В.П.*

40. *Прошение Нагая Макаева Вербицкому от 4 апреля 1909 г. - прим. А.В.П.*

41. *По утверждению председателя комитета овцеводов Северного Кавказа, овцеводами были лишь отцы Филатова, Калмыкова и Курьянова, сами же они «вряд ли*

имеют определенные занятия, кроме того, в чем они обличаются законом» («Новое время» 13 апреля 1910 г.) - прим. А.В.П.

42. «Новое время», 13 апреля 1910 г. - прим. А.В.П.

43. См. письмо г. Тимофеева в «Речь» от 27 марта 1910 г. - прим. А.В.П.

44. Грозненский съезд постановил, чтобы ссылка производилась не за счет общества, а за счет казны; по этому вопросу и было подано особое мнение - прим. А.В.П.

45. Приказ по Терской области, 7 марта 1909г., № 209 - прим. А.В.П.

46. Имеется в виду вторая часть очерка, вышедшая в ноябрьском номере журнала «Русское богатство» за 1911 год.

47. Приказ от 14 апреля 1910 г. за № 467 - прим. А.В.П.

48. Цитирую по книге Г.А. Ткачева «Ингуши и чеченцы» - прим. А.В.П.

Старая Россия и старая Чечня: невыученные уроки
(Изучающим Отечественную историю)

Компьютерная вёрстка - Ю.В. Машонина

Подписано в печать 20.03.2006

Формат бумаги 60х92/16

Печ. л. 10,62. Тираж 500 экз. Заказ 853.

Издательство Ярославского государственного педагогиче-
ского университета имени К. Д. Ушинского
(ЯГПУ)

150000, Ярославль, Республиканская ул., 108

Типография ЯГПУ

150000, Ярославль, Которосльская наб., 44